

04
/ 15

ReOS

Recht der Osteuropäischen Staaten

ReOS 04 / 2015

Inhaltsverzeichnis

Die Charkiver strafrechtliche Schule (1804 – 1919): eine allgemeine Betrachtung und Analyse der Lehr- und Forschungstätigkeit an der Zaristischen Charkiver Universität in der ersten Etappe der Entwicklung des Strafrechts (1804 – 1834)

Prof. Dr. Pavlo Bersin

298

Die Einführung des Systems des Qualitätsmanagements in den örtlichen Verwaltung in der Ukraine

Abbas Mahmed Aliiev oglu

415

Financial Resources as the Object of Legal Regulation in Terms of Ukrainian Statehood Development

Olga Getmanets

427

Die strafrechtliche Verantwortung von Unternehmen in Deutschland und der Ukraine

Moritz Schramm / Oksana Vyderko

432

Ausgangspositionen und Grundelemente des Staatsaufbaus der Ukraine

Dr. Doz. Mikola Tomenko

459

**Die Charkiver strafrechtliche Schule (1804 – 1919):
eine allgemeine Betrachtung und Analyse der Lehr- und Forschungstätigkeit
an der Zaristischen Charkiver Universität in der ersten Etappe der Entwicklung
des Strafrechts (1804 – 1834)**

Prof. Dr. Pavlo Bersin

Dr. habil.,

Professor am Lehrstuhl für Strafrecht

und Kriminologie an der juristischen Fakultät

der Nationalen Universität Taras Schevtschenko, Kiew

Ukraine

Der Autor analysiert die Entstehung und die wichtigsten Richtungen der Strafrechtswissenschaft an der Zaristischen Charkiver Universität zwischen 1804 und 1919. Zunächst wird ein Blick auf den Lehrkörper („Bestand an Dozenten“) im Strafrecht in dieser akademischen Einrichtung in dieser Periode geworfen: Strafrecht wurde am Lehrstuhl für Zivil- und Strafverfahrensrecht des russischen Reichs (1804 – 1835), am Lehrstuhl für Polizei- und Strafgesetzgebung (1835 – 1863) und am Lehrstuhl für Strafrecht, Strafprozess und Justiz (1863 – 1919) gelehrt. Außerdem wurden die Dozenten und die Formen des Unterrichts im Strafrecht an anderen Lehrstühlen der Zaristischen Charkiver Universität und anderen Ausbildungseinrichtungen in Charkiv zwischen 1804-1919 untersucht. So insbesondere an der charkiver Kommerzienschule, höheren Kommerzkurse am Kommerzinstitut, höhere Kurse für Studentinnen am Institut für Landwirtschaft und Forstwesen und am Institut für Veterinärwesen. Auf dieser Grundlage bestimmt der Autor die wichtigen Etappen der Entwicklung der Strafrechtswissenschaft an der Zaristischen Charkiver Universität und den anderen Ausbildungseinrichtungen zwischen 1804 und 1919, ferner stellt er die wichtigsten Richtungen der Strafrechtswissenschaft in dieser Universität in dieser Periode dar.

In dem Beitrag werden die Quellen behandelt, aus denen die Dozenten ihre wissenschaftlichen Kenntnisse auf dem Gebiet des Strafrechts an der Zaristischen Charkiver Universität in der ersten Periode der Entwicklung der Strafrechtswissenschaft zwischen 1804 und 1834 schöpften. Dabei geht es um die Besonderheiten bei dem historischen Verständnis des Strafrechts auf der Grundlage der Werke deutscher Philosophen aus der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts, englischer und französischer Aufklärer des 18. Jahrhunderts aber auch um die Grundlagen des Positivismus und des Naturrechts. Gesondert analysiert der Autor die Besonderheiten der

Entwicklung der Forschungen auf dem Gebiet des Strafrechts an der Zaristischen Charkiver Universität in der ersten Periode (1804 – 1834).

Methodisch geht der Autor in diesen Schritten vor:

- Darstellung der allgemeinen Aspekte der Bildung und Entwicklung der Charkiver Schule des Strafrechts in den Ausbildungseinrichtungen (zwischen 1804 und 1919);
- die Herausarbeitung der Voraussetzungen dafür, wie das wissenschaftliche Wissen auf dem Gebiet des Strafrechts an der Zaristischen Charkiver Universität in der Periode 1804 bis 1834 gewonnen wurde;
- die Darstellung der wichtigsten Richtungen des Verständnisses von Strafrecht an dieser Universität zwischen 1804 und 1834.

**Харьковская школа уголовного права (1804-1919):
общая характеристика и анализ деятельности преподавателей
Императорского Харьковского университета на первом этапе развития
науки уголовного права (1804-1834)**

Берзин Павел Сергеевич

доктор юридических наук,

профессор кафедры уголовного права и криминологии

юридического факультета

Киевского национального университета

имени Тараса Шевченко

Украина

Данная работа продолжает исследования автора в области истории науки уголовного права и построена на основе моей многолетней работы по нескольким направлениям. Содержание этих направлений отображают следующие **разделы**:

I) Харьковская школа уголовного права в деятельности учебных заведений (1804-1919): общие подходы формирования и становления (этот раздел включает **подразделы**: 1.1. Императорский Харьковский университет в период 1804-1919 годов (состав преподавателей уголовного права и связанных с ним дисциплин); 1.2. Другие учебные заведения; 1.2.1. Харьковское коммерческое училище Императора Александра III; 1.2.2. Харьковские высшие коммерческие курсы и Харьковский коммерческий институт; 1.2.3. Харьковские высшие

женские курсы Общества взаимного вспоможения трудящихся женщин; 1.2.4. Институт сельского хозяйства и лесоводства; 1.2.5. Харьковский ветеринарный институт Императора Николая I; 1.3. Этапы развития науки уголовного права в Императорском Харьковском университете и других учебных заведениях в период 1804-1919 годов; 1.4. Основные направления науки уголовного права в Императорском Харьковском университете в период 1804-1919 годов)

II) Предпосылки формирования научных знаний в области уголовного права преподавателей Императорского Харьковского университета на первом этапе (включает подразделы: 2.1. Формирование исторического понимания уголовного права на основе учений классической немецкой философии первой половины XVIII – начала XIX веков, английских и французских просветителей XVIII века; 2.2. Влияние идей Н.Н. Сандунова как представителя юридического позитивизма на понимание уголовного права; 2.3. Формирование естественно-правовых основ понимания уголовного права);

III) Основные направления науки уголовного права в Императорском Харьковском университете на первом этапе (1804-1834).

Раздел I.
ХАРЬКОВСКАЯ ШКОЛА
УГОЛОВНОГО ПРАВА В
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ (1804-1919):
ОБЩИЕ ПОДХОДЫ
ФОРМИРОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ

Вводные замечания.

Представленное в подразделах 1.1 и 1.2 этого раздела исследование процесса преподавания курса уголовного права и дисциплин, связанных с ним, в Императорском Харьковском университете (далее – Харьковский университет) и других учебных заведениях Харькова на протяжении 1804-1919 гг. обобщенно можно охарактеризовать как

«почасовик-хронология». Термин «почасовик» заимствован мной из «рабочего арсенала» советского историка-романиста В.С. Пикуля, в основе которого лежали научно-исследовательские методы известного ученого-архивиста и историка Л.Б. Модзалевского (1902-1948). «Почасовиком» или «хронологией» (хронологическим перечнем событий) писатель называл спрессованный до нескольких десятков страниц рабочий план (календарь), который он составлял на каждое новое произведение и из которого было понятно, какие события имели место в тот или иной год или даже день, с кем встречался герой и о чем они разговаривали, где можно прочитать об этом событии или герое. Просмотрев «почасовик», можно иметь довольно

полное представление о содержании книги¹.

В виде хронологического перечня (календаря) соответствующих событий может быть освещено развитие преподавания уголовно-правовой науки в отделении нравственных и политических наук (1804-1835), юридическом факультете (1835-1919) Харьковского университета, а также в других учебных заведениях. Такой, в некоторой степени справочный, подход обуславливает специфику структуры исследования и, в частности, включает: а) определение состава преподавателей уголовного права, которые в разное время работали на кафедре прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи, кафедре законов полицейских и уголовных на кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства и судопроизводства в Харьковском университете; б) определение представителей других кафедр отделения нравственных и политических наук, а также юридического факультета Харьковского университета, которые временно осуществляли преподавание курса уголовного права; в) определение состава преподавателей других кафедр отделения нравственных и политических наук, а также юридического

факультета Харьковского университета, которые преподавали курс уголовного права параллельно (одновременно) с преподавателями кафедры прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи, кафедры законов полицейских и уголовных и кафедры уголовного права и уголовного судопроизводства и судопроизводства; г) определение преподавателей дисциплин, связанных с наукой уголовного права, работавших на других кафедрах отделения нравственных и политических наук, а также на юридическом факультете Харьковского университета; д) определение состава преподавателей уголовного права, работавших в иных учебных заведениях Харькова.

Рассмотрение этих вопросов является заданием составления «почасовика-хронологии» процесса преподавания дисциплин, связанных с наукой уголовного права в указанных учебных заведениях (по-сути, такой же подход составления «почасовика» применялся мной при исследовании процесса преподавания курса уголовного права и дисциплин, связанных с ним, на юридическом факультете Императорского университета Святого Владимира в Киеве, Гимназии высших наук (юридическом лицее) имени князя Безбородко в Нежине, во Владимирском Киевском кадетском

¹ Пикуль А.И. Валентин Пикуль. Из первых уст / Антонина Пикуль. – М.: Вече, 2008. – 448 с. – С. 136.

корпусе, в Киевском Константиновском военном училище, Киевском юридическом институте, на Киевских Высших женских курсах, в Киевском коммерческом институте и Таврическом университете в Симферополе на разных этапах развития научной школы уголовного права периода 1834-1920 гг.²).

Предложенный в пределах подраздела 1.1 «почасовик» значительно отличается по конкретике содержания, выбранной методологии и детализации определенных событий от опубликованных в литературе изложений (очерков) истории развития уголовного права как науки и учебной дисциплины в Харьковском университете периода 1804-1919 гг.³ В свою очередь, хронология преподавания уголовного права в других учебных заведениях Харькова вообще не освещалась в современной литературе. Правда, и в пределах представленного в подразделе 1.1 исследования остается еще много «белых пятен», среди которых отдельно следует назвать такие:

² Берзін П.С. Київська школа кримінального права (1834-1960 роки): історико-правове дослідження. Монографія. – 2-ге вид., переробл. і доповн. – К.: «ВД «Дакор», 2013. – 1144 с. – С. 79-82, 819-855.

³ [Кафедра кримінального права № 1] // Національна юридична академія України імені Ярослава Мудрого. 1804-2009 / Ред. кол.: В.Я. Тацій, В.В. Сташис, А.П. Гетьман та ін. – Х.: Право, 2009. – 464 с. – С. 263-277; Харитоновна Е., Пономаренко Ю., Тютюгин В. Харьковская школа уголовного права // Право Украины. – 2011. – № 9-10. – С. 265-273; Kharkiv School of Criminal Law // Law of Ukraine. – 2011. – № 9-10. – P. 234-241.

a) содержательно-юридические: определение только общей картины состояния преподавания курса уголовного права и дисциплин, связанных с ним (например, отсутствуют сведения относительно структуры дисциплин, связанных с наукой уголовного права, а в отдельных случаях – и сведения относительно их наименования); необходимость дальнейшего определения наличия уголовно-правового содержания в учебных дисциплинах с названиями «общее публичное право», «естественное право», «энциклопедия права», «энциклопедия законоведения», «история римского права», «история уголовного права и процесса», которые преподавались на отделении нравственных и политических наук, а также на юридическом факультете Харьковского университета на протяжении 1804-1919 гг.; неточность хронологии в тех случаях, когда преподавание дисциплин, связанных с уголовным правом, осуществлялось несколькими преподавателями различных кафедр университета;

б) технико-юридические: отсутствие в основном содержании «почасовика-хронологии» биографических сведений, специализации преподавателя, а также справочной литературы, биографических и библиографических указателей, архивных источников (прежде всего потому, что в противоположном случае такой

«почасовик-хронология» станет биографическим или биобиблиографическим словарем/указателем, что для данной части моего исследования является неприемлемым).

Оставляя за собой право дальнейшего устранения указанных недостатков, все же отмечу возможность использования определенной последовательности событий для построения такого «почасовика», который еще не является окончательным и исчерпывающим, требуя дальнейшей доработки.

1.1. Императорский Харьковский университет в период 1804-1919 годов (состав преподавателей уголовного права и связанных с ним дисциплин)

Утвердительная грамота и первый Устав Императорского Харьковского университета были Высочайше подписаны императором Александром I 5 ноября 1804 г. (далее – Устав 1804 г.)⁴. В п. 1

⁴ [Утвердительная грамота Императорского Харьковского университета, данная 5 ноября 1804 г.] // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1804]. – № X. – [Ноябрь, декабрь]. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1805 года. – С. 215-224; Устав Императорского Харьковского университета [утвержден 5 ноября 1804 г.] // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1804]. – № X. – [Ноябрь, декабрь]. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1805 года. – С. 225-285.

Утвердительной грамоты предусматривалось, что «Императорский Харьковский Университет пребудет Сословием ученых мужей, которые под непосредственным Нашим покровительством, управляемо будет на основании Устава, в сей день Нами утвержденного»⁵.

В 1804 г. также был определен учебный округ, подведомственный Харьковскому университету. В его состав вошли Слободская-Украинская, Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии, а также «земли Донских и Черноморских казаков»⁶.

Торжественное открытие учебного заведения состоялось 17 января 1805 г. Сведения об этом содержатся в двенадцатом номере издания «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» за 1805 г.: «... В Январе ... В 17 день сего месяца Харьковский Университет Г. Попечителем оною Графом Потоцким открыт торжественным образом при собрании

⁵ [Утвердительная грамота Императорского Харьковского университета, данная 5 ноября 1804 г.] // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1804]. – № X. – [Ноябрь, декабрь]. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1805 года. – С. 216.

⁶ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1804]. – № V. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1804 года. – С. 90.

тамошнего Дворянства»⁷. Скорее всего, именно поэтому в официальных изданиях, опубликованных во второй половине 1810-х годов, временем основания Харьковского университета назывался 1805-й год⁸.

Однако, формирование Харьковского университета, а вместе с ним и юридического факультета (по Уставу 1804 г. – отделения нравственных и политических наук) началось еще за два

⁷ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1805]. – № XII. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1805 года. – С. 504. В день торжественного открытия университета произносились различные речи. О некоторых из них см.: Потоцкий Г.С. Речи о благотворительной цели преобразовании в России училищ // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1806]. – № XVI [Отдел IV. Речи, говоренные при открытии Харьковского университета. Перевод]. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1806 года. – С. 443-456; Рижский И. О изящных науках // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1806]. – № XVI [Отдел IV. Речи, говоренные при открытии Харьковского университета. Перевод]. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1806 года. – С. 457-467. Кроме этого, в официальных изданиях были опубликованы речи, произнесенные в первую годовщину открытия Харьковского университета (см.: Речь о познании, свойственном воображению, на день (17-го Января 1806 года) годовичного торжества открытия Императорского Харьковского Университета, говоренная Ректором оною Г. Рижским // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1806]. – № XV. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1806 года. – С. 287-309; *Oratio Inauguralis argrogantia in literis. Habita XVII. Ianuarii MDCCCVI. Die anniversario conditae universitatis charcoviensis* // Там же. – С. 310-317; *Chemische Betrachtungen uber die Ernährung und das Wachsthum der Pflanzen* // Там же. – С. 318-331).

⁸ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1809]. – № XXIII. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1809 года. – С. 302.

года до дня его торжественного открытия, а именно зимой 1802-1803 гг.⁹

В указанном Уставе Харьковского университета его структура определялась следующим образом: «Ученое сословие Харьковского Университета, включает в себе четыре Отделения или Факультета» (§22)¹⁰. Наименование этих отделений (факультетов) было следующим: «Отделение Нравственных и Политических наук», «Отделение Физических и Математических наук», «Отделение Врачебных или Медицинских наук», «Отделение Словесных наук»¹¹.

Описывая особенности разделения университетской организации на указанных четыре отделения (факультета), В.А. Томсинов отмечает, что наименование факультета, осуществлявшего подготовку правоведов, «отделением нравственных и политических наук» в университетских

⁹ Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века: Учебное пособие. – М.: Зерцало-М, 2011. – С. 28, 148-149.

¹⁰ Устав Императорского Харьковского университета [утвержден 5 ноября 1804 г.] // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1804]. – № X. – [Ноябрь, декабрь]. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1805 года. – С. 231.

¹¹ Устав Императорского Харьковского университета [утвержден 5 ноября 1804 г.] // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1804]. – № X. – [Ноябрь, декабрь]. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1805 года. – С. 231, 232.

уставах 1803-1804 гг.¹², прежде всего, отражало представление их (уставов) составителей о научной юриспруденции как о совокупности знаний о поведении человека. Это представление было господствующим в среде университетских правоведов XVIII – начала XIX вв. как в Западной Европе, так и в России. В учебной программе юридических факультетов того времени основополагающее значение имело римское право, между тем юристы Древнего Рима понимали юриспруденцию именно как совокупность знаний о человеческом поведении. Юридические науки в соответствии с таким пониманием их сущности считались науками «нравственными»¹³.

Из семи профессоров, наличие которых предусматривалось для отделения нравственных и политических наук Харьковского университета Уставом 1804 г., один определялся как «профессор прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи» (§22)¹⁴. В то же время в штат отделения

¹² Речь идет об утвержденных императором Александром I Уставах императорских российских университетов: Дерптского (12 сентября 1803 г.), а также Московского, Харьковского и Казанского (5 ноября 1804 г.).

¹³ Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. – С. 37-38.

¹⁴ Устав Императорского Харьковского университета [утвержден 5 ноября 1804 г.] // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1804]. – № X. – [Ноябрь, декабрь].

включались и адъюнкты – «помощники профессоров, под руководством коих стараются достигнуть большей степени совершенства и во всех практических трудах профессоров обязаны иметь участие»¹⁵. В §31 Устава 1804 г. указывалось: «Адъюнкты суть помощники Профессоров, под руководством коих стараются достигнуть большей степени совершенства, и во всех практических трудах Профессоров обязаны иметь участие»¹⁶.

1. На отделении нравственных и политических наук, которое существовало в Харьковском университете на протяжении 1804-1835 гг., преподавание уголовного права осуществлялось на кафедре прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи.

Состав:

Публичный ординарный профессор (1806), доктор прав (?), декан отделения

– В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1805 года. – С. 231.

¹⁵ Опыт истории юридического факультета // Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905) [I. История факультета; II. Биографический словарь профессоров и преподавателей]. Под редакцией проф. М.П. Чубинского и проф. Д.И. Багаляя. – Харьков: Типография «Печатное дело», 1908. – 310 с. – С. 5-6.

¹⁶ Устав Императорского Харьковского университета [утвержден 5 ноября 1804 г.] // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1804]. – № X. – [Ноябрь, декабрь]. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1805 года. – С. 236.

нравственных и политических наук (1807, 1809, 1811) Тимковский Илья Федорович (1806-1812). *Преподавал также курс истории русского права (1809), а также курс «государственного и гражданского российского права» (1810)*¹⁷;

Лектор (до ноября 1809), адъюнкт «Истории, Географии и Статистики Российского Государства»¹⁸ (ноябрь 1809), экстраординарный профессор «Истории и Статистики Российского государства»¹⁹ (февраль 1812), ординарный профессор «Истории, Статистики и Географии Российского Государства» (август 1814), помощник библиотекаря университета (? – 1812), декан отделения словесных наук (1814, 1816), член училищного комитета

¹⁷ Загурский Л.Н. Опыт истории юридического факультета императорского Харьковского Университета. – Второе дополнение. – Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1907. – С. 1-16. – С. 7; Загурский Л.Н. Обзорение предметов преподавания и распределения лекций на юридич[еском] фак[ультете] Харьк[овского] Унив[ерситета] в период 1804-1835 г. // Записки Императорского Харьковского университета. – 1906. – Книга 3-я и 4-я [Летопись Харьковского университета]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1907. – С. 1-16. – С. 7. Указанные публикации Л.Н. Загурского являются одинаковыми по содержанию, а первая из них представляет собой отдельную работу (оттиск), которая под несколько измененным названием была опубликована в том же году в разделе «Летопись Харьковского университета» издания «Записки Императорского Харьковского университета».

¹⁸ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1809]. – № XXIII. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1809 года. – С. 264.

¹⁹ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1812]. – № XXXIII. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1812 года. – С. 45.

университета (1816) Успенский Гавриил (Гавриила) Петрович (1812-1819). *Занимая с февраля 1812 г. по 1819 г. указанные должности экстраординарного и ординарного профессора на кафедре истории, географии и статистики Российского государства, проводил со студентами лекционные и практические занятия по российскому гражданскому праву (1812, 1813, 1819), теории российской юриспруденции (1813), истории законодательства Российской империи (1815-1816), истории русского права (1819), российскому уголовному праву (1816)*²⁰;

Адъюнкт (1821) с «жалованием экстраординарного профессора» (1823), магистр прав (1814), доктор прав (1819) Михайловский Капитон Филиппович (1821-1823). *Проводил со студентами практические занятия по уголовному и гражданскому праву;*

Преподаватель (1823), кандидат прав (1823) Спасский Николай Тимофеевич (1823-1824, 1828-1831);

²⁰ Загурский Л.Н. Опыт истории юридического факультета императорского Харьковского Университета. – Второе дополнение. – Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1907. – С. 1-16. – С. 8-11; Загурский Л.Н. Обзорение предметов преподавания и распределения лекций на юридич[еском] фак[ультете] Харьк[овского] Унив[ерситета] в период 1804-1835 г. // Записки Императорского Харьковского университета. – 1906. – Книга 3-я и 4-я [Летопись Харьковского университета]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1907. – С. 1-16. – С. 8-11.

Ординарный профессор (1825), декан отделения (1827, 1828), магистр прав (27 апреля 1812) Данилович Игнатий Николаевич (1825-1830). *Кроме курса российского уголовного права, преподавал также курс российского гражданского права (1828)*²¹;

Адъюнкт (14 июля 1830) Бабичев Андрей Кондратьевич (14 июля 1830 – лето 1833). *Кроме курса российского уголовного права, преподавал также курсы российского публичного права, уголовного и гражданского судопроизводства*²²;

Кандидат прав, которому специально было поручено преподавание российского уголовного и гражданского права (1829),

адъюнкт (17 января 1833)²³, магистр прав (1833) Гордеенко (Гордеенков) Гавриил Степанович (1829 – 26 июня 1835). *Секретарь юридического факультета (1833 или 1834)*²⁴. *В 1832-1833 учебном году Г.С. Гордеенко преподавал курсы «Российского Гражданского и Уголовного Права»*²⁵, *а в 1833-1834 учебном году, после увольнения А.К. Бабичева, он (уже в качестве адъюнкта) – курсы уголовного и гражданского права и судопроизводства, а также российского публичного права. В 1834-1835 и 1836-1837 учебных годах, по поручению факультета, Г.С. Гордеенко преподавал курсы «Российского Публичного Права», «Гражданского и Уголовного Права»*²⁶ *и курс истории российского законодательства.*

²¹ Загурский Л.Н. Опыт истории юридического факультета императорского Харьковского Университета. – Второе дополнение. – Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1907. – С. 1-16. – С. 13; Загурский Л.Н. Обзор предметов преподавания и распределения лекций на юридическом факультете Харьковского Университета в период 1804-1835 г. // Записки Императорского Харьковского университета. – 1906. – Книга 3-я и 4-я [Летопись Харьковского Университета]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1907. – С. 1-16. – С. 13.

²² В некоторых источниках указывается, что дисциплинами, которые читал А.К. Бабичев, были «Российское Публичное Право» и «Российское Практическое Судопроизводство», которые он преподавал по два часа в неделю (см.: О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832-33 Академический год) // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 246).

²³ В апрельском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1834 г. указывается: «Магистры Гордеенков и Криворотов определены Адъюнктами по Юридическому Факультету (17 Янв[аря])» (см.: Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть вторая. – [№ IV. Апрель]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. СІХ). Однако, какой именно имелся в виду год, 1833-й или 1834-й, пока не установлено.

²⁴ Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть вторая. – [№ IV. Апрель]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. LXXXVI.

²⁵ О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832-33 Академический год) // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 246.

²⁶ О публичных курсах в университетах на 1834-35 академический год // Журнал

2. На кафедре прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи временно осуществлялось преподавание адъюнктом (1812), ординарным профессором (1818) **кафедры прав естественного, политического и народного** Пауловичем (Павловичем) Константином Павловичем учебных дисциплин «общее уголовное право» (1813, 1816)²⁷ и «российское уголовное право» (5 октября 1820 – 24 января 1821 и 1823-1824). Кроме этого, *К.П. Паулович преподавал дисциплины «история римского права» и «римское право» (1812, 1815-1816, 1819, 1820 – 21 октября 1834), а также «общее естественное право» (1813), «общее публичное право» (1813)* (об этом см. ниже – подпункты 4.1.1 и 4.3 п. 4 данного подраздела).

Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть пятая. – [№III. Март]. – [Отдел 3]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1835. – С. 502.

²⁷ Загурский Л.Н. Опыт истории юридического факультета императорского Харьковского Университета. – Второе дополнение. – Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1907. – С. 1-16. – С. 8-12; Загурский Л.Н. Обозрение предметов преподавания и распределения лекций на юридическом факультете Харьковского Университета в период 1804-1835 г. // Записки Императорского Харьковского университета. – 1906. – Книга 3-я и 4-я [Летопись Харьковского Университета]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1907. – С. 1-16. – С. 8-12.

3. 26 июня 1835 г. был Высочайше утвержден Общий устав Императорских российских университетов, который в составе этих учебных заведений предусмотрел наличие юридического факультета (вместо отделения нравственных и политических наук).

На юридическом факультете Харьковского университета преподавание уголовного права осуществлялось:

3.1. На кафедре законов полицейских и уголовных (26 июня 1835 – 18 июня 1863). В период с августа 1850 г. и до 1851 г. преподавание курса уголовного права по этой кафедре не осуществлялось вообще, поскольку кафедра не имела ни одного штатного преподавателя (об этом свидетельствуют следующие записи в справочной литературе: «В августе месс[яце] 1850 г. совет нашел возможным освободить декана Куницына от преподавания в 18⁵⁰/₅₁ г. уголовного законовещения, с тем, чтобы преподавание сего предмета было бы поручено кому-либо из прочих г.г. преподавателей. Однако, никто из членов факультета не принял на себя таковое преподавание, а потому факультет находит возможным оставить уголовное право без преподавания в первой половине года, с тем, чтобы во 2-м полугодии, если к тому времени не будет определен преподаватель по сему предмету, преподавание возложить на кого окажется удобнее (14

авг., 25 сент., 22 ноября 1850 г.)»²⁸; «Безуспешными оказались также объявленные конкурсы по вакантным кафедрам уголовных и полицейских законов, энциклопедии права (1851 г.), римского права (1860 и 1861 г.г.), по кафедре о финансах (1860 и 1861). Оставление молодых людей в университете, в качестве стипендиатов для приготовления к профессорскому званию, отправление их за границу с ученой целью, не производилось»²⁹).

Состав:

Адъюнкт (1833), исправляющий должность экстраординарного профессора (май 1837), ординарный профессор (сентябрь 1838), магистр прав (1833), доктор прав (сентябрь 1838) Гордеенко (Гордеенков) Гавриил Степанович (26 июня 1835 – 15 апреля 1849). *В этот период, кроме курса уголовного права, временно преподавал также курс общенародного правоведения;*

Ординарный профессор (август 1852), доктор прав (1844) Палюмбецкий Александр Иванович (август 1852 – 18 июня 1863).

3.2. В период с июня 1842 г. по август 1852 г. преподавание уголовного

²⁸ Опыт истории юридического факультета // Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905) ... С. 41.

²⁹ Там же. – С. 45.

права на кафедре законов полицейских и уголовных временно осуществлялось преподавателями других кафедр юридического факультета, а именно:

1) адъюнктом (30 ноября 1838), секретарем совета юридического факультета (1842-1845), исправляющим должность экстраординарного профессора (1844), экстраординарным профессором (1844), ординарным профессором (ноябрь 1845) **кафедры энциклопедии или общего обозрения системы законодательства и российских государственных законов**, ректором университета (1849), доктором прав (1844) Палюмбецким А.И. с июня 1842 г. до 1 августа 1844 г., когда ординарный профессор Гордеенко Г.С. пребывал в заграничной командировке, а также после смерти последнего (15 апреля 1849 г.) и до конца первой половины 1850 г. Кроме этого, в апреле 1849 г. (по решению совета юридического факультета и ректора университета) и в августе 1853 г. (по указанию попечителя Харьковского учебного округа) проводил экзамены по уголовному праву;

2) ординарным профессором (14 сентября 1835) **кафедры гражданских законов, общих особенных и местных**, деканом юридического факультета (1849), проректором университета (1849), директором Педагогического института в составе Харьковского университета (1841-

1854), доктором прав (1835) Куницыным Алексеем Васильевичем (после смерти ординарного профессора Гордеенко Г.С. 19 апреля 1849 г. и до августа 1850 г.)³⁰;

3) ординарным профессором (14 сентября 1835) **кафедры законов благоустройства и благочиния**, специально назначенным советом юридического факультета в 1851 г. для преподавания по кафедре законов полицейских и уголовных курса уголовного права в 1852-1853 учебном году, доктором прав (1840) Платоновым Иваном Васильевичем (1851 – август 1852). *Очевидно, осуществлял преподавание курса уголовного права на протяжении первой половины 1851 г. и на протяжении второй половины 1851 – первой половины 1852 учебного года, поскольку в августе 1852 г. попечитель учебного округа дал свое согласие на занятие должности ординарного профессора кафедры законов полицейских и уголовных Палюмбецким А.И. и вопреки решению совета юридического факультета поручил провести экзамен по уголовному праву в апреле 1853 г. вместо И.В. Платонова ординарному профессору А.И. Палюмбецкому.*

³⁰ См. об А.В. Куницыне: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.): Учебное пособие. – М.: Зерцало-М, 2013. – С. 79.

3.3. На кафедре уголовного права и уголовного судоустройства и судопроизводства (18 июня 1863 – 1919). Была создана вместо реформированной *кафедры законов полицейских и уголовных* на основании *Общего устава Императорских российских университетов*, Высочайше утвержденного 18 июня 1863 г. (этим Уставом на юридических факультетах российских императорских университетов предусматривалось тринадцать кафедр при тринадцати профессорах и шести доцентах (вместо семи кафедр при восьми профессорах и двух адъюнктах по предыдущему Уставу); в соответствии с Уставом 1863 г. кафедра, на которой осуществлялось преподавание уголовного права, получила название «кафедры уголовного права и уголовного судоустройства и судопроизводства» (в литературе такое название сокращалось до «кафедры уголовного права и судопроизводства»³¹).

Состав:

Ординарный профессор (18 июня 1863), декан юридического факультета (1863-1866, 1869-1870), ректор университета (1872-1873, осень 1879 – ?), почетный член университета (1875),

³¹ Опыт истории юридического факультета // Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905) ... С. 64, 70.

доктор прав (1844) Палюмбецкий А.И. (18 июня 1863 – 1 октября 1876);

Приват-доцент (31 января 1867), доцент (23 февраля 1870 или 31 января 1871), экстраординарный (24 марта 1873), ординарный (24 июля 1874) профессор, заслуженный профессор университета (апрель 1892), магистр (24 декабря 1870), доктор (14 февраля 1872) уголовного права Владимиров Леонид (Литман) Евстафьевич (Евстахович) (31 января 1867 – 20 сентября 1893). *Как приват-доцент преподавал курс законов «о предупреждении и пресечении преступлений», начиная с первого полугодия 1867 г., а с 1872-1873 учебного года преподавал курс уголовного судопроизводства. Курс уголовного судоустройства Л.Е. Владимиров преподавал до выхода А.И. Палюмбецкого в отставку. После этого он с 1876-1877 учебного года начинает преподавать курс уголовного права;*

Приват-доцент (октябрь 1880) Василенко Иван Григорьевич (октябрь 1880 – 1892);

Ординарный профессор (1893) Даневский Всеволод Пиевич (1893 – 25 марта 1898). *Читал студентам курсы лекций по общей и особенной части уголовного права как ординарный профессор указанной кафедры на протяжении 1893-1898 гг., а также курсы уголовного и гражданского*

судопроизводства и курс международного права;

Приват-доцент (31 декабря 1894), исправляющий должность экстраординарного профессора (19 марта 1904), магистр уголовного права (10 декабря 1903) Киселев Александр Дмитриевич (1894-1919);

Исправляющий должность экстраординарного профессора (осень 1903), ординарный профессор (2 июня 1905), магистр (1900), доктор (1905) уголовного права Чубинский Михаил Павлович (1903 – 7 февраля 1906). *Кроме курсов лекций по общей и особенной части уголовного права, а также практических занятий по этим дисциплинам, на протяжении весеннего семестра 1903 г. временно преподавал курс истории уголовного права и процесса вместо исправляющего должность экстраординарного профессора кафедры истории русского права Н.А. Максимейко, который с 20 мая 1903 г. по 1 января 1904 г. находился в заграничной командировке для работы над докторской диссертацией;*

Приват-доцент (30 января 1908), магистрант (30 января 1902), магистр уголовного права (1908) Таубер Леонид Яковлевич (1902-1919). *Проводил со студентами практические занятия по уголовному праву, совмещая преподавательскую деятельность в*

университете и Харьковском коммерческом училище (? – 1919), а также с работой в Харьковской судебной палате (1895-1917) и политической деятельностью³²;

Приват-доцент (25 января 1913), магистрант (8 мая 1912), старший ассистент при юридическом факультете (1915), магистр уголовного права (не позднее 1913) Маклецов Александр Васильевич (1913-1919). В официальных документах упоминается как стипендиат (1911)³³, выдержавший 8 мая 1912 г. вторую половину экзамена на степень магистра и прочитавший пробные лекции для получения должности приват-доцента соответственно 5 и 12 ноября 1912 г.³⁴ Должности приват-доцента и старшего ассистента при факультете совмещал. Начиная с 1913-1914 учебного года, читал лекции по необязательному для студентов курсу «Главнейшие

направления в науке уголовного права» (один час в неделю) и проводил практические занятия по уголовному праву и судопроизводству, как обязательные для студентов (по два часа в неделю)³⁵. С 1 января 1914 г. распоряжением Министерства народного просвещения был командирован за границу сроком на два года «для приготовления к профессорскому званию»³⁶. Преподавательскую деятельность в университете совмещал с работой в эвакуированном в конце 1916 г. в Харьков из Новой Александрии институте сельского хозяйства и лесоводства (1914-1919), работой по организации в 1916 г. в Харькове высших женских курсов, а также политической деятельностью³⁷.

Приват-доцент (3 декабря 1915), магистрант (28 марта 1914), магистр уголовного права (?) Трахтеров Владимир

³² На протяжении 1917-1919 гг. Л.Я. Таубер представлял руководящие органы Харьковской организации Конституционно-демократической партии. В 1917-м и 1919-м годах избирался гласным Харьковской городской Думы от указанной партии (см.: Новая Россия. – 1919 (8 ноября).

³³ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского Университета за 1911 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1912. – Книга 3-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1912. – С. 4.

³⁴ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского Университета за 1912 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1913. – Книга 1-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1913. – С. 16-17.

³⁵ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского Университета за 1913 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1914. – Книга 1-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1914. – С. 35, 37.

³⁶ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского Университета за 1914 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1915. – Книга 1-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1915. – С. 5-6, 39.

³⁷ Вместе с Л.Я. Таубером А.В. Маклецов на протяжении 1917-1919 гг. представлял руководящие органы Харьковской организации Конституционно-демократической партии и также избирался гласным Харьковской городской Думы от кадетской партии (см.: Новая Россия. – 1919 (8 ноября).

Сергеевич. В официальных источниках упоминается как стипендиат с 1911 г.³⁸ «для приготовления к профессорскому званию ... по 17 мая 1913 года»³⁹, впоследствии «выдержавший испытания в первой половине» на степень магистра уголовного права 28 марта 1914 г.⁴⁰ и «согласно разрешению Г. Управляющего учебным округом принят в число приват-доцентов по кафедре уголовного права» 3 декабря 1915 г.⁴¹

3.4. Преподавание уголовного права параллельно (одновременно) с преподавателями кафедры уголовного права и уголовного судостройства и

³⁸ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского Университета за 1911 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1912. – Книга 3-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1912. – С. 4.

³⁹ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского Университета за 1913 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1914. – Книга 1-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1914. – С. 4.

⁴⁰ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского Университета за 1914 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1915. – Книга 1-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1915. – С. 40.

⁴¹ Список служащих в Императорском Харьковском Университете // Записки Императорского Харьковского университета. – 1916. – Книга 2-я и 3-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1916. – С. 12; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского Университета за 1915 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1916. – Книга 1-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1916. – С. 43.

судопроизводства осуществлялось ординарным профессором **кафедры международного права** (1884) В.П. Даневским (1887-1893), то есть преподавателем другой кафедры юридического факультета и только на протяжении шести учебных лет – до выхода ординарного и заслуженного профессора Л.Е. Владимиров в отставку.

4. В период 1804-1919 гг. преподавание дисциплин, связанных с наукой уголовного права, осуществлялось и на других кафедрах отделения нравственных и политических наук (1804-1835) и юридического факультета (1835-1919) Харьковского университета, а именно:

4.1. При преподавании дисциплин, наименования которых соответствовали названиям курсов естественного права, юридической энциклопедии (энциклопедии права) и энциклопедии законоведения. В указанный выше период эти дисциплины преподавались:

4.1.1. На **кафедре энциклопедии права**, которая на протяжении 1804-1835 гг. (по Уставу 1804 г.) называлась **кафедрой прав естественного, политического и народного.**

Состав:

- адъюнкт (1807), экстраординарный (июнь 1811), ординарный (февраль 1812) профессор, секретарь Совета отделения

нравственных и политических наук (ноябрь 1813 – ?) Ланг Иосиф Матвеевич (1807-1813). Преподавал студентам курс естественного права. Причем в официальных источниках времен работы И.М. Ланга в Харьковском университете указывалось, что в феврале 1812 г. он был «утвержден в звании *Ординарного Профессора Дипломатики и Политической Экономии*»⁴², а в следующем 1813-м году состоял «*Публичным Ординарным Профессором*»⁴³.

- ординарный профессор (май 1811) Терлаич Григорий Иванович (1811), который представил свое двухтомное исследование «*Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России*»⁴⁴ в Харьковский университет и был в мае 1811 г. избран ординарным профессором

⁴² Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1812]. – № XXXIII. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1812 года. – С. 43.

⁴³ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1813]. – № XXXVI. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1813 года. – С. 3.

⁴⁴ См.: Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России. Начертанное Профессором Григорием Терлаичем. – Часть I. – С. Петербург: При Императорской Академии Наук, 1810. – 111 с.; Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России. Начертанное Профессором Григорием Терлаичем. – Часть II. – Печатано с дозволения Санктпетербургского Цензурного Комитета. – Иждивением Ивана Заикина. – С. Петербург: При Императорской Академии Наук, 1810. – 244 с.

по вышеуказанной кафедре⁴⁵. Однако, переехав в Харьков летом 1811 г., так и не приступил к работе, поскольку заболел сыпным тифом и в том же 1811-м году умер;

- адъюнкт (1812), доктор философии (?), магистр прав (1810), секретарь отделения нравственных и политических наук (октябрь 1813), ординарный профессор (1818), заслуженный профессор (1834), декан отделения нравственных и политических наук (1821, 1822) Паулович (Павлович) Константин Павлович (1810 – 21 октября 1834). Как ординарный и заслуженный профессор состоял в университете членом «Испытательного для Гражданских Чиновников Комитета» (23

⁴⁵ В связи с этим в издании «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» за 1811 г. указывалось, что в мае этого года «по представлению Совета Императорского Харьковского Университета, Профессор Санктпетербургского Педагогического Института Терлаич утвержден в сей Университет Ординарным Профессором Прав Естественного, Политического и Народного» (см.: Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1811]. – № XXXI. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1811 года. – С. 168, 170). Через месяц после этого ординарный профессор Г.И. Терлаич, как избранный Советом Харьковского университета по кафедре «Прав Естественного, Политического и Народного», был утвержден решением министра народного просвещения (там же. – С. 222). Хотя в отдельных источниках все же указывается, что, например, в 1806 г. Г.И. Терлаич в чине профессора Педагогического института в Петербурге не состоял (см.: Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1806]. – № XIV. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1806 года. – С. 143).

апреля – 21 октября 1834)⁴⁶. Кроме дисциплины «общее естественное право» (1813), преподавал также дисциплины под названиями «история римского права» и «римское право» (1812, 1815-1816, 1819, 1820 – 21 октября 1834), «общее публичное право» (1813), «общее уголовное право» (1813, 1816) и «российское уголовное право» (5 октября 1820 – 24 января 1821 г. и 1823-1824 гг.). Как заслуженный профессор был «уволен вовсе от службы» на основании распоряжения министра народного просвещения от 21 октября 1834 г.⁴⁷;

- экстраординарный профессор по кафедре прав иностранных народов (за другими данными – «экстраординарный профессор для исторических наук»⁴⁸) (май

1811), ординарный профессор «Прав Естественного, Политического и Народного»⁴⁹ (июль 1815), декан отделения нравственных и политических наук (1816), секретарь Совета этого отделения (1816), член училищного комитета университета (1817) Рейт Бернгард Осипович на протяжении 1815-1820 гг. временно преподавал дисциплину под названием «естественное право: частное, естественное и народное право»;

- ординарный профессор (1806), декан отделения нравственных и политических наук (1806, 1814), член училищного комитета университета (1816, 1817) Иоганн (Иван Егорович) Шад (1806). Преподавал курс естественного права на протяжении 1806 г.

⁴⁶ Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть первая. – [№ I. Январь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. LXXVII; Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть первая. – [№ II. Февраль]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. CLVII.

⁴⁷ Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть первая. – [№ II. Февраль]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. CLVII.

⁴⁸ В издании «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» за 1811 г. ученое звание, в которое был возведен Бернгард Рейт в мае 1811 г., определялось следующим образом: «по представлению Совета Харьковского Университета адъюнкт сего Университета Доктор Рейт утвержден в звании Экстраординарного Профессора для исторических наук» (см.: Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1811]. – № XXXI. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1811 года. – С. 168, 170). О том, что Бернгард Рейт был «переведенным» из адъюнктов университета экстраординарным профессором именно «исторических наук»,

4.1.2. На кафедре энциклопедии или общего обзора системы законовещения, Российских государственных законов, то есть законов основных, законов о состояниях и государственных учреждениях. Такое название кафедра получила по Уставу 1835 г. (сохранялось до 18 июня 1863 г., когда был Высочайше утвержден очередной Общий устав императорских российских университетов

указывается и в других источниках (там же. – С. 225).

⁴⁹ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1815]. – № XL. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1815 года. – С. 106, 108.

и соответствующая кафедра получила название «энциклопедии права»).

Состав:

- адъюнкт (1838) Палюмбецкий А.И. (1838 – 18 июня 1863). Преподавал студентам курсы энциклопедии законоведения, основных законов Российской империи, а также курс под названием «законы о состояниях и государственные учреждения»;

- адъюнкт (1851), кандидат прав (1847), магистр прав (1849) Каченовский Дмитрий Иванович (1851-1853). Преподавал студентам только один «отдел» энциклопедии законоведения, называвшийся как «основные законы, учреждения и устав о службе», а также курс государственных учреждений;

- исправляющий должность адъюнкта (1843), экстраординарный (1854), ординарный профессор (1859), магистр гражданского законоведения (1842), доктор прав (1851) Станиславский Антон Григорьевич (12 ноября 1853 – май 1859, август 1859 – 18 июня 1863). Как исправляющий должность адъюнкта преподавал один «отдел» курса энциклопедии законоведения, называвшийся учением о правах состояний, а также курс истории римского права. В дальнейшем преподавал курс русских государственных и курс истории римского права. После того, как в августе 1852 г. А.И. Палюмбецкий перешел

на кафедру законов полицейских и уголовных, именно А.Г. Станиславский стал преподавать вместо него курс энциклопедии законоведения и курс российских государственных законов. Являлся специалистом в области уголовного права, поскольку в 1854 г. Совет императорского Санкт-Петербургского университета избрал его экстраординарным профессором кафедры законов полицейских и уголовных, о чем свидетельствует следующая запись А.Н. Фатеева в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей» юридического факультета Харьковского университета: «Через 3 года после перевода в Харьковский университет Станиславский был избран Сов[етом] Петербургского унив[ерситета] на кафедру уголовн[ых] и полиц[ейских] законов»⁵⁰;

- ординарный профессор кафедры благоустройства и благочиния (1858), назначенный в 1858 г. для временного преподавания курса энциклопедии законоведения на протяжении весеннего семестра 1858-1859 учебного года, Пахман Семен Викентьевич (1858-1859). Временно на протяжении нескольких месяцев преподавал как профессор кафедры

⁵⁰ Биографический словарь профессоров и преподавателей юридического факультета // Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905) ... С. 296.

благоустройства и благочиния курс законов о государственных и губернских учреждениях между увольнением А.Г. Станиславского в мае 1859 г. и возобновления им своей преподавательской деятельности в августе того же года, но уже в качестве ординарного профессора;

- адъюнкт (1863), магистр международного права (1862) Стоянов Андрей Николаевич (весенний семестр 1862-1863 учебного года). *Проводил занятия по курсу энциклопедии законоведения всего несколько месяцев в 1863 г., поскольку в том же году убыл за границу в командировку с научной целью, а после своего возвращения в 1865 г. занял в университете должность адъюнкта по кафедре иностранных законодательств.*

4.1.3. На кафедре **энциклопедии права** (такое название было введено по Уставу 1863 г.) с двумя составляющими: 1) энциклопедией юридических и политических наук и 2) историей философии права. Функционировала до 1884 г., когда на основании Высочайше утвержденного 23 августа 1884 г. Общего устава императорских российских университетов в составе юридических факультетов была предусмотрена кафедра энциклопедии права и истории философии права.

Состав:

- ординарный профессор (1859), доктор прав (1851) Станиславский А.Г. (18 июня 1863 – 2 мая 1869). *Преподавал курс энциклопедии права до 1868 г., после чего перешел на кафедру римского права, продолжая проводить занятия по энциклопедии права до 2 мая 1869 г.;*

- приват-доцент (31 января 1867), доцент (23 февраля 1870 или 31 января 1871), экстраординарный (24 марта 1873), ординарный (24 июля 1874) профессор по кафедре уголовного права и уголовного судоустройства и судопроизводства, назначенный в 1869 г. и 1872 г. для временного преподавания курса энциклопедии права, Владимиров Л.Е. (1869-1870, 1872-1878). *Осуществлял преподавание этой дисциплины с 1869 г. по 1870 г. (один год после А.Г. Станиславского) до своего отъезда за границу в 1870 г. После возвращения из-за границы в 1872 г. продолжил преподавание курса энциклопедии права до 1878 г.;*

- ординарный профессор по кафедре уголовного права и уголовного судоустройства и судопроизводства (18 июня 1863), назначенный в 1870 г. для временного преподавания курса энциклопедии права на протяжении 1870-1871 учебного года, Палюмбецкий А.И. (1870-1871). *Временно преподавал указанную дисциплину вместо ушедшего в заграничную командировку Л.Е.*

Владими́рова (на период его пребывания за границей);

- приват-доцент (1878), доцент (1881), магистр государственного права (1881) Ярош Киприян Николаевич (1878 – 23 августа 1884). *Как приват-доцент по указанной кафедре преподавал курс энциклопедии права после Л.Е. Влади́мирова.*

4.1.4. На кафедре энциклопедии права и истории философии права, которая функционировала в составе юридического факультета с 23 августа 1884 г. по 1919 г.

Состав:

- ординарный профессор (23 августа 1884), магистр международного права (1862), доктор государственного права (1869) Стоянов А.Н. (23 августа 1884 – март 1887). *Преподавал курс энциклопедии права до своего перехода в марте 1887 г. на кафедру римского права;*

- доцент (23 августа 1884), экстраординарный (1885), ординарный (1888) профессор, магистр (1881), доктор (1886) государственного права Ярош К.Н. (23 августа 1884 – сентябрь 1902). *Сначала проводил занятия по истории философии права, а после перехода А.Н. Стоянова в марте 1887 г. на кафедру римского права стал преподавать курс энциклопедии права и курс истории философии права. Прекратил преподавательскую*

деятельность с выходом в отставку в сентябре 1902 г., в связи с чем кафедра оставалась вакантной (т.е. не имела ординарного или экстраординарного профессора, который бы ее занимал) до 1909 г., когда исправляющим должность экстраординарного профессора по этой кафедре стал А.Н. Фатеев;

- приват-доцент (23 ноября 1897), исправляющий должность экстраординарного профессора (3 марта 1908), магистрант (1900), магистр государственного права (1908) Фатеев Аркадий Николаевич (октябрь 1900 – 1919). *Как приват-доцент преподавал студентам часть обязательной дисциплины истории философии права под названием «Важнейшие правовые учения XIX века»⁵¹. Кроме этого, проводил со студентами практические занятия по энциклопедии права и истории философии права. В 1901-1902 учебном году преподавал студентам курсы энциклопедии права и истории философии права вместо ушедшего в заграничную командировку К.Н. Яроша. После возвращения К.Н. Яроша и его выхода в отставку в сентябре 1902 г. А.Н. Фатеев*

⁵¹ По другим данным приват-доценту А.Н. Фатееву в указанное время «было поручено факультетом чтение части обязательного курса по истории философии права: «Философские правовые учения 19 ст.» (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей юридического факультета // Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905) ... С. 299).

стал читать студентам лекции по курсу энциклопедии права и курсу истории философии права. Свою преподавательскую деятельность в университете совмещал с работой в Харьковском коммерческом институте, где на протяжении 1916-1919 гг. читал курс лекций по общей теории права. В справочной литературе также указывается, что А.Н. Фатеев преподавал в 1902-1903 учебном году «на общеобразовательных курсах для женщин», читая «историю правового положения женщины», а также в 1904 г. «на общеобразовательных курсах для рабочих г. Харькова» и «на курсах при женской гимназии Д.Д. Оболенской», проводя со слушателями обоих курсов занятия по законоведению⁵².

4.2. На кафедре истории русского права при преподавании учебной дисциплины под названием «история уголовного права и процесса». Начиная с осеннего семестра 1897-1898 учебного года, осуществлялось преподавание дисциплины под названием «история русского уголовного права и процесса».

Преподаватели:

- приват-доцент (осень 1897), исправляющий должность экстраординарного профессора (15

октября 1902), ординарный профессор (13 марта 1915), магистр (май 1902), доктор (1915) государственного права, Максимейко Н.А. (осень 1897 – ?);

- исправляющий должность экстраординарного профессора (осень 1903), магистр уголовного права (1900) Чубинский М.П. (осенний семестр 1903-1904 учебного года). Преподавал эту дисциплину временно на протяжении осеннего семестра 1903-1904 учебного года, заменяя Н.А. Максимейко, который находился в заграничной командировке с 20 мая 1903 г. по 1 января 1904 г.

4.3. На кафедре римского права (в пределах курса истории римского права вопросы, связанные с римским уголовным правом, рассматривались не всегда и не всеми преподавателями этой учебной дисциплины, поэтому ниже приводятся сведения лишь о тех из них, кто обращался к таким вопросам).

Преподаватели:

Адъюнкт, направленный «из учителей Гимназии в Лекторы» для преподавания истории римского права и римского права на **кафедре римского права** (июнь 1811), адъюнкт (1812), ординарный профессор (1818), заслуженный профессор (1834) **кафедры прав естественного, политического и народного**, доктор философии (?), магистр прав (1810) Паулович (Павлович) К.П.

⁵² Там же. – С. 300.

(июнь 1811 – 21 октября 1834). В опубликованных сведениях указывается, что направлен был «для преподавания наук в Университете ... Доктор Философии Константин Павлович для Прав Римских»⁵³. Занимая должности (как основные) адъюнкта и ординарного профессора на кафедре прав естественного, политического и народного, временно преподавал курсы истории римского права и римского права на протяжении 1812, 1815-1816, 1819, 1820 гг.⁵⁴ и вплоть до своего увольнения из университета 21 октября 1834⁵⁵. Кроме этого, преподавал «общее уголовное право» (1813, 1816), «российское уголовное право» (5 октября 1820 – 24 января 1821 и 1823-1824), а также «общее

естественное право» (1813), «общее публичное право» (1813);

Адъюнкт (17 января 1833), кандидат прав (1829) Криворотов А. (17 января 1833 – 29 ноября 1834). Преподавал курс истории римского права «по конспекту Пауловича»⁵⁶;

Исправляющий должность экстраординарного профессора (1903), магистр гражданского права (1901) Никонов Сергей Павлович (1903-1909).

5. Занятия по уголовному праву со студентами юридического факультета проводились также в форме криминалистического семинара, действовавшего на протяжении 1912-1917 гг. Такие занятия на семинаре предусматривали специальную программу и имели целью: «1) предоставление возможности студентам познакомиться с теми вопросами уголовного права, которые не входят в курс элементарного преподавания и 2) самостоятельная и точная работа студентов по первоисточникам»⁵⁷.

⁵³ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1811]. – № XXXI. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1811 года. – С. 225.

⁵⁴ Загурский Л.Н. Опыт истории юридического факультета императорского Харьковского Университета. – Второе дополнение. – Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1907. – С. 1-16. – С. 8-12; Загурский Л.Н. Обзорение предметов преподавания и распределения лекций на юридич[еском] фак[ультете] Харьк[овского] Унив[ерситета] в период 1804-1835 г. // Записки Императорского Харьковского университета. – 1906. – Книга 3-я и 4-я [Летопись Харьковского Университета]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1907. – С. 1-16. – С. 8-12.

⁵⁵ О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832-33 Академический год) // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 244.

⁵⁶ О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832-33 Академический год) // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 244.

⁵⁷ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1912 год // Записки Императорского Харьковского

В зависимости от первой цели ознакомление с вопросами, выходящими за пределы «элементарного преподавания», касалось: «а) уголовной статистики, б) вопросов тюрьмоведения, уголовной психологии и социологии, в) изучения положительного права западно-европейских держав, г) истории уголовного права, д) разбора классических трудов и произведений новейшей литературы уголовного права»⁵⁸. В свою очередь самостоятельная работа студентов и работа с первоисточниками предусматривала: «а) изучение сборников уголовной статистики русской и западно-европейской, б) ознакомление с отчетами тюремных конгрессов и докладами известных тюрьмоведов-практиков, в) обращение к курсам психологии и психиатрии, г) непосредственное изучение западно-европейских кодексов, комментариев к ним и кассационной практики, д) чтение классических трудов по уголовному праву в подлиннике, е)

университета. – 1913. – Книга 2-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1913. – С. 167; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1913 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1914. – Книга 1-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1914. – С. 177.

⁵⁸ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1912 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1913. – Книга 2-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1913. – С. 167.

непосредственное ознакомление с памятниками уголовного права»⁵⁹.

Руководители семинара (1912-1917):

Исправляющий должность экстраординарного профессора (19 марта 1904), магистр уголовного права (10 декабря 1903) Киселев А.Д.;

Приват-доцент (30 января 1908), магистрант (30 января 1902), магистр уголовного права (1908) Таубер Л.Я.

Выводы.

1. Преподавание курса уголовного права в Харьковском университете осуществлялось с момента открытия в нем отделения нравственных и политических наук в 1804 г., а с 1835 г. – на юридическом факультете, и считалось обязательной частью учебного процесса до его полного прекращения в 1919 г. (по причине установления в декабре этого года в Харькове советской власти и начала реформирования системы университетского образования)

С учетом штатного состава процесс преподавания указанной дисциплины прошел по крайней мере три основных этапа. На *первом* этапе (1804-1834) в

---

⁵⁹ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1912 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1913. – Книга 2-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1913. – С. 167.

состав преподавателей входили преимущественно выпускники иных учебных заведений, которые преподавали также и иные юридические дисциплины (историю русского права (законодательства), государственное право, гражданское право и судопроизводство, римское право, публичное право). На *втором* этапе (1834-1863) преподавателями курса уголовного права были только два лица (за исключением периода 1849-1850, 1852-1853 гг.) – Г.С. Гордеенко и А.И. Палюмбецкий. *Третий* этап (1863-1919) характеризовался преподавательской деятельностью выпускников юридического факультета Императорского Харьковского университета (за исключением М.П. Чубинского) и увеличением численности дисциплин, связанных с наукой уголовного права.

2. Основы уголовно-правовой науки в Харьковском университете на протяжении более полувека (нескольких этапов) закладывались представителями других отраслей правоведения, а именно: 1) истории русского права (И.Ф. Тимковский, Г.П. Успенский, И.Н. Данилович, Н.А. Максимейко); 2) энциклопедии права (законоведения) (И.М. Ланг, Бернгард Рейт, Иоганн Шад, К.П. Паулович, Д.И. Каченовский, А.Г. Станиславский, А.И. Палюмбецкий); 3) международного права (Иоганн Шад, Д.И.

Каченовский, В.П. Даневский, И.Н. Данилович, К.П. Паулович). Отдельно следует отметить лиц, преподававших в Харьковском университете параллельно курсы уголовного и гражданского права (И.Ф. Тимковский, Г.П. Успенский, К.Ф. Михайловский, А.К. Бабичев, А.В. Куницын), а также уголовного права, «российского публичного права» и «российского практического судопроизводства» (А.К. Бабичев)⁶⁰.

Судя по всему, такое «совмещение» преподавания нескольких юридических наук обуславливалось содержанием уголовного права как учебной дисциплины, состоявшей в сжатом изложении источников уголовного права того времени. Такую ситуацию нельзя считать чем-то чрезвычайным в учебных заведениях первой половины XIX в. К тому же, она была характерна и для других учебных заведений и юридических дисциплин (например, преподавание курса энциклопедии права на юридическом факультете Императорского университета Святого Владимира в Киеве довольно часто осуществлялось специалистами смежных отраслей права (прежде всего,

⁶⁰ О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832-33 Академический год) // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 246.

государственного права) и было связано с тем, что теория права еще не сформировалась как самостоятельная наука, а энциклопедия права рассматривалась как учебная дисциплина, которая имела конспективный характер и состояла в сжатом изложении общих положений других юридических наук, в том числе и уголовного права)⁶¹.

3. Поскольку приведенный выше «почасовик-хронология» не является окончательным и исчерпывающим, то дальнейшей характеристики требует соотношение уголовного права как учебной дисциплины с другими юридическими дисциплинами с точки зрения наличия в них уголовно-правового содержания (это, например, «общее публичное право», «естественное право», «энциклопедия права», «энциклопедия законоведения», «история римского права», «история уголовного права и процесса», которые преподавались на отделении нравственных и политических наук, а также на юридическом факультете Харьковского университета на протяжении 1804-1919 гг.).

4. Дальнейшего исследования также требует анализ вклада в развитие науки уголовного права на протяжении

⁶¹ Берзін П.С., Машков А.Д., Балащенко М.І. Історія викладання теоретико-правових дисциплін в Імператорському університеті Святого Володимира (1835-1920 рр.) // Наше право. – 2014. – № 3. – С. 26-27.

указанного периода стипендиатов, которые «для подготовки к профессорскому званию» работали над магистерскими диссертациями в области уголовного права в Харьковском университете (а именно: А. Бахирев, А.Д. Киселев, В. Лебедев, М. Иванов, В.М. Ширяев, С.М. Ризников, В.С. Трахтеров). Некоторые из таких «профессорских стипендиатов» серьезно повлияли на формирование (изменение) направлений понимания уголовного права, однако в силу исторических событий процесс подготовки ими магистерских диссертаций в период «профессорского стипендиатства» остался малоисследованным или вообще неизвестным. Например, встречающееся в современных исследованиях утверждение, что в 1910 г. В.С. Трахтеров был «оставлен при университете для подготовки к научной деятельности ... на кафедре уголовного права и судопроизводства ... которую занимал профессор А.Д. Киселев»⁶², а в 1915 г. он «начал преподавательскую работу в университете в должности приват-доцента»⁶³,

⁶² Зайцев А.В. Трахтеров Владимир Сергеевич // Криминалист первопечатный. – 2014. – № 8. – С. 150-162. – С. 151-152.

⁶³ А.В. Зайцев, цитируя соответствующие документы из личного дела В.С. Трахтерова, пишет: «В 1915 г. магистрант В.С. Трахтеров в заседаниях юридического факультета «прочитал две пробные лекции по уголовному праву – одну на тему по собственному избранию и другую на тему, заданную факультетом». Его лекции были признаны факультетом удовлетворительными. В результате ему было выдано свидетельство «на

осуществляя ее вплоть до 1919 г.⁶⁴, нуждается в большей детализации, поскольку не позволяет полностью проследить «прохождение» молодым ученым конкретных этапов процесса «подготовки к профессорскому званию» (начиная с момента зачисления его стипендиатом по указанной кафедре и, заканчивая моментом занятия им должности приват-доцента). К сожалению, не содействует этому также обращение к официальным печатным источникам, содержащим сведения о составе и деятельности преподавателей юридического факультета Харьковского университета на протяжении 1911-1917 гг. Такие печатные источники позволили установить, по-крайней мере, следующее: а) на должность приват-доцента В.С. Трахтеров был назначен 3 декабря 1915 г. на основании отдельного разрешения управляющего Харьковским учебным округом⁶⁵; б) стипендиатом «для

право преподавания в звании приват-доцента». В этом же году он начал преподавательскую работу в университете в должности приват-доцента (внештатный)» (Зайцев А.В. Трахтеров Владимир Сергеевич // Криминалистика первопечатный. – 2014. – № 8. – С. 150-162. – С. 152).

⁶⁴ Там же. – С. 152.

⁶⁵ Список служащих в Императорском Харьковском Университете // Записки Императорского Харьковского университета. – 1916. – Книга 2-я и 3-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1916. – С. 12; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского Университета за 1915 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1916. – Книга 1-я [Часть официальная]. – Харьков:

приготовления к профессорскому званию» В.С. Трахтеров состоял не с 1910 г., а с 1911 г. по 17 мая 1913 г.⁶⁶; в) так называемую «первую половину» экзамена на степень магистра он выдержал 28 марта 1914 г.⁶⁷, то есть уже после окончания срока своего «профессорского стипендиатства», а его вторую половину – не позднее 3 декабря 1915 г. Поэтому данный фрагмент жизнеописания В.С. Трахтерова требует дальнейшего, более основательного, исследования (прежде всего, на основе архивных источников).

1.2. Другие учебные заведения

В Харькове среди юридических дисциплин курс уголовного права и дисциплин, связанных с ним, преподавался на отделении нравственных и политических наук (1804-1835), а также на юридическом факультете (1835-1919) местного университета. В это же время в городе функционировали другие учебные заведения (как высшие, так и средние).

Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1916. – С. 43.

⁶⁶ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского Университета за 1913 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1914. – Книга 1-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1914. – С. 4.

⁶⁷ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского Университета за 1914 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1915. – Книга 1-я [Часть официальная]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1915. – С. 40.

Юридические дисциплины в этих высших и средних учебных заведениях преподавались только с конца 1890-х годов и до 1919 г. включительно. Причем учащимися изучались лишь основы уголовного права в пределах курсов дисциплин, называвшихся: а) «*Законоведение*» (Харьковское коммерческое училище Императора Александра III, Институт сельского хозяйства и лесоводства и Харьковский ветеринарный институт Императора Николая I); б) «*Общая теория права*» (Харьковские высшие коммерческие курсы и Харьковский коммерческий институт).

Уяснению соотношения указанных учебных дисциплин с уголовным правом (его основами) посвящена данная вступительная часть подраздела 1.2. В то же время основное содержание этого подраздела касается освещения хронологии преподавания дисциплин, связанных с уголовным правом (его основами), в указанных высших и средних учебных заведениях Харькова (за исключением университета, о чем см. выше), а также работы преподавателей таких юридических дисциплин⁶⁸.

⁶⁸ Следует учитывать, что такими преподавателями юридических дисциплин были ученые, представлявшие юридический факультет Харьковского университета. Поэтому приводимые в подразделе 1.2 сведения относятся к тем учебным заведениям Харькова, в которых осуществляли свою научную и педагогическую деятельность преподаватели юридического факультета

1. ЗАКОНОВЕДЕНИЕ.

«Курс законоведения, – говорилось в «Объяснительной записке к программе законоведения», утвержденной циркуляром Министерства народного просвещения «О программах преподавания в мужских гимназиях законоведения и философской пропедевтики» от 16 июня – 4 июля 1905 г., № 11657, – должен дать учащимся в связном, доступном и систематическом изложении необходимые для каждого образованного человека сведения о действующем законодательстве и основывающемся на нем государственном и обобщенном строе России и представить сжатую, но в основных чертах полную картину существующего порядка, по которой ученик мог бы получить ясное представление о своих отношениях к государству и согражданам»⁶⁹.

Указанная «Объяснительная записка к программе законоведения» ограничивала предмет преподавания лишь обобщенным изложением соответствующих правовых

Харьковского университета. Причем деятельность эта определенным образом была связана с наукой уголовного права (или его основами).

⁶⁹ Объяснительная записка к программе законоведения [утверждена циркуляром Министерства народного просвещения «О программах преподавания в мужских гимназиях законоведения и философской пропедевтики» от 16 июня – 4 июля 1905 г., № 11657] // Журнал Министерства народного просвещения. – Седьмое десятилетие. Часть CCCLXI. Сентябрь [Отдел IV. Циркуляры Министерства народного просвещения]. – С.-Петербург: Сенатская типография, 1905. – С. 43-45. – С. 43.

положений (институтов), в связи с чем затрагивать проблемные и спорные моменты было нельзя. При изложении материала основополагающим признавалось направление юридического позитивизма и лишь в необходимых случаях можно было прибегать к историко-правовому анализу (в пределах направления исторического): «В курс законоведения не должно быть введено изложение юридических контроверз, сорных положений и юридических теорий. В нем следует ограничиваться только сообщением необходимых основных положений из теории права, которые являются ключом к пониманию и сознательному усвоению сведений из области положительного права. При изучении отдельных правовых институтов надлежит обращаться к истории их происхождения и приводить исторические справки в мере необходимой для уяснения их современного значения»⁷⁰.

Соответствующие темы, касающиеся уголовного права, закреплялись в учебных программах по законоведению и сводились к обобщенному изложению основных положений (институтов) уголовно-правовой науки, а именно: «Понятие об уголовном праве. Уголовное преступление и его отношение к гражданскому преступлению. Виновник

преступного деяния. Вменяемость и причины, ее устраняющие. Предмет преступного деяния. Преступное деяние. Внутренняя сторона преступного деяния. Умысел и неосторожность. Внешняя сторона преступного деяния. Роды наказаний. Важнейшие виды уголовных преступлений»⁷¹.

В упомянутой «Объяснительной записке к программе законоведения» сущность закрепленных в этой программе уголовно-правовых положений (институтов) обосновывалась следующим образом: «Наконец, третий отдел [«Программы законоведения ...»], посвященный изучению карательной деятельности государства, должен замыкать собою изучение отношений государственной и частной жизни, ибо карательная деятельность государства направлена на обеспечение защищаемых правом благ как жизни государственной, так и жизни частной, а следовательно предполагает знакомство с

⁷⁰ Там же. – С. 43.

⁷¹ Программа законоведения для мужских гимназий (Курс VII и VIII классов) [утверждена циркуляром Министерства народного просвещения «О программах преподавания в мужских гимназиях законоведения и философской пропедевтики» от 16 июня – 4 июля 1905 г., № 11657] // Журнал Министерства народного просвещения. – Седьмое десятилетие. Часть CCCLXI. Сентябрь [Отдел IV. Циркуляры Министерства народного просвещения]. – С.-Петербург: Сенатская типография, 1905. – С. 41-42. – С. 42.

государственным строем, так и с сферой гражданских отношений»⁷².

2. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА.

По-другому называлась «общей теорией энциклопедии права»⁷³ и представляла собой учебную дисциплину, в системе которой общее внимание уделялось таким «подразделам» публичного права, как «право уголовное; ... право судебное, его части и отделы (судоустройство и судопроизводство)»⁷⁴. Такие «подразделы» соответствовали отдельным наукам, которые в системе права публичного, или государственного (в широком понимании), назывались: «наукой уголовного права» и «наукой судебного права, состоящего из науки судопроизводства гражданского, или

частного, и уголовного»⁷⁵. Поэтому уголовное право в курсе общей теории права выступало лишь «иллюстрацией» выделения отраслей публичного права, которая осуществлялась на основе «характера самого правоотношения между отдельным лицом и тем или другим социальным целым»⁷⁶, и была необходима для обоснования вывода о наличии в уголовном праве «публичноправового элемента – общественного интереса»⁷⁷.

Такой общественный интерес всегда «определяет отношения, возникающие из преступлений и наказаний»⁷⁸, в связи с чем «присутствие публичноправового элемента – общественного интереса» признавалось не свойственным гражданскому праву и гражданскому судопроизводству, «вот почему стороны не могут играть в нем той самостоятельной роли, которая составляет, которая составляет особенность процесса гражданского. Уголовные дела, правда, могут начинаться и по жалобе

⁷² Объяснительная записка к программе законовещения [утверждена циркуляром Министерства народного просвещения «О программах преподавания в мужских гимназиях законовещения и философской пропедевтики» от 16 июня – 4 июля 1905 г., № 11657] // Журнал Министерства народного просвещения. – Седьмое десятилетие. Часть CCCLXI. Сентябрь [Отдел IV. Циркуляры Министерства народного просвещения]. – С.-Петербург: Сенатская типография, 1905. – С. 43-45. – С. 44.

⁷³ Ренненкамф Н.К. Рецензия на «лекции по общей теории права» Н. Коркунова [Журнал Министерства народного просвещения, 1888. Март] // Філософія та енциклопедія права в Університеті Святого Володимира: у 2 кн. - Кн. 1 / уклад. І.С. Гриценко, В.А. Короткий; за ред. І.С. Гриценка. – К.: Либідь, 2011. – С. 475-495. – С. 477.

⁷⁴ Ренненкамф Н.К. Программа по предмету юридической энциклопедии [Университетские известия, 1882. № 2] // Філософія та енциклопедія права в Університеті Святого Володимира: у 2 кн. - Кн. 1 / уклад. І.С. Гриценко, В.А. Короткий; за ред. І.С. Гриценка. – К.: Либідь, 2011. – С. 307-312. – С. 312.

⁷⁵ Ренненкамф Н.К. Юридическая энциклопедия [Киев, 1889] // Філософія та енциклопедія права в Університеті Святого Володимира: у 2 кн. - Кн. 1 / уклад. І.С. Гриценко, В.А. Короткий; за ред. І.С. Гриценка. – К.: Либідь, 2011. – С. 313-442. – С. 430.

⁷⁶ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права [Киев, 1901] // Філософія та енциклопедія права в Університеті Святого Володимира: у 2 кн. - Кн. 2 / уклад. І.С. Гриценко, В.А. Короткий; за ред. І.С. Гриценка. – К.: Либідь, 2011. – С. 227-380. – С. 367.

⁷⁷ Там же. – С. 370.

⁷⁸ Очерки юридической энциклопедии Н.К. Ренненкамфа. Профессора Императорского Университета Св. Владимира. Издание второе, исправленное и дополненное. – Издание Н.Я. Оглоблина, 1880. – С. 205-206.

потерпевшего лица, но они могут начинаться и безо всякой жалобы, по инициативе уполномоченных на то органов власти. Раз начат уголовный процесс, он уже не может прекратиться вследствие примирения сторон»⁷⁹. Поэтому на лекциях по общей теории права, как правило, в обобщенной форме рассматривались вопросы о понятии уголовных нарушений, преступления, классификации преступлений, наказания, умышленной и неосторожной вины, а также предмета преступления, под которым понимались «всякого рода права и обязанности, которые принадлежат субъектам права (лицам физическим и юридическим)»⁸⁰.

1.2.1. Харьковское коммерческое училище

Императора Александра III

Решение об открытии Харьковского коммерческого училища было принято в 1888 г., а Положение о нем утверждено

императором 4 марта 1891 г.⁸¹. В соответствии с п. 1 этого Положения «Харьковское коммерческое училище учреждается харьковским купеческим обществом в ознаменование чудесного спасения Государя Императора, Государыни Императрицы и всей Августейшей семьи от опасности, при крушении поезда 17-го октября 1888 года, на станции Борки»⁸². В п. 2 Положения указывалось, что училище «принадлежит к разряду средних учебных заведений и имеет целью общее и специальное образование, а также приготовление к торговой деятельности детей, принадлежащих к купеческому, мещанскому, ремесленному и крестьянскому сословиям», находится в «ведении министерства народного просвещения» (п. 3)⁸³.

2 декабря 1894 г. этому учебному заведению было присвоено имя Императора Александра III. Занятия в училище начались осенью 1893 г., а в 1895 г. оно перешло в подчинение Министерства финансов и Министерства промышленности и торговли.

⁷⁹ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права [Киев, 1901] // Філософія та енциклопедія права в Університеті Святого Володимира: у 2 кн. - Кн. 2 / уклад. І.С. Гриценко, В.А. Короткий; за ред. І.С. Гриценка. - К.: Либідь, 2011. - С. 227-380. - С. 370-371.

⁸⁰ Очерки юридической энциклопедии Н.К. Ренненкампа. Профессора Императорского Университета Св. Владимира. Издание второе, исправленное и дополненное. - Издание Н.Я. Оглоблина, 1880. - С. 162-173.

⁸¹ См.: Положение о Харьковском коммерческом училище [утверждено 4 марта 1891 г.] // Журнал Министерства народного просвещения. - Шестое десятилетие. Часть ССLXXV. - 1891. Май [Отдел I. Правительственные распоряжения]. - С.-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1891. - С. 6-10.

⁸² Там же. - С. 6.

⁸³ Там же. - С. 6.

Обучение в училище осуществлялось на протяжении одного пригготовительного класса и семи последующих классов (классы с первого по пятый считались основными, а шестой и седьмой – специальными). Делению классов на основные и специальные соответствовали учебные дисциплины. Среди специальных учебных дисциплин, преподаваемых в этом училище, в Положении назывались «законоведение в общем очертании и, более подробно, торговое право и торговое судопроизводство» (п. 5). Относительно преподавателей таких специальных дисциплин в Положении отмечалось, что они «избираются директором училища из лиц, имеющих право на преподавание не ниже, как в средних учебных заведениях и, по представлению попечительного совета, утверждаются в должностях попечителем учебного округа» (п. 19)⁸⁴.

В соответствии с утвержденным 4 марта 1891 г. «Штатом Харьковского коммерческого училища» преподавателям таких специальных предметов выплачивалось годового содержания 23 тысячи рублей и присваивался VIII класс по Табели о рангах, соответствовавшего гражданскому (статскому) чину «коллежский ассессор»⁸⁵.

⁸⁴ Там же. – С. 6, 8.

⁸⁵ Штат Харьковского коммерческого училища [утвержден 4 марта 1891 г.] // Журнал Министерства народного просвещения. – Шестое десятилетие. Часть CCLXXV. – 1891. Май [Отдел I.

Преподавание основ уголовного права в пределах курса законоведения осуществлялось преподавателем (?), профессором (не позднее 1916), магистром уголовного права (не позднее 1916) Таубером Л.Я. (? – 1919). Свою преподавательскую деятельность в училище он совмещал с работой на кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства и судопроизводства Харьковского университета (1902-1919), в Харьковской судебной палате (1895-1917)⁸⁶ и с активной политической деятельностью (см. выше).

В 1919 г. Харьковское коммерческое училище было закрыто.

1.2.2. Харьковские высшие коммерческие курсы и Харьковский коммерческий институт

В 1912 г. по инициативе Харьковского купеческого общества, Совета съездов горнопромышленников юга России и Харьковского биржевого комитета при Харьковском коммерческом училище были организованы Высшие коммерческие курсы. Их устав был утвержден министром торговли и

Правительственные распоряжения]. – С.-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1891. – С.

⁸⁶ С 1897 г. Л.Я. Таубер работал в качестве присяжного поверенного при Харьковской судебной палате. По состоянию на 1917 г. имел чин коллежского секретаря.

промышленности 26 мая 1912 г., а торжественное открытие состоялось в здании коммерческого училища 10 октября 1912 г.⁸⁷

В 1916 г. Высшие коммерческие курсы в Харькове были преобразованы в Коммерческий институт, в составе которого функционировал только один отдел – экономический (29 марта 1916 г. на основании доклада министра промышленности и торговли Государственная Дума утвердила предоставление курсам статуса института с правом высшего правительственного учебного заведения).

Обучение в институте осуществлялось на протяжении четырех курсов, первые два из которых считались общеобразовательными (основными). Начиная с третьего курса происходило деление на специализации по подотделам. Сначала таких подотделов было три (экономический, коммерческо-финансовый и педагогический), а с 1916 г. – пять (экономико-коммерческий, педагогический, банковско-страховой, местного хозяйства и промышленный).

Учебные планы института включали изучение общеобразовательных, экономических, юридических технических дисциплин. Среди юридических изучались такие дисциплины, как общая теория

⁸⁷ Харьковские губернские ведомости. – 1912 (11 октября). – № 1107.

права, государственное, гражданское, административное, страховое, торговое, горное и вексельное право, гражданский и торговый процесс, рабочее законодательство. В изучении этих экономических и юридических дисциплин в институте принимали участие прежде всего преподаватели юридического факультета Харьковского университета. Были среди них и представители уголовно-правовой науки, а именно: приват-доценты кафедры уголовного права и уголовного судостройства и судопроизводства Таубер Леонид Яковлевич и Трахтеров Владимир Сергеевич. Л.Я. Таубер в институте занимал должность секретаря Учебного комитета и экстраординарного профессора, читая лекции и проводя практические занятия по политической экономии на протяжении 1916-1919 гг., а В.С. Трахтеров в этот период проводил на первом курсе обучения занятия по общей теории права⁸⁸.

⁸⁸ Следует заметить, что преемником в преподавании курса государственного права, который до 1918 г. в Харьковском коммерческом институте читал Н.И. Палиенко, стал А.Р. Гюнтер – будущий представитель Харьковской школы уголовного права в ее советский период развития, автор изданной в 1928 г. в Харькове книги «Должностные преступления» (Гюнтер А. Должностные преступления / Уголовные кодексы УССР и РСФСР. Сравнительный текст и комментарий под редакцией М.И. Шаргея, С.А. Пригова и Ю.П.Ю. Мазуренко. – Харьков: Юридическое издательство Наркомюста УССР, 1928. – 83 с.). Современники о А.Р. Гюнтере пишут, что в Харьковском коммерческом институте он работал с июня 1916 г., а в следующем году был избран профессором Харьковского университета. В середине 1920 г. А.Р. Гюнтер выехал во

Не смотря на то, что самостоятельные дисциплины уголовно-правового цикла учебными планами института не предусматривались, основы уголовного права (его понимания) считались составной частью курса общей теории права, преподаваемого студентам в первый год обучения.

Преподавание общей теории права на первом (общеобразовательном) курсе института на протяжении 1916-1919 гг. осуществляли:

Экстраординарный профессор (1916), член попечительского совета института (1916), магистр государственного права (1907) Фатеев Аркадий Николаевич (1916-1919). *На протяжении указанного периода читал лекции по общей теории права на первом курсе обучения (практические занятия проводил В.С. Трахтеров). Работу в институте совмещал с преподавательской деятельностью на кафедре энциклопедии и истории философии права Харьковского университета как исправляющий должность экстраординарного профессора (1908 – 1919);*

Владикавказ читать лекции, а в 1923 г. в 33 года становится самым молодым ректором России в Горском политехническом институте. А.Р. Гюнтер встречался с В.И. Лениным, подвергался доносам и репрессиям В 1927 г. он возвратился в Харьков. Затем ученый был сослан в Ташкент, а после реабилитации выехал в Москву, где жил и работал до конца жизни (см.: Фёдорова Е. Безымянное поколение. Записки правоведа, адвоката, бывшего меньшевика Александра Понтера (1890 – 1984). – М.: [Без издательства], 2004. – 448 с.).

Приват-доцент (1916) Трахтеров Владимир Сергеевич (1916-1919). *Проводил со студентами первого курса практические занятия по этой дисциплине.*

1.2.3. Харьковские высшие женские курсы

Общества взаимного вспоможения трудящихся женщин

В 1904 г. расположенное в Харькове Общество взаимного вспоможения трудящихся женщин обратилось к Министерству народного просвещения с ходатайством об открытии в городе Высших женских курсов. «Детальная разработка этого вопроса и составление плана учебного заведения, – писал К.Р. Шохол, – были поручены общим собранием общества особой комиссией, в состав которой вошли некоторые из профессоров Харьковского университета и технологического института. 29-го декабря 1904 года за № 20058 ходатайство о разрешении открыть курсы попечителем учебного округа было препровождено министру народного просвещения»⁸⁹. Но разрешение об открытии таких курсов

---

⁸⁹ Шохол К.Р. К вопросу о развитии высшего женского образования в России (Третий период, начиная с 1905 г.) // Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. Часть XLVI. – 1913. Июль [Отдел VI. Современная летопись]. – С.-Петербург: Сенатская типография, 1913. – С. 1-58. – С. 22-23.

было дано обществу лишь несколько лет спустя: «Разрешение Харьковскому обществу взаимного вспоможения трудящихся женщин открыть в г. Харькове высшие женские курсы последовало 18-го апреля 1907 г., за № 8769, а положение о них утверждено попечителем округа 30-го мая 1907 года»⁹⁰.

Харьковские высшие женские курсы (далее – ХВЖК) имели в своем составе три факультета: юридический, историко-филологический и физико-математический. Функционировали ХВЖК на средства указанного общества, а их цель состояла в том, чтобы «предоставить членам общества возможность пройти, по избрании факультета, полный университетский курс, с практическими занятиями, в объеме программ и учебных планов Императорских Российских университетов»⁹¹. Возможно это было благодаря тому, что занятия в ХВЖК проводились преподавателями местного университета и/или лицами, имеющими право на такое преподавание. При этом учебные планы таких занятий соответствовали учебным планам российских университетов. Об этом К.Р. Шохол пишет: «Лекции на курсах читаются профессорами университета и лицами, имеющими право преподавать в университете ... Нормальная

продолжительность курса, система, объем преподавания и порядок испытаний определяются учебными планами, издаваемыми советом курсов, применительно к программам и учебным планам университетов»⁹².

ХВЖК «состояли в ведении» Министерства народного просвещения и предусматривали платную систему образования: «Плата за слушание лекций взимается в размере не менее 70 руб. в год и вносится по полугодиям вперед»⁹³. «Число учащихся в 1912 г. доходило до 800 человек»⁹⁴, – указывал К.Р. Шохол.

В 1913 г. Государственным Советом и Государственной Думой был одобрен Закон «Об отпуске из государственного казначейства средств на выдачу пособия высшим женским курсам в городе Харькове», в соответствии с п. I которого предусматривалось «отпускать из средств государственного казначейства в течение трех лет, начиная с 1913 года, по двадцать тысяч рублей в год на выдачу пособия попечительному комитету о нуждах высших женских курсов в городе Харькове, учрежденных обществом взаимного вспоможения трудящихся женщин, для постройки здания для этих курсов»⁹⁵.

⁹⁰ Там же. – С. 23-24.

⁹¹ Там же. – С. 24.

⁹² Там же. – С. 24.

⁹³ Там же. – С. 24.

⁹⁴ Там же. – С. 24.

⁹⁵ См.: Одобренный государственным советом и государственною думою закон об

По окончании обучения в этих женских курсах слушательницам предоставлялось право «... допускаться к испытаниям в комиссиях также без особого разрешения министерства, но ... по всем предметам, которые согласно уставу подлежащих высших учебных заведений, входят в состав курса того учебного заведения, факультета или отделения, который избран лицом, подвергающимся испытанию»⁹⁶.

Преподавание на протяжении 1916-1919 гг. осуществлял приват-доцент (1916) Трахтеров В.С. (1916-1919).

1.2.4. Институт сельского хозяйства и лесоводства

В связи с Первой мировой войной в Харьков в конце 1916 г. из Новой Александрии (Люблинская губерния Царства Польского в Российской империи; сейчас – г. Пулавы Люблинского воеводства Республики Польша) был эвакуирован Институт сельского хозяйства

отпуске из государственного казначейства средств на выдачу пособия высшим женским курсам в городе Харькове // Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. Часть XLVII. – 1913. Октябрь. – С.-Петербург: Сенатская типография, 1913. – С. 42.

⁹⁶ О порядке применения закона 19-го декабря 1911 г. к лицам женского пола, желающим держать экзамены в испытательных комиссиях [от 21 марта 1913 г.] // Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. Часть XLV. – 1913. Июнь [Отдел IV. Циркуляры министерства народного просвещения]. – С.-Петербург: Сенатская типография, 1913. – С. 70, 71-72.

и лесоводства⁹⁷. В утвержденном 17 апреля 1893 г. Положении об этом учебном заведении⁹⁸ предусматривалось, что «институт сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии имеет целью доставлять учащимся в нем высшее образование по сельскохозяйственным и лесным наукам. Сообразно с сим, институт подразделяется на два отделения: сельскохозяйственное и лесное» (п. 1)⁹⁹. Продолжительность обучения на обоих отделениях составляла четыре года (курса), а среди преподаваемых в институте дисциплин указывалось законоведение (п. 6 Положения)¹⁰⁰.

В соответствии с указанным Положением институт «состоял в ведении» Министерства народного просвещения и подчинялся попечителю Варшавского учебного округа (п. 22). Преподавание «возлагалось на профессоров и адъюнкт-профессоров, за исключением русской

---

⁹⁷ Юридически такая «эвакуация» была оформлена лишь через полгода после этого – специальным распоряжением Временного правительства «Об окончательном перемещении учебных заведений Варшавского учебного округа в пределы России» от 1 июля 1917 г. (см.: Журнал Министерства народного просвещения. Часть LXI. – 1917. Октябрь [Отдел I. Распоряжения Временного правительства]. – Петроград: Сенатская типография, 1917. – С. 86).

⁹⁸ Положение об институте сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии [утверждено 17 апреля 1893 г.] // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CCLXXXVIII. – 1893. Июль [Отдел I. Правительственные распоряжения]. – С.-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1893. – С. 5-15.

⁹⁹ Там же. – С. 5.

¹⁰⁰ Там же. – С. 5, 6.

литературы, новых языков и ветеринарии, поручаемых преподавателям» (п. 32 Положения). Кроме этого, в п. 33 Положения предусматривалось, что «в помощь профессорам и адъюнкт-профессорам при теоретическом преподавании и ведении практических занятий полагаются ассистенты»¹⁰¹.

Важно отметить, что упомянутое Положение предусматривало, что «профессором и адъюнкт-профессором не может быть лицо, не имеющее ученой степени доктора или магистра. Но по тем предметам, по которым сих ученых степеней не установлено, профессорами и адъюнкт-профессорами могут быть лица, получившие высшее по этим предметам образование, удостоенные звания, соответствующего такому образованию и заявившие себя печатными учеными трудами» (п. 34). В то же время «ассистентами и преподавателями могут быть лица, получившие высшее образование по тем предметам, которые составляют специальность их занятий в институте, и удостоенные соответствующего такому образованию диплома или свидетельства» (п. 35)¹⁰².

Утвержденный 17 апреля 1893 г. «Штатом института сельского хозяйства и

лесоводства в Новой Александрии»¹⁰³ предусматривал выплату одному профессору – трех тысяч рублей, адъюнкт-профессору – двух тысяч, а ассистенту – 800 рублей годового содержания. При этом должность профессора соответствовала V классу по Табели о рангах, то есть гражданскому (статскому) чину «статский советник», адъюнкт-профессора – VI классу, что означало наличие гражданского чина «коллежский советник», а ассистента – VII класса, означавшего гражданский чин «надворный советник»¹⁰⁴.

*Преподавание основ уголовного права в пределах курса законоведения осуществлялось ассистентом (1914), магистром уголовного права (не позднее 1916) Маклецовым А.В. (1914-1919). Работу в институте он совмещал с преподавательской деятельностью на кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства Харьковского университета (1913-1919), а также с организацией в 1916 г. в Харькове высших женских курсов и политической деятельностью*¹⁰⁵ (см. выше)

¹⁰³ Штат института сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии [утвержден 17 апреля 1893 г.] // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CCLXXXVIII. – 1893. Июль [Отдел I. Правительственные распоряжения]. – С.-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1893. – С. 14-15.

¹⁰⁴ Там же. – С. 14.

¹⁰⁵ На протяжении 1917-1919 гг. А.В. Маклецов представлял руководящие органы

¹⁰¹ Там же. – С. 9, 11.

¹⁰² Там же. – С. 11.

1.2.5. Харьковский ветеринарный институт Императора Николая I

Начиная с осени 1916 г., курс законоведения преподавался в Харьковском ветеринарном институте Императора Николая I. Однако, утверждать, что преподаватели законоведения в этом учебном заведении имели хотя б малейшее отношение к науке уголовного права или его основам, пока еще преждевременно. Подтверждением может служить то, что преподавателем этой дисциплины с 1 июля 1916 г. был магистр ординарных наук, ординарный профессор кафедры «эпизоотологии и ветеринарной полиции с клиником для заразных болезней и законоведения» Иван Иосифович Гордзялковский (1862 – ?), который ранее (с 1913 г.) в этом учебном заведении занимал должность «сверхштатного экстраординарного профессора»¹⁰⁶. О назначении И.И. Гордзялковского на должность ординарного профессора и поручении ему чтения курса законоведения указывалось в

Харьковской организации Конституционно-демократической партии и избирался гласным Харьковской городской Думы от кадетской партии (см.: Новая Россия. – 1919 (8 ноября).

¹⁰⁶ Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. Часть LXVII. – 1917. Февраль. – Петроград: Сенатская типография, 1917. – С.

приказе министра народного просвещения № 105 от 23 декабря 1916 г.: «... магистры ветеринарных наук, сверхштатные профессора Харьковского ветеринарного института Императора Николая I: ординарные, статские советники: Трофимов и Гордзялковский и экстраординарные: статский советник Петропавловский и коллежский советник Крахт-Палев – профессорами того же института: первые двое ординарными, а последние двое – экстраординарными, по кафедрам: Трофимов – анатомии домашних животных и птиц, Гордзялковский – эпизоотологии и ветеринарной полиции с клиником для заразных болезней и законоведения ... все четверо с 1-го июля»¹⁰⁷.

1.3. Этапы развития науки уголовного права в Императорском Харьковском университете и других учебных заведениях в период 1804-1919 годов

В обобщенном виде в истории развития науки уголовного права в Императорском Харьковском университете и других учебных заведениях можно выделить несколько этапов развития, то есть «временных фаз,

---

¹⁰⁷ Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. Часть XLV. – 1913. Май. – С.-Петербург: Сенатская типография, 1913. – С. 29.

вытекающих из знания юридических закономерностей»¹⁰⁸. В основу выделения таких этапов положены особенности нормативной регламентации преподавательского процесса в таких учебных заведениях, содержание основных направлений науки уголовного права в этих учебных заведениях, а также особенности формирования штатного (кадрового) состава отделения нравственных и политических наук (1804-1835) и юридического факультета (1835-1919) Харьковского университета, выступавшего до 1906 г. единственным учебным заведением Харькова (Харьковского учебного округа), преподаватели которого проводили занятия по уголовному праву и дисциплинам, связанным с ним (после 1906 г. этот университет сохранил свое определяющее значение для развития науки уголовного права среди всех учебных заведений Харькова). В связи с этим именно Харьковскому университету отводится ведущая роль при определении всех этапов развития науки уголовного

¹⁰⁸ Азаркин Н.М. Всеобщая история юриспруденции: Курс лекций. – М.: Юрид. лит., 2003. – 608 с. – С. 14. Выделение таких «временных фаз» является методом синтетическим: он одновременно и принцип, и метод, и логический итог познания, и основа для структурного построения. Особенно это необходимо при систематизации огромного правового массива идей, что облегчает изучение предмета, дает ориентиры для этого, прежде всего хронологические. Оно позволяет выделить ведущие школы, придать исследованию логическую стройность (там же. – С. 14).

права в пределах указанной научной школы 1804-1919 гг.

На *первом этапе* развития, который продолжался с 1804 г. по 1834 г., основы преподавания уголовно-правовой науки в новообразованном Харьковском университете закладывались представителями других отраслей правоповедения (И.Ф. Тимковским, Г.П. Успенским, К.Ф. Михайловским, Н.Т. Спасским, И.Н. Даниловичем, А.К. Бабичевым, К.П. Пауловичем, В.Ф. Титаревым), представлявшими в праве направление юридического позитивизма (Н.Т. Спасский, А.К. Бабичев), историческое (И.Ф. Тимковский, Г.П. Успенский, К.Ф. Михайловский, А.И. Палюмбецкий) и естественно-правовое (В.Ф. Титарев, К.П. Паулович) направления (см. об этом подраздел 1.4 настоящего раздела и раздел 2).

Трудности формирования и развития исторического понимания уголовного права на первом этапе связывались, прежде всего, с тем, что преподаватели кафедры прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи были лишены возможности выезда в командировки с научной целью в западноевропейские университеты для

восприятия уголовно-правовых идей зарубежных ученых¹⁰⁹.

Время окончания первого этапа попадает на 1834 г., когда в истории юридического образования на университетском уровне наступил переломный момент. Именно в это время осуществлялась подготовка Общего устава Императорских российских университетов, который впоследствии был Высочайше утвержден 26 июля 1835 г. Такой «перелом» отображал изменение характера юридического образования,

¹⁰⁹ Такая возможность появится у молодых юристов лишь во второй половине 1830-х годов и будет прервана в 1848 г. из-за начавшегося в то время революционного брожения в ряде европейских стран. И только в марте 1862 г. Министерство народного просвещения решило восстановить практику стажировок способных к преподавательской работе молодых людей в западноевропейских университетах. Поэтому в университеты Российской империи был направлен правительственный циркуляр, в котором сообщалось, что император Александр II удовлетворил ходатайство министра народного просвещения А.В. Головина о разрешении заграничных командировок с целью приготовления молодых людей к профессорскому званию (см.: Томсинов В.А. Преподаватели юридического факультета Московского университета (1755-2010): Очерки жизни и творчества. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2011. – С. 204). В связи с этим у преподавателей уголовного права, работавших в Харьковском университете в первые тридцать лет после его образования, возможности «живого общения» с представителями уголовно-правовой науки (в том числе в процессе заграничных стажировок) в западноевропейских учебных заведениях, очевидно, не было. Исключением можно считать К.П. Пауловича, поскольку он, как будет показано в подразделе 2.3 раздела 2, самостоятельно учился в Пештском университете и Шарашпотакской академии еще до своего переезда в Харьков, хотя и не выезжал в эти учебные заведения для получения образования (в процессе научной стажировки) по направлению руководства Харьковского университета.

переориентировав юридические факультеты императорских университетов с преимущественного преподавания теоретико-абстрактных юридических наук на изучение действовавшего права в его различных отраслях. Так, теоретико-абстрактная юриспруденция была сведена в программе обучения на юридических факультетах к основам общенародного права, энциклопедии и методологии законовведения, действовавшее же право должно было отныне преподаваться в курсах: законов гражданских, гражданского судопроизводства, законов уголовных и полицейских, законов благоустройства и благочиния, законов о государственных повинностях и финансах, законов о государственных и губернских учреждениях¹¹⁰.

В 1834 г. с назначением на должность адъюнкта кафедры прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи в Харьковском университете Г.С. Гордеенко начался *второй этап* развития науки уголовного права.

Особенность преподавания Г.С. Гордеенко в университете уголовного права, повлиявшая на развитие этой науки, связана, прежде всего, с разработкой им

¹¹⁰ Томсинов В.А. Преподаватели юридического факультета Московского университета (1755-2010): Очерки жизни и творчества. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2011. – С. 121-122.

психологического направления в уголовно-правовой науке (подробнее об этом см. подраздел 1.4 и раздел 2), а также с тем, что он являлся первым из преподавателей университета, кто на своих занятиях по уголовному праву начал использовать работы представителя психологического направления в немецком уголовном праве Пауля Йоханна Ансельма фон Фейербаха (*Paul Johann Anselm von Feuerbach*, 1775-1833). Об этом свидетельствует запись в отчете «О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания», извлеченного составителями из отчетов российских учебных заведений за 1832-1833 академический год о преподавании «магистром Гордеенковым – Российского Гражданского и Уголовного Права (каждое по 2 ч.) по собственному своему конспекту, почерпая материалы ... из Уголовного Права, изданного Фейербахом»¹¹¹ (хотя в этом же отчете также указывалось, что «Рос[сийское] Уголовное Право проходил он ... с разбором мнений Грольмана, Клейнтрода,

¹¹¹ О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832-33 Академический год) // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 246.

Клейна, Беккарии, Миттермайера и других»¹¹²). Именно с этого момента начался отказ от главенствующего значения в уголовно-правовых взглядах представителей Харьковского университета исторического направления.

Отдельно, однако, следует сказать о некоторой условности и «размытости» окончания первого этапа развития уголовно-правовой науки в Харьковском университете. Как уже подчеркивалось, окончание этого этапа обусловлено началом преподавательской деятельности в университете Г.С. Гордеенко, идеи которого поменяли основное направление понимания уголовного права (с исторического на психологическое). Однако, весьма спорным для меня самого остается определение такого «начала преподавательской деятельности», а точнее – того периода времени, когда эта деятельность Г.С. Гордеенко повлияла на формирование (изменение) указанных направлений правопонимания. Ведь становление Гавриила Степановича, как педагога и ученого, в Харьковском университете происходило на протяжении нескольких лет (с 1829 по 1834, в течение которых он поменял несколько должностей и преподаваемых юридических дисциплин: кандидат прав, которому специально было поручено

¹¹² Там же. – С. 246.

преподавание российского уголовного и гражданского права, а также адъюнкт), а временные рамки первой части моего исследования ограничены 1834-м годом. В связи с этим вопрос о личности Г.С. Гордеенко в пределах первого этапа развития указанной научной школы не затрагивается и «переносится» на этап второй. Поэтому сейчас мне хотелось бы указать на несколько вопросов, требующих дальнейшего осмысления и работы (возможно, более основательной) при разграничении таких этапов и учете при этом научной деятельности Г.С. Гордеенко, а именно:

а) если на протяжении 1829-1834 гг. Г.С. Гордеенко преподавал несколько учебных дисциплин, среди которых было также уголовное право, то в каком именно учебном году «определилось» направление его исследований, связанное именно с уголовно-правовой наукой?

б) если все-таки возможно определить такой учебный год и содержание преподаваемой им уголовно-правовой дисциплины, то следует выяснить объем влияния идей этого ученого на формирование (изменение) направлений понимания уголовного права в Харьковском университете.

Таким образом, поскольку влияние Г.С. Гордеенко на формирование (изменение) указанных направлений для меня является безусловным (о чем см.

выше), то ответы на эти вопросы могут быть получены лишь после проведения основательного исследования жизни и научной деятельности Г.С. Гордеенко, которое целесообразно осуществлять в отдельной работе, посвященной второму этапу развития науки уголовного права в Харьковском университете.

Третий этап начался с преподавания уголовно-правовых дисциплин А.И. Палюмбецким – сторонником исторического и психологического направлений в уголовном праве, которого Г.С. Фельдштейн называл «защитником идей гегелианства в нашем академическом преподавании уголовного права ... и ... последователем немецкой философской школы сороковых годов»¹¹³. По-мнению Г.С. Фельдштейна, применение учений немецких ученых-гегелианцев к изучению уголовного права в Российской империи преследовало одну задачу – «обнаружение того, что исторический процесс развития уголовного права протекал в полном соответствии с постулатами их доктрины». Поэтому «поскольку русские историки-гегелианцы остаются последовательными, они сосредотачивают свое внимание не столько на изучении прогресса уголовно-исторических институтов, сколько на развитии идеи права в тех ее фразах,

¹¹³ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 448.

которые оправдывают их доктрину»¹¹⁴. Однако, поскольку некоторые работы Палюмбецкого, по замечанию Фельдштейна, имеют «компилятивный характер с перевесом непосредственных заимствований у Р. Кестлинга», «не представляющиеся, однако, сколько-нибудь самостоятельными исследованиями»¹¹⁵, говорить об абсолютном доминировании и удачном применении этим ученым «принципов гегелианской философии к историческому изучению уголовного права»¹¹⁶, очевидно, не приходится¹¹⁷.

В университете А.И. Палюмбецкий сначала временно заменил Г.С. Гордеенко, более двух лет пребывавшего в заграничной командировке с научной целью (1842-1844), в преподавании уголовного права, а после смерти Гавриила Степановича в 1849 г. окончательно сменил его на этом поприще, являясь ординарным профессором кафедры энциклопедии или общего обозрения системы законодательства и российских государственных законов. Продолжалось это более трех лет, пока в 1852 г. А.И.

Палюмбецкий не был назначен на должность ординарного профессора по кафедре законов полицейских и уголовных, которую до этого занимал Г.С. Гордеенко.

После того как в 1875 г. преподавание уголовного права прекратил А.И. Палюмбецкий, оставшись почетным членом университета, и занятия по этой дисциплине стал проводить Л.Е. Владимиров (до этого он читал курс законов «о предупреждении и пресечении преступлений» и курс уголовного судопроизводства), начался *четвертый этап* развития науки уголовного права. Связано это с концептуальными уголовно-правовыми исследованиями Л.Е. Владимирова в психологическом и социологическом направлениях. Фактически, он с еще большей основательностью продолжил развивать уголовное право в тех направлениях, которые основали его предшественники по кафедре и учителя – Г.С. Гордеенко и А.И. Палюмбецкий, определившие на долгие годы основные направления уголовно-правовой науки в Харьковском университете. После того, как в 1893 г. Л.Е. Владимиров оставил преподавательскую деятельность, вступив в сословие присяжных поверенных Москвы, и на указанную кафедру перешел ординарный профессор кафедры международного права В.П. Даневский,

¹¹⁴ Там же. – С. 455.

¹¹⁵ Там же. – С. 451.

¹¹⁶ Там же. – С. 445.

¹¹⁷ Поэтому задачей последующего исследования является проверка обоснованности указанных умозаключений Г.С. Фельдштейна и определение ценности вклада А.И. Палюмбецкого в развитие психологического направления в уголовном праве, о чем Г.С. Фельдштейн даже не упоминает.

представлявший в уголовном праве естественно-правовое направление (до этого он с 1887 г. и до 1893 г. читал параллельно с Л.Е. Владимировым курсы лекций по общей и особенной части уголовного права), начинается *пятый этап*. Продолжался этот этап до смерти в 1898 г. В.П. Даневского. В свою очередь начало преподавания уголовного права учеником Л.Е. Владимирова А.Д. Кисельевым, воспринявшим понимание уголовного права в психологическом и социологическом направлениях, обозначило начало шестого, заключительного, этапа на его протяжении.

Развитие уголовно-правовой науки в указанных направлениях переняли и последователи взглядов А.Д. Киселева на кафедре уголовного права и уголовного судоустройства и судопроизводства (Л.Я. Таубер, А.В. Маклецов и В.С. Трахтеров), а также М.П. Чубинский, занимавший на этой кафедре на протяжении почти трех лет (1903-1906) профессорские должности, воспринявший и развивавший социологическое направление в уголовном праве как выпускник юридического факультета Университета Святого Владимира в Киеве (в этом учебном заведении он изучал уголовно-правовые дисциплины под руководством Л.С.

Белогриц-Котляревского и считал себя его учеником¹¹⁸).

Указанный пятый период продолжался до окончательного установления советской власти в Харькове в декабре 1919 г.

Выводы.

1. Условно в истории развития науки уголовного права в Харьковском университете и других учебных заведениях на протяжении 1804-1919 гг. можно выделить несколько этапов. Выделяются такие этапы в зависимости от особенностей нормативной регламентации преподавательского процесса, содержание основных направлений науки уголовного права и специфика формирования штатного (кадрового) состава в учебных заведениях Харькова. Причем при характеристике всех таких этапов следует учитывать определяющее значение преподавателей Харьковского университета.

2. Каждый из выделенных этапов имел собственную специфику, обусловленную в первую очередь разрабатываемыми на всем его протяжении направлениями понимания уголовного права (см. об этом подраздел 1.4).

¹¹⁸ Проф. Чубинский М.П. Статьи и речи по вопросам уголовного права и процесса. Том 2-й. (1906-1911 г.г.). – С.-Петербург: Типография т-ва «Общественная польза», 1912. – С. 94-95.

3. Хронологически смена этапов развития на протяжении 1804-1919 гг. обусловлена, прежде всего:

а) различными подходами правопонимания при преподавании уголовно-правовых дисциплин; например, окончание первого этапа развития было связано с началом преподавания курса уголовного права Г.С. Гордеенко и основательной «реализацией» им основ психологического направления понимания уголовно-правовой науки, заложенных в трудах немецкого ученого и представителя этого направления П.Й.А. фон Фейербаха);

б) видами уголовно-правовых дисциплин, преподаваемых в зависимости от выбранного направления понимания уголовного права и особенностями преемственности уголовно-правовых идей представителями различных направлений правопонимания и их последователями; так, начало самостоятельного преподавания курса уголовного права и проведение практических занятий по этой дисциплине последователем Л.Е. Владимиров в Харьковском университете А.Д. Киселевым, придерживавшегося психологического и социологического направлений правопонимания и повлиявшего на формирование уголовно-правовых взглядов Л.Я. Таубера, А.В. Маклецова и В.С. Трахтерова, позволило выделить самостоятельный этап развития уголовного права в Харьковском

университете (1898-1919); в то же время в некоторых случаях преподаваемые уголовно-правовые дисциплины не имели влияния на изменение правопонимания отдельных ученых, в связи с чем не возникало оснований к выделению самостоятельного этапа развития уголовно-правовой науки (речь идет, например, о временном проведении представителем социологического и психологического направлений понимания уголовного права М.П. Чубинским на протяжении весеннего семестра 1903 г. учебных занятий по истории уголовного права (вместо убитого в заграничную командировку Н.А. Максимейко), которое не сделало его сторонником исторического направления понимания уголовного права);

в) проведенной на протяжении 1864-1899 гг. реформой уголовного судопроизводства и уголовного судопроизводства, ход которой отображался на преподаваемых уголовно-правовых дисциплинах; например, самостоятельное преподавание Л.Е. Владимировым курса уголовного права, начиная с 1876-1877 учебного года, включало в себя особенности уголовного судопроизводства и уголовного судопроизводства того времени и было связано, прежде всего, с формированием у ученого психологического понимания уголовного права;

г) с реформированием университетского образования, которое осуществлялось на основании Общих уставов Императорских российских университетов, Высочайше утвержденных соответственно в 1804 г., 26 июля 1835 г., 18 июня 1863 г. и 23 августа 1884 г.; так, функционирование созданной в соответствии с Уставом 1863 г. на юридическом факультете Харьковского университета кафедры уголовного права и уголовного судопроизводства обусловило параллельную преподавательскую деятельность, связанную с дисциплинами уголовно-правового цикла, ординарных (и/или экстраординарных) профессоров этой или также другой кафедры в один промежуток времени (например, на протяжении 1873-1876 гг. на указанной кафедре параллельно осуществляли преподавание ординарные профессора А.И. Палюмбецкий и Л.Е. Владимиров¹¹⁹; в период 1887-1893 гг. лекции по общей и особенной частям уголовного права на юридическом факультете параллельно

¹¹⁹ Хотя, справедливости ради, следует отметить, что такая «параллельная деятельность» ординарных профессоров А.И. Палюмбецкого и Л.Е. Владимирова на кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства на протяжении нескольких лет не касалась их «совмещения» в преподавании уголовного права, а касались курсов уголовного судопроизводства и уголовного судопроизводства, поскольку занятия по уголовному праву Л.Е. Владимиров начал проводить уже после выхода А.И. Палюмбецкого в отставку в 1876 г.

читали два ординарных профессора – ординарный профессор кафедры уголовного права и уголовного судопроизводства и судопроизводства Л.Е. Владимиров и ординарный профессор кафедры международного права В.П. Даневский; в период 1904-1905 гг. на кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства и судопроизводства параллельно преподавали два исправляющих должность экстраординарного профессора – А.И. Киселев и М.П. Чубинский – первый проводил занятия по уголовному судопроизводству, уголовному судопроизводству и учению о наказаниях в связи с тюремноведением, а второй – по общей и особенной частям уголовного права);

д) миграцией преподавателей указанных дисциплин; например, переезд Л.Е. Владимирова в 1893 г. в Москву и вступление его в сословие присяжных поверенных обозначило окончание четвертого этапа в развитии науки уголовного права;

е) влиянием на преподавание уголовного права представителей иных отраслей правоведения; в частности, на разных этапах преподавателями уголовного права были преподаватели иных юридических дисциплин, не специализировавшиеся на уголовно-правовых исследованиях или

занимавшиеся ими помимо своих главных направлений в научной работе, связанной с иными отраслями правоведения (например, по истории русского права – И.Ф. Тимковский, Г.П. Успенский, И.Н. Данилович, Н.А. Максимейко; по энциклопедии права (законоведения) – И.М. Ланг, Бернгард Рейт, Иоганн Шад, К.П. Паулович, Д.И. Каченовский, А.Г. Станиславский, А.И. Палюмбецкий; по международному праву – Иоганн Шад, Д.И. Каченовский, И.Н. Данилович, К.П. Паулович, В.П. Даневский; по гражданскому праву – И.Ф. Тимковский, Г.П. Успенский, К.Ф. Михайловский, А.К. Бабичев, А.В. Куницын; по «российскому публичному праву» и «российскому практическому судопроизводству» – А.К. Бабичев);

ж) заимствованием западноевропейских уголовно-правовых учений и использованием их в процессе исследовательской и преподавательской деятельности; прежде всего, на это влияло полученное в западноевропейских университетах юридическое образование (например, И.М. Ланг, К.П. Паулович, Бернгард Рейт, Иоганн Шад, В.С. Трахтеров) и/или временное пребывание «с научной целью» в ведущих западноевропейских университетах, необходимое для подготовки (завершения) магистерской или докторской диссертации

(например, М.П. Чубинский (1898-1899), А.Д. Киселев (1897-1898, 1899) и др.).

4. Особенностью выделенных этапов является то, что их соотношение с существующими направлениями понимания уголовного права позволяет признать именно психологическое направление доминирующим (одним из основоположных) в уголовно-правовой науке в Харьковском университете, начиная со второго этапа и до 1919 г. (прежде всего, в трудах Г.С. Гордеенко, А.И. Палюмбецкого, Л.Е. Владимирова, А.Д. Киселева, В.С. Трахтерова).

1.4. Основные направления науки уголовного права в Императорском Харьковском университете в период 1804-1919 годов

В период 1804-1919 гг. в Харьковском университете развивалось несколько основных направлений науки уголовного права в зависимости от узкого и широкого его понимания. Особенностью формирования и развития таких направлений было то, что каждое из них обусловило собственное представление об уголовно-правовых нормах, юридических фактах, уголовно-правовых отношениях, актах применения уголовного права, актах реализации уголовного права и разрабатывалось на нескольких

(различных) этапах развития науки уголовного права в указанном учебном заведении. Общеизвестно, что объектом правопонимания в теории государства и права признается правовая действительность, охватывающая, кроме права, также иные явления, порождаемые и существующие, прежде всего, благодаря праву. Представители узкого понимания рассматривали право как систему правил (норм) поведения (средство регулирования общественных отношений, связанное с государством, его воздействием на общественные отношения, установлением юридических норм и правил и т.д.), в то время как сторонники широкого понимания определяли право как что-то отличное от правил поведения или юридических норм. В пределах широкого понимания право может быть чем-угодно: психологической реакцией, реальными общественными отношениями, субъективным правом и пр.¹²⁰

В зависимости от **узкого понимания** права основные направления в уголовном праве, развиваемые представителями этой

¹²⁰ См. об этом: Машков А.Д. Теорія держави і права: підручник. – К.: ВД «Дакор». – 492 с. – С. 170, 171-172; Машков А. Проблеми теорії держави і права: співвідношення та межі. – К.: К.І.С., 2011. – 344 с. – С. 89-95. Об указанных направлениях в правопонимании см. также.: Алаіс С.І. Проблема праворозуміння в основних школах права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – теорія та історія держави і права; історія політичних і правових учень / Алаіс Софія Іванівна; Інститут держави і права ім. В.М. Корецького. – К., 2003. – 203 с. – С. 39-143.

науки в Харьковском университете в 1804-1919 гг., можно представить следующим образом:

а) *юридический позитивизм* (так называемое «практическое направление в уголовном праве» или «формально-догматическое уголовное право»), формируемый Н.Т. Спасским, А.К. Бабиным, Г.С. Гордеенко, А.И. Палюмбецким, А.Г. Станиславским, Л.Я. Таубером, А.В. Маклецовым основывался на простом описании и систематизации правовых норм, их формально-логическом анализе, а также в отсутствии познания сущности права (в данном случае уголовного). Изучая действующее, то есть позитивное, право представители этого направления исключали рассмотрение вопросов о самой идее права, его социальной ценности, предназначении, справедливости и несправедливости¹²¹. Как результат, в основе юридического позитивизма лежала правовая норма с необходимостью ее формально-логического анализа и систематизации. Соответственно источником права признавалась государственная власть. Вследствие этого направление юридического позитивизма раскрывало, прежде всего, именно «юридический режим» действия уголовного права (его формально-догматические основы),

¹²¹ Машков А.Д. Теорія держави і права: підручник. – К.: ВД «Дакор». – 492 с. – С. 173-174.

характеризовало динамику его реализации при помощи специфических правовых средств, которыми выступали уголовно-правовые нормы, уголовно-правовые отношения, акты применения и реализации уголовного права;

б) *историческое направление* было представлено И.Ф. Тимковским, Г.П. Успенским, К.Ф. Михайловским, И.Н. Даниловичем, Г.С. Гордеенко, А.И. Палюмбецким, А.Г. Станиславским, В.П. Даневским, М.П. Чубинским, Н.А. Максимейко, Л.Я. Таубером, А.В. Маклецовым, которые «преследовали в основном практическую цель, они определялись и руководствовались главным образом интересом догматики или потребностями толкования»¹²² и рассматривали право с точки зрения «изыскания подлинности и действительного вида случившихся происшествий, взятых в их отдельности и случайности»¹²³. Признавая право

¹²² Иеринг Р. фон. Историческая школа юристов // Савиньи Ф.К. фон. Система современного права. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: Статут, 2011. – С. 73-101. – С. 86.

¹²³ Неволин К.А. Энциклопедия законоведения [СПб., 1857] // Філософія та енциклопедія права в Університеті Святого Володимира: у 2 кн. - Кн. 1 / уклад. І.С. Гриценко, В.А. Короткий; за ред. І.С. Гриценка. – К.: Либідь, 2011. – С. 3-98. – С. 91. Так, в своих трудах А.Г. Станиславский, как преподаватель курса энциклопедии права (законоведения), излагавший студентам в том числе основы уголовного права в пределах этой дисциплины, по словам А.Н. Фатеева, в праве «видел нормы, устанавливаемые не произволом законодателя, а порядок,

исторически сложившимся феноменом каждого, отдельного народа с присущим ему содержанием (духом), формами, языком и пр., представители этого направления рассматривали право как продукт народной деятельности, который наравне с другими проявлениями такой деятельности постоянно движется и развивается, подчиняясь закону внутренней необходимости. Основание этой теории составилось из совокупности идей, которые выработаны философией истории и лишь повторялись в юриспруденции¹²⁴. Поэтому и уголовно-правовые воззрения первой половины XIX в. «реализовывались» в двух плоскостях: а) в процессе «заимствования» учений немецких юристов, которое нельзя отождествлять с рецепцией немецкого уголовного права; б) как выработка собственной системы уголовного права на основе «идей закономерного движения истории и идеи прогресса, которые

созидающийся в соответствии с бытовыми условиями жизни народа, вырабатываемый в духовной лаборатории самого народа. Отсюда видно, что Станиславский придавал огромное значение обычному праву, которое тщательно изучал вместе с источниками древнего русского права и законодательства, для чего он много работал в Императорской публичной библиотеке» (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей юридического факультета // Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905) ... С. 297).

¹²⁴ Муромцев С. Образование права по учениям немецкой юриспруденции [2-е изд., испр. и доп. – М., 1886] // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 227-350. – С. 230, 232.

слились в общую идею закономерного развития человечества»¹²⁵. Поэтому «естественное право» в трудах этих ученых обозначило собой лишь совокупность идеальных представлений о праве, имевших часто нравственный характер¹²⁶.

Широкий подход к пониманию права обусловил формирование и развитие в Харьковском университете на протяжении 1804-1919 гг. следующих направлений в уголовном праве:

а) *естественно-правовое направление*, получившее распространение в этом учебном заведении в трудах В.Ф. Титарева, К.П. Пауловича, К.Н. Яроша, рассматривало право с точки зрения «совокупности высших, всеобщих, неизменных и совершенных начал права, существующих собственной силою и заключающих в себе идеал и критерий для права положительного», а источник естественного права – видело «в идее правды и справедливости, живущей в душе человека, в природе вещей и существ, откуда оно извлекается разумом человека,

наконец, в первоначальной, дообщественной жизни человечества»¹²⁷;

б) *социологическое направление* представляли А.И. Палюмбецкий, Л.Е. Владимиров, В.П. Даневский, М.П. Чубинский, А.Д. Киселев, Л.Я. Таубер, рассматривавшие уголовное право с позиций его социальной динамики, «динамических видоизменений» и предусматривало выяснение таких вопросов, как социальная обусловленность уголовного закона, социальный механизм действия уголовно-правовых запретов, социология применения норм уголовного права, социальная эффективность уголовно-правовых норм;

в) *психологическое направление*, представителями которого были Г.С. Гордеенко, А.И. Палюмбецкий, Л.Е. Владимиров, А.Д. Киселев, В.С. Трахтеров. В своих трудах указанные ученые характеризовали особенности применения уголовного права на уровне отдельно взятой личности, прежде всего, с учетом принятия решения о соблюдении или нарушении уголовно-правовых запретов и связанных с этим проблем. Представители этого направления уделяли особое внимание исследованию таких

¹²⁵ Там же. – С. 230.

¹²⁶ Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии [М., 1896] // Немечкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 1-226. – С. 7.

¹²⁷ Ренненкамф Н.К. Юридическая энциклопедия [Киев, 1889] // Філософія та енциклопедія права в Університеті Святого Володимира: у 2 кн. - Кн. 1 / уклад. І.С. Гриценко, В.А. Короткий; за ред. І.С. Гриценка. – К.: Либідь, 2011. – С. 313-442. – С. 324.

вопросов, как определение иерархии свойств личности в формировании его психического отношения к уголовно-правовым запретам, мотивация преступного поведения, взаимодействие личности и конкретной социально-правовой ситуации при принятии решения о соблюдении или нарушении уголовно-правовых запретов и т.д.

С методологической точки зрения, спецификой указанных направлений узкого и широкого понимания уголовного права было то, что ни один из представителей уголовно-правовой науки в Харьковском университете не использовал в своей деятельности только те способы познания, которые относились лишь к одному из указанных направлений. Например, выше уже подчеркивалось, что Г.С. Гордеенко в своих трудах не только последовательно развивал историческое и психологическое направления понимания уголовного права, но и был первым преподавателем уголовного права, который в Харьковском университете на своих занятиях со студентами использовал идеи психологического понимания уголовного права, сформулированные в работах П.Й.А. фон Фейербаха.

В другом случае Г.С. Фельдштейн весьма категорически отзывался о вкладе А.И. Палюмбецкого в развитие уголовного права с позиций юридического позитивизма. Изучая рукописный курс

уголовного права А.И. Палюмбецкого (на момент подготовки исследования Г.С. Фельдштейном этот рукописный курс хранился в Юридическом кабинете Харьковского университета), Г.С. Фельдштейн пришел к выводу, что автор курса «совершенно оставляет в стороне догматическую разработку положительного права», в связи с чем «вряд ли изложение А. Палюмбецкого имело ценность ввиду той пропасти, которая отделяла его от практической стороны юриспруденции». В то же время подготовленные А.И. Палюмбецким в пределах указанного курса «беглые справки о положении того или другого вопроса в нашем законодательстве» позволили Г.С. Фельдштейну считать его «типичным представителем той эпохи в русской науке, когда догматическая разработка права считалась подрывающей авторитет закона и вообще излишней»¹²⁸. Однако, что касается основательности подхода А.И. Палюмбецкого к рассмотрению влияния сознательности и индивидуальности (единичности) воли лица на сущность преступления, вопросов основания вменяемости, природы и содержания вины, форм виновничества, относящихся к общей части уголовного права, то возражений по этому поводу в

¹²⁸ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 452.

исследовании Г.С. Фельдштейна найти не удалось. В другом случае в литературе не встречается возражений, что преемственность взглядов Л.Е. Владимирова, связанных с социологическим и психологическим направлениями в уголовном праве, оказала влияние на формирование А.Д. Киселевым так называемого «психологического основания» уголовной ответственности¹²⁹.

Выводы.

1. В зависимости от узкого и широкого понимания уголовного права основными его направлениями, разрабатываемыми на протяжении 1804-1919 гг. преподавателями Харьковского университета, можно считать: а) в пределах узкого понимания: юридический позитивизм и историческое направление; б) в пределах широкого понимания: естественно-правовое, социологическое и психологическое направления.

2. Каждый из преподавателей уголовного права в этом учебном заведении использовал в своей деятельности только те способы познания, которые относились к нескольким из указанных направлений (их объединению).

3. В *первые десятилетия* после открытия Харьковского университета

¹²⁹ См.: Киселев А.Д. Психологическое основание уголовной ответственности. – Харьков: Типо-Литография «Печатное Дело», кн. К.Н. Гагарина, 1903. – С. I-II, 1-312, I-II.

были сформулированы первые основные идеи, представлявшие юридический позитивизм, историческое и естественно-правовое направления в уголовном праве. И если первые два из указанных направлений в 1810-1850-е годы развивались преимущественно в трудах преподавателей уголовного права этого времени (юридический позитивизм нашел отражение, прежде всего, в работах Н.Т. Спасского, А.К. Бабичева, Г.С. Гордеенко, А.И. Палюмбецкого, а историческое направление – в трудах И.Ф. Тимковского, Г.П. Успенского, К.Ф. Михайловского, И.Н. Даниловича, Г.С. Гордеенко, А.И. Палюмбецкого), то идеи естественно-правового направления в уголовно-правовой науке формулировались, как правило, в работах преподавателей других юридических дисциплин, представлявших кафедру прав естественного, политического и народного в отделении нравственных и политических наук (И.М. Ланг, Г.И. Терлаич, К.П. Паулович, Бернгард Рейд, Иоганн Шад), а также кафедры энциклопедии или общего надзора системы законоведения, Российских государственных законов, то есть законов основных, законов о состояниях и государственных учреждениях (Д.И. Каченовский, А.Г. Станиславский), кафедры естественного права на юридическом факультете при преподавании дисциплин, наименования

которых соответствовали названиям курсов естественного права, юридической энциклопедии (энциклопедии права) и энциклопедии законоведения.

4. Начало психологическому направлению в уголовном праве положила научная деятельность Г.С. Гордеенко в 1830-1840-е годы. Однако наибольшее развитие это направление получило в основном благодаря подготовленным Л.Е. Владимировым и А.Д. Киселевым исследованиям в 1870-е – в начале 1900-х годов.

Распространение идей социологического направления связывается с именами Л.Е. Владимирова, А.Д. Киселева, Л.Я. Таубера, преподававших уголовно-правовые дисциплины в Харьковском университете несколько десятилетий подряд, а также с М.П. Чубинским, чья преподавательская деятельность в этом учебном заведении была непродолжительной (1903-1906).

Несмотря на незначительность времени, влияние на развитие социологического направления в уголовно-правовой науке М.П. Чубинский, занимавшего ранее должности приват-доцента (1897-1898) кафедры уголовного права и уголовного судопроизводства Университета Святого Владимира в Киеве, доцента (1898-1901) и экстраординарного профессора (1901-1903) кафедры уголовного права и

судопроизводства Демидовского юридического лица в Ярославле, имело отличительные особенности. Связаны такие особенности были, прежде всего, с формированием ученым собственной системы знаний об уголовной политике как составном элементе науки уголовного права¹³⁰.

5. В трудах некоторых преподавателей (в том числе и указанных выше) уголовно-правовых дисциплин в Харьковском университете соответствующие направления правопонимания представлены не в полном объеме (это касается Г.П. Успенского, К.Ф. Михайловского, А.И. Палюмбецкого, В.П. Даневского). У других представителей этой науки сформулированные идеи не «сложились» на концептуальном уровне в единое (одно или несколько) направление правопонимания, что объясняется следующими причинами (в отдельных случаях их совокупностью):

а) начальными этапами их научной деятельности в уголовном праве (например, в конце 1820-х годов у Г.С. Гордеенко, в начале 1850-х годов у А.И. Палюмбецкого);

¹³⁰ См.: Проф. Чубинский М.П. Очерки Уголовной политики. (Понятие, история и основные проблемы уголовной политики, как составного элемента науки уголовного права). [Части] I-III. – Харьков: Типография «Печатное Дело» кн. К.Н. Гагарина, 1905. – С. I-IV, 1-534 с.

б) отсутствием печатанных работ, имевших системный характер и отображавших собственное комплексное понимание уголовного права как науки и учебной дисциплины (В.П. Даневский, А.И. Палюмбецкий, Л.Я. Таубер и др.);

в) совмещение преподавания уголовно-правовых и других юридических дисциплин, а также принадлежность ученых к другим отраслям правоведения, а именно: истории русского права (И.Ф. Тимковский, Г.П. Успенский, И.Н. Данилович, Н.А. Максимейко); римского права (К.П. Паулович); энциклопедии права (законоведения) (И.М. Ланг, Б.О. Рейт, Иоганн Шад, К.П. Паулович, Д.И. Каченовский, А.Г. Станиславский, А.И. Палюмбецкий); международного права (Иоганн Шад, Д.И. Каченовский, В.П. Даневский, И.Н. Данилович, К.П. Паулович); гражданского права (И.Ф. Тимковский, Г.П. Успенский, К.Ф. Михайловский, А.К. Бабичев, А.В. Куницын).

Раздел II.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИМПЕРАТОРСКОГО ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ (1804-1834)

Вводные замечания.

В этом разделе речь пойдет о так называемой «предыстории»¹³¹ формирования и развития знаний у представителей уголовно-правовой науки на ее первом этапе (1804-1834) в Харьковском университете. По-сути, основное внимание здесь уделяется общей (обобщенной) характеристике предпосылок формирования и развития основных направлений понимания уголовного права под влиянием немецкой классической философии, английских и французских просветителей XVIII – начала XIX веков. Наличие уже сформированных (нескольких) направлений понимания уголовного права, зависящих в то время от правопонимания вообще, как раз и позволяет сделать вывод о функционировании в Харьковском

¹³¹ В данном случае термин «предыстория» употребляется для обозначения того, «что предшествует определенному периоду, явлению, событию и т.д.; того, что опережает появление кого-, чего-нибудь // Древняя история кого-, чего-нибудь» (см.: Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод., допов. та CD) / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.; Ірпінь; ВТФ «Перун», 2007. – 1736 с. – С. 908) и является общепотребительным в исторической науке в различных словосочетаниях. Например, словосочетание «предыстория науки» обозначает то, «когда происходило возникновение и накопление знаний ..., возникали отдельные учения» и используется для определения этапов предыстории – эпохи ранних цивилизаций, Античности, Средних веков, Возрождения, Просвещения и т.д. (см.: Павленко Ю.В., Храмов Ю.А. Предыстория науки в контексте естественно-научных идей В.И. Вернадского // Наука та наукознавство. Міжнародний науковий журнал. – 2012. – № 3 (77). – С. 29-46. – С. 29, 46).

университете самостоятельной научной школы.

Являясь сторонником подхода о том, что одним из оснований выделения научных школ в уголовном праве могут признаваться определенные направления научных исследований и/или их сочетание связанные с правопониманием (направления правопонимания), вынужден признать необходимость описания происхождения таких направлений и существующих в их пределах научных взглядов первоочередной задачей характеристики таких научных школ¹³². Причем важно разобраться в истоках происхождения взглядов ученых, представляющих эти направления правопонимания. Иначе обосновать наличие преемственности подходов представителями различных поколений одного или нескольких направлений в науке, на мой взгляд, невозможно. Поэтому вызывает, по крайней мере, некоторое удивление признание существования конкретной научной школы с момента начала таких

исследований учеными в новообразованных учебных заведениях без обоснования ими наличия указанных направлений как сформировавшихся и характеристики преемственности взглядов ученых-криминалистов. Например, в литературе встречается утверждение, согласно которому научная школа уголовного права в Харькове была основана с момента начала функционирования в 1805 г. университета и преподавания в нем уголовного права: «... особое место занимают представители харьковской школы уголовного права, основанной вместе с созданием нашего университета. В 1804 г. императором Александром I был подписан устав Харьковского Императорского университета, первого высшего учебного заведения Украины, составной частью которого было отделение моральных и политических наук. Начиная с 1805 г., в составе отделения функционировала кафедра прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи. Именно с этого момента началось преподавание уголовного права в университете»¹³³.

В связи с этим, рассматривая «состояние» науки уголовного права в отделении нравственных и политических

¹³² Берзін П.С. Київська школа кримінального права (1834-1960 роки): історико-правове дослідження. Монографія. – 2-ге вид., переробл. і доповн. – К.: «ВД «Дакор», 2013. – С. 43-66. Об особенностях других подходов понимания научной школы и направления в юридической науке (в том числе в зависимости от конкретных отраслей) см.: Бондарук Т.І. Наукознавчі категорії «школа», «напря́м», «концепція», «течія» в юридичній науці // Часопис Київського університету права. 2010. – № 4. – С. 15-20.

¹³³ См.: Харитоновна Е., Пономаренко Ю., Тютюгин В. Харьковская школа уголовного права // Право Украины. – 2011. – № 9-10. – С. 265.

наук Харьковского университета периода 1804-1834 гг., особого внимания требует выяснение двух основных моментов: а) каковы истоки (предпосылки) формирования взглядов на понимание науки уголовного права у преподавателей уголовно-правовых дисциплин в этом учебном заведении указанного периода и б) как такие взгляды повлияли на формирование направлений правопонимания в этой науке.

Научная и преподавательская деятельность И.Ф. Тимковского, Г.П. Успенского, К.Ф. Михайловского, И.Н. Даниловича, А.К. Бабичева, В.Ф. Титарева и К.П. Пауловича, как представителей уголовно-правовой науки, наиболее полно освещалась в исследовании Г.С. Фельдштейна, ставшего основой для ряда современных исследований в этой области. Исходя из выводов указанного ученого, единого направления (течения) деятельность этих исследователей не образовывала. И.Ф. Тимковского, Г.П. Успенского и К.Ф. Михайловского Г.С. Фельдштейн относил к представителям направления историко-догматического исследования в уголовной юриспруденции. Причем Г.П. Успенский считался исследователем «русских юридических древностей», главная заслуга которого состояла в их собирании и обработке. Как пишет Г.С. Фельдштейн, инициатива и «выполнение в законченном виде»

собирания и обработки юридических древностей относится именно к этому профессору Харьковского университета¹³⁴. В то же время о И.Ф. Тимковском и К.Ф. Михайловском Г.С. Фельдштейн пишет как о криминалистах-историках, которые в своих трудах руководствовались «и традициями исторического изучения права, восходящими еще к концу XVIII в. и унаследованными от А. Поленова и в особенности С. Десницкого», а также разрабатывали уголовное право именно в этом направлении (течении)¹³⁵. Однако исследования А.Я. Поленова и С.Е. Десницкого Г.С. Фельдштейн почему-то отнес не к историко-догматическому, а к историко-сравнительному направлению¹³⁶. Представителем историко-философской школы Г.С. Фельдштейн называет И.Н. Даниловича, который «полагал в основание своего курса уголовного права воззрения Эд. Генке»¹³⁷. К «практикам-исследователям руководства делопроизводства и преподавателям законоискусства» Г.С. Фельдштейн отнес Н.Т. Спасского и А.К. Бабичева, назвав их преемниками практического направления в Московском университете у Н.Н. Сандунова. По словам Фельдштейна,

¹³⁴ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 338.

¹³⁵ Там же. – С. 357-358.

¹³⁶ Там же. – С. 132-150.

¹³⁷ Там же. – С. 461.

«практическое делопроизводство» было представлено в Харьковском университете именно Спасским и Бабичевым и «является, по самому существу своему, не чем иным, как попыткой привить и в области академического преподавания «популярно-юридические» приемы»¹³⁸. О Н.Т. Спасском Г.С. Фельдштейну было известно то, что именно этого начинающего ученого руководство Харьковского университета направило московскому практику Н.Н. Сандунову так сказать «на выучку». Поэтому вполне логичен вывод Г.С. Фельдштейна: «Из школы Н. Сандунова вышел и Н. Спасский, преподававший до начала 30-х годов в Харьковском университете русское публичное и уголовное право»¹³⁹. Что касается А.К. Бабичева, то данных о его командировании в Московский университет к Н.Н. Сандунову Г.С. Фельдштейн не приводит, но отмечает, что «практическая сторона выдвигалась, по-видимому, на первый план и в преподавании в Харьковском университете – А.К. Бабичева». Лекции Бабичева Фельдштейн называет такими, которые «носили своеобразный оттенок, свидетельствуя о полном отсутствии теоретической школы», а самого ученого – чистым практиком¹⁴⁰. В.Ф. Титарев и К.П.

Пауловича Г.С. Фельдштейн считает представителями «уголовно-правовых учений, опирающихся на естественно-правовую доктрину, стремящуюся к преобразованию общественных отношений». Это направление (течение), по словам Фельдштейна, примыкает «к попыткам внесения в естественно-правовые учения поправок, подсказанных стремлением гарантировать от произвола личность преступника, секуляризировать понятия уголовного права, установить круг преступлений без допущения опасного для развития индивидуальности ограничения свободы граждан и проч.». Важно отметить, что в книге Фельдштейна Титарев и Паулович называются единственными представителями указанного направления во всей Российской империи по состоянию до 1863 г.¹⁴¹

Подводя итоги предварительного анализа указанного исследования Г.С. Фельдштейна, которое содержит основные ориентиры научной и преподавательской деятельности «родоначальников» уголовно-правовой науки в Харьковском университете, можно сделать следующие основные *выводы*.

1. Ученый формулирует названия научных направлений и определяет их представителей в зависимости от

¹³⁸ Там же. – С. 267.

¹³⁹ Там же. – С. 272.

¹⁴⁰ Там же. – С. 273-274.

¹⁴¹ Там же. – С. 373.

содержания и особенностей формирования правопонимания вообще и понимания уголовного права в частности, так: а) направление историко-догматического исследования (И.Ф. Тимковский, Г.П. Успенский, К.Ф. Михайловский); б) историко-философское (И.Н. Данилович); в) практическое направление (Н.Т. Спасский, А.К. Бабочев); г) направление естественно-правовое (В.Ф. Титарев, К.П. Паулович).

2. В некоторых случаях Г.С. Фельдштейн указывает на учителей указанных представителей уголовно-правовой науки в Харьковском университете и/или ученых, в духе воззрений которых такие представители формировали свои уголовно-правовые учения:

а) для И.Ф. Тимковского и К.Ф. Михайловского «общим знаменателем» их научных работ служили воззрения А.Я. Поленова и С.Е. Десницкого;

б) учителем Н.Т. Спасского во время его пребывания в Московском университете называется Н.Н. Сандунов;

в) вместе с А.К. Бабочевым Н.Т. Спасский представлял практическое направление Н.Н. Сандунова. Хотя А.К. Бабочев, в отличие от Н.Т. Спасского, непосредственного обучения у Н.Н. Сандунова не проходил, в связи с чем придерживался его подходов только при преподавании курса уголовного права. При

преподавании же других дисциплин (российского публичного права и российского практического судопроизводства, лекции которых А.К. Бабочев читал в университете два часа в неделю) подходов Н.Н. Сандунова он не использовал. Об этом свидетельствует опубликованный в декабрьском выпуске «Журнала Министерства народного просвещения» за 1834 г. отчет «О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания», извлеченный составителями из отчетов российских учебных заведений за 1832-1833 академический год. В нем, в частности, указывается, что адъюнкт А.К. Бабочев в 1832-1833 академическом (т.е. учебном) году преподавал: «Российское Публичное Право (2 ч.) по своим запискам, придерживаясь изданной Г. Васильевым книги: Нов[ое] Руков[одство] к позн[анию] Рос[сийских] Законов; Российское Практическое Судопроизводство (2 ч.) по своим запискам, придерживаясь изданных в Москве 1832 г. Г. М-м Оснований Рос[сийского] Судопроизводства»¹⁴²;

¹⁴² См.: О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832-33 Академический год) // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – Санктпетербург: в

г) приверженность В.Ф. Титарева и К.П. Пауловича естественно-правовой теории обусловлена, судя по всему, или их обучением в западноевропейских университетах или, что более вероятно, научной деятельностью под руководством западноевропейских ученых (поэтому и предпосылки формирования взглядов В.Ф. Титарева и К.П. Пауловича могли заключаться именно в этом);

д) определенная общность взглядов прослеживается у И.Ф. Тимковского и Г.П. Успенского в связи с тем, что последний именно по настоянию Тимковского занял «кафедру истории, географии и статистики» в Харьковском университете;

е) в основе уголовно-правовых взглядов И.Н. Даниловича лежат концептуальные подходы представителя исторического направления (школы) в уголовном праве – Эдуарда Генке.

3. В то же время в исследовании Г.С. Фельдштейна имеются некоторые неточности и противоречия. Например, непонятно почему, говоря о Тимковском и Михайловском, как принадлежащих к историко-догматическому направлению и приверженцах взглядов А.Я. Поленова и С.Е. Десницкого, Г.С. Фельдштейн отнес Поленова и Десницкого к представителям историко-сравнительного направления. До конца неопределенной осталась связь

типографии Императорской Академии Наук, 1834.
– С. 246.

учений Г.П. Успенского со взглядами А.Я. Поленова и С.Е. Десницкого, а также то, чем обусловлена смена направлений от Тимковского, Успенского и Михайловского к Спасскому и Бабиичеву, а от них – к Даниловичу, Титареву и Пауловичу за неполных тридцать лет развития уголовного права в Харьковском университете.

4. Указанные основные выводы обусловили направления дальнейшего исследования научных взглядов упомянутых выше представителей уголовно-правовой науки в Харьковском университете. В первую очередь, для понимания истоков формирования основ науки уголовного права в этом учебном заведении необходимо охарактеризовать уголовно-правовые взгляды А.Я. Поленова, С.Е. Десницкого, И.Н. Сандунова, Эдуарда Генке, а также осветить особенности изучения юридических наук В.Ф. Титаревым и К.П. Пауловичем в зависимости от понимания ими права вообще.

2.1. Формирование исторического понимания уголовного права на основе учений классической немецкой философии первой половины XVIII – начала XIX веков, английских и французских просветителей XVIII века

Понимание уголовного права на основе его исторического изучения формировалось у преподавателей Харьковского университета с учетом «трансформации»:

а) взглядов представителей *классической немецкой философии* первой половины XVIII в., воспринятых немецкими учеными Ф.Г. Штрубе де Пирмоном, Куглером и Трейтлингером, которые повлияли на формирование правопонимания А.Я. Поленова во время его обучения юридическим наукам в академическом университете в Петербурге, Страсбургском и Геттингенском университетах. В этом случае формирование исторического правопонимания осуществлялось непосредственно в процессе учебных занятий у указанных университетских преподавателей (другими словами, было непосредственным, зависело лишь от объема воспринятого А.Я. Поленовым и излагаемого ему учебного материала). Последователями А.Я. Поленова в историческом понимании уголовного права были К.-Г. Лангер и его ученик С.Е. Десницкий, обучавший юридическим наукам в Московском университете будущих преподавателей Харьковского университета – И.Ф. Тимковского и К.Ф. Михайловского;

б) взглядов представителей *классической немецкой философии* конца

XVIII – начала XIX в., которые воспринял Э.Г.В. Генке. Однако влияние этого немецкого ученого на формирование правопонимания у И.Н. Даниловича было лишено «личного контакта», происходило на основе научных исследований, подготовленных Э.Г.В. Генке в процессе его работы в западноевропейских университетах, которые не имел возможности посещать И.Н. Данилович (иными словами, слушателем лекций Э.Г.В. Генке по уголовному праву И.Н. Данилович не был и в своих историко-правовых исследованиях опирался только на опубликованные работы немецкого ученого). В таком случае формирование исторического правопонимания последнего можно считать опосредованным, поскольку первоосновой понимания уголовного права у И.Н. Даниловича служили опубликованные работы Э.Г.В. Генке, а не прослушанные лекции;

в) взглядов *английских и французских просветителей* XVIII в., воспринятых А. Смитом и его учеником Дж. Милларом, а от них – С.Е. Десницким во время учебы в Глазговском университете (как уже указывалось, С.Е. Десницкий оказал прямое влияние на формирование правопонимания у И.Ф. Тимковского и К.Ф. Михайловского во время их обучения юридическим наукам в Московском университете).

В первом из указанных «способов» формирования исторического понимания уголовного права определяющее значение принадлежало Алексею Яковлевичу Поленову (1738-1816), на уголовно-правовые воззрения которого оказали влияние преподаватели академического университета в Петербурге, Страсбургского и Геттингенского университетов. Впоследствии его идеи в Московском университете восприняли К.-Г. Лангер и С.Е. Десницкий. Связи указанных ученых обусловили содержание и структуру данной части моего исследования, в которой рассматриваются предпосылки, повлиявшие на формирование исторического понимания уголовного права не только у А.Я. Поленова, но и у С.Е. Десницкого. Причем влияние А.Я. Поленова на уголовно-правовые воззрения С.Е. Десницкого выходит за рамки однозначных, прежде всего потому, что значительный вклад в формирование его правопонимания внесли также такие ученые, как А. Смит, Дж. Миллар и К.Г. Лангер (последний еще и как последователь исторического правопонимания А.Я. Поленова). Другими словами, формирование правопонимания вообще и понимание уголовного права в частности, происходило у С.Е. Десницкого на основе восприятия совокупности правовых идей разных ученых. В одном случае это были идеи, представлявшие

историческое направление правопонимания в деятельности российского ученого А.Я. Поленова и его последователя в этом же направлении правопонимания в Московском университете К.Г. Лангера¹⁴³, а в другом – идеи, формируемые в пределах исторического направления представителями Глазговского университета – А. Смитом и Дж. Милларом. Поэтому формирование правопонимания С.Е. Десницкого в историческом направлении основывалось, в первую очередь, на своеобразном «объединении» воззрений этих ученых.

А.Я. Поленов происходил из семьи костромских дворян и был воспитанником Гимназии и университета при Академии наук в Петербурге. В академическом университете он знакомился с содержанием преподавания юридических дисциплин Ф.Г. Штрубе де Пирмона (до октября 1757 г.) и Г.-Ф. Федоровича (с 1760 г.)¹⁴⁴.

Императорская Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге имела свой регламент, утвержденный императрицей

¹⁴³ Благовещенский А. История метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть седьмая. – [№IX. Сентябрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1835. – С. 42-52. – С. 43.

¹⁴⁴ Шугуров М. Учение и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А.Я. Поленова) // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – 1866. – [Вып.] 3. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1866. – Столб. 312.

Елизаветой Петровной 24 июля 1747 г. и направленный, прежде всего, на создание в Российской империи университета (данный акт, по словам В.А. Томсинова, сохранял заложенное при основании Академии соединение ее с университетом, но для того, чтобы это учреждение стало по-настоящему действовать в качестве университета, он отделял обязанности академиков от функций профессоров¹⁴⁵). В соответствии с этим Регламентом преподавание юридических наук в академическом университете было поручено именно Фридриху Генриху Штрубе де Пирмону (1704 – 1790) – немцу, уроженцу Ганновера, получившему юридическое образование в университете г. Галле и служившему секретарем в германских посольствах в Австрии, Англии, Польше, а также у герцога Бирона и графа П.Г. Чернышева¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVII столетии: Учебное пособие. – М.: Зерцало-М, 2010. – 216 с. – С. 86.

¹⁴⁶ Детальнее об указанных фактах биографии Ф.Г. Штрубе де Пирмона см.: История Императорской Академии наук в Петербурге. Петра Пекарского. Том первый. – Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Санктпетербург: Типография Императорской Академии наук, 1870. – С. 671-689; Е.К. Струбе (Штрубе) – де – Пирмон, Фридрих-Генрих // Русский биографический словарь. – Смеловский – Суворина [Т. 19]. – Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцева. – С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1909. – С. 547-549; Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство

В 1747 г. Штрубе де Пирмон перевел с латинского на французский язык предисловие к Атласу российскому, которое «и велено было напечатать в том же году»¹⁴⁷. Однако, по замечанию В.А. Томсинова, лекции Штрубе де Пирмона не заинтересовали русских юношей. Этот вывод, по его словам, напрашивается при чтении доношения, поданного Штрубе де Пирмоном руководству Академии 10 декабря 1748 г., а также указывает на то, что таким образом ученый выражал мнение, что для русских студентов интересными могли быть только лекции, посвященные российскому праву, и именно поэтому предлагал написать краткое наставление по русскому праву – так называемый «Compendium juris ruthe-nici»¹⁴⁸.

10 декабря 1748 г. Штрубе де Пирмон писал в своем представлении академической канцелярии: «Во всех

«Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 120-132; Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII-XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – М.: Зерцало, 2007. – С. 99-113; Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVII столетии: Учебное пособие. – М.: Зерцало-М, 2010. – 216 с. – С. 83-98.

¹⁴⁷ История Императорской Академии наук в Петербурге. Петра Пекарского. Том первый. – Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Санктпетербург: Типография Императорской Академии наук, 1870. – С. 677.

¹⁴⁸ Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII-XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – М.: Зерцало, 2007. – С. 104-105; Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVII столетии: Учебное пособие. – М.: Зерцало-М, 2010. – 216 с. – С. 89-91.

чужестранных университетах должность профессора юриспруденции в том состоит, чтобы он обучал гражданских прав... А понеже в Российской империи гражданского права древних римлян или какого-нибудь другого юношеству публично изъяснять неприлично, и, следовательно, положенная на меня должность касается наипаче до гражданской юриспруденции, по колику она в одних российских правах упражняется; но сей должности совершенно исполнить невозможно, ежели наперед сочинено не будет краткое руководство к российским правам, которое бы как учащие, так и учащиеся во основание их упражнения полагать могли. И так, сие дело на себя принять осмеливаюсь, ежели токмо во оном я, как для покупки потребных книг и писем, так и для награждения таких людей, от которых нужнейшие при таком сочинении известия получить могу, без помощи оставлен не буду...»¹⁴⁹.

Указанное выше «руководство-наставление» Штрубе де Пирмон все же составил (под названием «Краткое

руководство к российским правам»), но опубликовано оно так и не было¹⁵⁰.

Судя по всему, именно этот труд служил материалом для лекций по юридическим дисциплинам Штрубе де Пирмона во время учебы в академическом университете А.Я. Поленова. Однако этот труд также не имел успеха и не был оценен «по достоинству его современниками, а ближайшим образом его официальными критиками – членами Академии. Отказав ему в напечатании его работы, они сделали невозможным исправление его ошибок и отсрочили дальнейшее разрешение очередной задачи, которая так ясно поставлена была Штрубе»¹⁵¹.

¹⁵⁰ О подготовке и содержании этого руководства см.: История Императорской Академии наук в Петербурге. Петра Пекарского. Том первый. – Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Санктпетербург: Типография Императорской Академии наук, 1870. – С. 678-683; Е.К. Струбе (Штрубе) – де – Пирмон, Фридрих-Генрих // Русский биографический словарь. – Смеловский – Суворина [Т. 19]. – Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцева. – С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1909. – С. 548; Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 122-131; Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVII столетии: Учебное пособие. – М.: Зерцало-М, 2010. – 216 с. – С. 91-97; Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII-XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – М.: Зерцало, 2007. – С. 105-111.

¹⁵¹ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 123, 131.

¹⁴⁹ История Императорской Академии наук в Петербурге. Петра Пекарского. Том первый. – Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Санктпетербург: Типография Императорской Академии наук, 1870. – С. 678-679.

В то же время в справочной литературе причина таких выводов членов Академии наук определяется следующим образом: «на французском языке исследование по истории русского права ... не было одобрено академией, так как содержало в себе только перечень всевозможных законодательных памятников России и пространная выдержки из них»¹⁵². Поэтому и первоначальную причину неудачи Штрубе де Пирмона на научном поприще следует видеть в том, что «... понеже при точнейшем рассмотрении оказалось, что оная книга сочинена не тем образом, как он обещался и ее назвал, т.е. кратким руководством, ибо в оной ничего более не учинено, как только что под краткими заглавиями расположены материи и содержания указов, регламентов и прочего во всем их пространстве от слова до слова, как напр[имер] весь вексельный устав, весь воинский устав с процессом; большая часть Уложения и указанной книги и пр., почему упомянутая его книга к тому намерению, для которого приказано было ему оную сочинять, т.е. российскому юношеству вместо краткого руководства, явилась неспособною и еще меньше того

¹⁵² Е.К. Струбе (Штрубе) – де – Пирмон, Фридрих-Генрих // Русский биографический словарь. – Смеловский – Суворина [Т. 19]. – Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцева. – С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1909. – С. 548.

для внесения в оную от слова до слова всего того, что в особливых напечатанных уже книгах содержится...»¹⁵³.

Именно в петербургском академическом университете А.Я. Поленов, как слушатель, сделал первые шаги в области законовещения, зарекомендовав себя с положительной стороны. В связи с этим Д.В. Поленов пишет: «... поступил в 1754 г. в учрежденный при Академии, но недолго существовавший, Университет с званием студента и здесь посвятил себя преимущественно изучению юриспруденции. Что он был в числе хороших студентов, это мы можем видеть из того, что, находясь в этом звании, он получил шпагу. Сверх того, по определению Сената, он был употреблен для перевода Лифляндских законов, под смотрением юстиц-коллегии советника Волкова. Получив за труды свои чин переводчика, он был отправлен в чужие края для дальнейшего усовершенствования в избранном им предмете»¹⁵⁴. Причем

¹⁵³ История Императорской Академии наук в Петербурге. Петра Пекарского. Том первый. – Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Санктпетербург: Типография Императорской Академии наук, 1870. – С. 683.

¹⁵⁴ [Поленов Д.В.] А.Я. Поленов, Русский законовед XVIII века // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – [1865]. – [Вып.] 4. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1865. – Столб. 445-446. Хотя историк М.Ф. Шугуров этому факту возражал: «... Не отрицая несколько того, что Поленов мог быть и действительно был в университете хорошим студентом, мы считаем

любопытно, что в процессе обучения в университете молодой Поленов «... так и другие семеро гимназистов, вместе с ним допущенные к слушанию университетских лекций по экзамену (в котором принимал участие и Ломоносов) на первых порах испытали маленькую неудачу»¹⁵⁵. Неудачу эту М.Ф. Шугуров описывает так: «В заседании 18 марта (1754 года) ... Ломоносов участвовал в экзамене 8 учеников гимназии (в том числе был *Alexius Polenow* ...), которые были допущены к слушанию университетских лекций, но оказались столь слабыми в латинском языке, что не понимали профессорских лекций; вследствие чего им велено некоторое время ходить в верхний латинский класс академической гимназии»¹⁵⁶.

О том, что в 1761 г. А.Я. Поленова, еще слушателя академического университета, привлекла к работам по

переводу старых лифляндских и эстляндских законов на русский язык Юстиц-коллегия, упоминает Е.Ф. Шмурло: «Участие в работах над переводом Лифляндских законов доставило П[олено]ву чин переводчика и, в скором времени, возможность закончить свое образование при условиях более благоприятных»¹⁵⁷.

После этого на протяжении почти пяти лет А.Я. Поленов обучался юриспруденции в европейских университетах, основанные как «ученые заведения для всех наций»¹⁵⁸, по направлению Академии наук в Петербурге: четыре года в Страсбургском университете (1762-1766) и менее года в университете Геттингена (до мая 1767 г.). Учеба в этих университетах завершила юридическое образование А.Я. Поленова, который работал «над уголовным правом у профессоров Куглера и Трейтлингера»¹⁵⁹.

нужным сделать следующее замечание: шпаги раздавались обыкновенно не студентам, как бы в награду за успешное прохождение ими университетского курса, а гимназистам, при вступлении их в университет» (Шугуров М. Учение и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А.Я. Поленова) // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – 1866. – [Вып.] 3. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1866. – Столб. 311-312).

¹⁵⁵ Шугуров М. Учение и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А.Я. Поленова) // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – 1866. – [Вып.] 3. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1866. – Столб. 305.

¹⁵⁶ Шугуров М. Учение и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А.Я. Поленова) // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – 1866. – [Вып.] 3. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1866. – Столб. 305.

---

¹⁵⁷ Шмурло Е. Поленов, Алексей Яковлевич // Русский биографический словарь. – Плавильщиков – Примо [Том 14]. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1905. – С. 467.

¹⁵⁸ О Геттингенском университете [Сочинение Г. Коммерции Советника Брандеса. В Ганновере 1802] // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1826]. – № II. – Издание второе. – Санктпетербург, в типографии Департамента народного просвещения, 1826. – С. 77-94. – С. 87.

¹⁵⁹ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 133.

В справочной литературе период учебы А.Я. Поленова в Страсбургском и Геттингенском университетах описывается весьма обобщенно и поверхностно. Так, Е.Ф. Шмурло пишет: «Среди профессоров всех более славился маститый знаток истории и древностей Шепфлин (1694-1777). П[оленов] был поставлен под непосредственное его наблюдение, и хотя прямых указаний его влияния не сохранилось, но, может быть, совет не одного лишь проф. Лоренца побудил П[оленова] в первые полтора года пребывания в Страсбурге сосредоточить свои занятия на предметах историко-филологического круга (латинский и французский языки, история, метафизика и римские древности). Лишь с весны 1764 г. принялся он собственно за право в разнообразных его отраслях, не переставая, однако, и теперь заниматься историею. Начал было П[оленов] учиться и греческому языку, но должен был приостановиться в самом же начале, по совпадению курса с часами юридических лекций. Академия Наук, однако, осталась недовольна этим историческим направлением, считая такое излишним для юриста, и в июне 1766 г. послала П[олено]ву выговор с приказанием избрать себе другой университет. Задетый за живое, П[оленов] не без резкости отстаивал «исторические занятия», находя, что они служат «главнейшим основанием»

к его «должности». «Не утвердясь прежде в сем знании – говорил он – приниматься прямо за юриспруденцию столько же безразсудно, как, не насадив железа, рубить дрова одним топоричем». Тем не менее, П[олено]ву пришлось в ноябре 1766 г. перебраться в Геттинген; но там он остался недолго: в июне 1767 г. мы видим его уже в Петербурге»¹⁶⁰.

Более конкретное представление о прослушанных А.Я. Поленовым лекциях по юридическим и историческим наукам в Страсбургском и Геттингенском университетах дает его переписка с советником канцелярии Академии И.А. Таубертом (1710-1771)¹⁶¹ и канцелярией Академии наук в Петербурге¹⁶². В одном из своих писем к И.А. Тауберту от 22 января 1763 г. А.Я. Поленов так описывал свое учение в Страсбурге: «... А что касается до моего учения, то прослушав философию, древности и историю,

¹⁶⁰ Шмурло Е. Поленов, Алексей Яковлевич // Русский биографический словарь. – Плавильщиков – Примо [Том 14]. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1905. – С. 468.

¹⁶¹ Вместе с М.В. Ломоносовым И.А. Тауберт был в то время «присутствующим» в канцелярии Академии.

¹⁶² «В переписке Поленова хорошо обрисовывается его светлая, благородная личность и весь ход его занятий как в Страсбурге, так и в Геттингене, куда он переехал в конце 1766 года», – пишет М.Ф. Шугуров (Шугуров М. Учение и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А.Я. Поленова) // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – 1866. – [Вып.] 3. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1866. – Столб. 318).

приступлю к слушанию юриспруденции; только сожаления достойно, что здесь книги дороже еще, нежели у нас, за неимением довольного числа типографий; и для того должно довольствоваться привозимыми из других государств»¹⁶³. В другом своем письме Тауберту из Страсбурга Поленов писал: «... Профессор философии, единственно любя свой покой, не читает никаких лекций, без чего, как вы сами изволите знать, приняться мне за юриспруденцию никоим образом не можно; да и юридический факультет в немалом беспорядке. Слушать у троих или четверых профессоров лекции никоим никоим образом не можно; потому что они не вдруг зачинают и не вдруг оканчивают. Честь здешнего университета содержит единственно г. Шпильман, человек в звании предостойной, в трудах неутомимой, но только жаль, что я его знанием и трудолюбием ни мало не могу пользоваться ... Г. Шепфлин призывал меня по вашему письму и между прочим позволил также мне ходить в свою библиотеку и пользоваться, сколько я могу»¹⁶⁴.

¹⁶³ [Поленов Д.В.] А.Я. Поленов, Русский законовед XVIII века // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – [1865]. – [Вып.] 4. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1865. – Столб. 449.

¹⁶⁴ [Поленов Д.В.] А.Я. Поленов, Русский законовед XVIII века // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – [1865]. – [Вып.] 4. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1865. – Столб. 451-452.

Описывая занятия А.Я. Поленова сразу после приезда в Страсбург, М.Ф. Шугуров пишет: «Изучая французский язык ... Поленов не забывал и древних: ходил на лекции для латинского языка и стилиа и решился заняться греческим языком ... Прежде чем приступить к своим специальным занятиям, к изучению права, он начал слушать лекции философии, древностей и истории, справедливо считая эти «свободные науки» необходимым условием для успеха будущих своих занятий юриспруденцией»¹⁶⁵.

В своем рапорте академической канцелярии в Петербурге, отправленном вскоре после приезда в Страсбург, А.Я. Поленов отчитывался о потраченных им денежных средствах и указывал: «Приехал в Страсбург 29 ноября по н.ст., и спустя 6 дней, зачал ходить на латинские и исторические лекции к г. профессору Лоренцу, который читает Тацита, Цицероновы избранные речи и сокращенную историю Немецкой империи, не упуская также древности и французский язык; и сколь скоро возможно будет зачну также слушать философические лекции»¹⁶⁶. В другом

¹⁶⁵ Шугуров М. Учение и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А.Я. Поленова) // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – 1866. – [Вып.] 3. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1866. – Столб. 317.

¹⁶⁶ [Поленов Д.В.] А.Я. Поленов, Русский законовед XVIII века // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – [1865]. – [Вып.] 4. –

рапорте от 8 декабря 1763 г. Поленов уведомлял академическую канцелярию, что «историческую коллегию (курс) Римско-Германской империи окончил; метафизические лекции, которые я также слушаю, г. профессором Гейсом равным образом, вскоре после нового года, окончены будут. Сверх сего, читаемую на немецком языке г. профессором Лоренцом по Целляриеву сокращению универсальную историю не опускаю; а для латинского языка изъясняет он Тацита и Виргилия, присоединяя к тому исторические в латинском стиле упражнения; о чем, так как о французском языке, который немалую часть моих упражнений составляет, стараюсь по возможности»¹⁶⁷. В рапорте от 20 апреля 1764 г. Поленов также уведомлял академическую канцелярию о том, что «читанных г. профессором Гейсом метафизические коллегии он выслушал», а также изучал курс «универсальной истории, для латинского языка и для стиля»¹⁶⁸. Более подробно о своих занятиях А.Я. Поленов пишет в донесении канцелярии Академии наук от 17 октября 1764 г.: «В рассуждении моего учения поступаю я, как приказано; натуральное и общенародное право выслушал хотя не с начала у г. профессора Фрида, и ежели он

в другой раз зачнет, как он сам обещался, то конечно не премину употребить сей случай в пользу. Наставления (Institutiones) Римского права слушаю у г. профессора Трейтлингера; универсальную историю и коллегию для латинского языка и стиля окончил; а вместо того г. профессор Лоренц читает теперь историю Немецкой империи и церковную, поскольку сии две части истории имеют сообщение и свою пользу, – первая в публичном Немецкой империи праве, а другая в церковном. Я рассудил, что сии обе коллегии великой для меня важности и для того их не упустил»¹⁶⁹. В своем донесении в канцелярию Академии наук от 22 апреля 1765 г. А.Я. Поленов писал: «выслушал прошедшею зимою наставления Римских прав (Justit[ia]) у г. профессора Трейтлингера; общее Нем[ецкой] империи право (Jus publ[icum] Germ[an]) у г. профессора Ерлена, у которого так же слушаю еще и теперь естественное и общее народное право (Jus nat[urale] et gent). Родословие и происхождение знаменитейших владетельных ныне немецких домов изъяснял нам г. профессор Шепфлин; немецкую историю, читаемую г. профессором Лоренцом, в скором времени окончу. До наступающего лета, как скоро господа профессора юридического факультета согласятся меж

Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1865. – Столб. 449.

¹⁶⁷ Там же. – Столб. 454.

¹⁶⁸ Там же. – Столб. 457.

¹⁶⁹ Там же. – Столб. 458-459.

собою о коллегиях, приступлю к слушанию другой части Римских прав или духовного права, повторю наставления (Institut[utiones]), как для их трудности, так и для того, что они основанием служат и всем другим правам и без основательного и твердого оных познания почти ничего или очень мало можно успеть в юриспруденции. Мне чрезмерно нужно иметь хотя малое понятие о греческом языке, за который намерен я приняться как скоро случай будет и чрез лето, сколько можно, буду в нем упражняться. Французский язык принужден был я оставить, за недостатком времени; но теперь, избрав удобное время, стану стараться, чтоб привыкнуть несколько писать на оном»¹⁷⁰.

О своем желании «слушать публичное Римско-германской империи право, ежели б г. профессор не отложил сию коллегиею, за недовольным числом слушателей, еще на некоторое время» Поленов также сообщал Тауберту 17 октября 1764 г.¹⁷¹

Однако сведения о прослушанных А.Я. Поленовым лекциях по уголовному праву встречаются лишь в письмах И.А. Тауберту и рапортах канцелярии Академии наук, начиная с мая 1765 г. Так, 23 мая 1765 г. А.Я. Поленов писал И.А. Тауберту: «Я слушаю вторую часть

римских прав и криминальное право у г. профессора Куглера. Г. профессор Ерлен продолжает читать нам натуральное и общенародное право и будущую осень кончит. Он зачал так же читать публично первую часть римских прав, и я хожу в сию коллегиею для повторения. Исторические г. профессора Лоренца лекции окончились»¹⁷². В своем рапорте канцелярии Академии наук от 13 сентября 1765 г. А.Я. Поленов указывал: «Что касается до моего учения, то немецкую историю, читанную г. профессором Лоренцом, также криминальное право и вторую часть римских прав, под предводительством г. профессора Куглера окончил. Натуральное и общенародное право выслушал у г. профессора Ерлена, у которого теперь также слушаю для повторения наставления римских прав. Сверх сего, имея уже довольноное основание, упражняюсь собственным моим прилежанием во всем том, что до моей должности и знания касается, т.е. в свободных науках и языках, которые, как я сам довольно ведаю, к моему намерению неотменно нужны»¹⁷³.

Таким образом, лекции по уголовному праву А.Я. Поленов слушал у профессора Куглера менее полугода – с мая по сентябрь 1765 г. Насколько кратковременное изучение уголовного

¹⁷⁰ Там же. – Столб. 460-461.

¹⁷¹ Там же. – Столб. 459.

¹⁷² Там же. – Столб. 466.

¹⁷³ Там же. – Столб. 467.

права под руководством Куглера влияло на серьезность восприятия этой науки в процессе научных занятий Поленова можно судить из следующего его донесения в академическую канцелярию от 24 марта 1766 г., в котором об уголовном праве ничего не говорится, но Куглер называется профессором, читавшим «духовное римской церкви право»: «Окончив недавно политические профессора Шепфлина коллегии о трактатах, продолжаю слушать наставления римских прав у профессора Ерлена и духовное римской церкви право у профессора Куглера. Сверх сего упражняюсь во всем том, что следует к моей должности и званию»¹⁷⁴.

Летом 1766 г. свои занятия по уголовному праву А.Я. Поленов продолжил у профессора Трейтлингера. В своем донесении, направленном в академическую канцелярию в Петербурге в августе 1766 г. он так их описывает: «Учение мое, прерванное на некоторое время болезнью, теперь опять идет порядочно, и я слушаю духовное римской церкви право у г. профессора Куглера, а криминальное духовное право у г. профессора Трейтлингера; также хожу к г. профессору Ерлену для повторения первой части Римских прав, которые последние для меня коллегии кончатся несумненно

¹⁷⁴ Там же. – Столб. 707.

по собственному обнадеживанию и уверению гг. профессоров, с коими я о сем нарочно говорил, в исходе сентября месяца»¹⁷⁵.

Изучение юридических наук, среди которых, однако, не нашлось места уголовному праву, А.Я. Поленов продолжил в Геттингенском университете. В то время это учебное заведение славилось в Европе своими представителями исторического правопонимания¹⁷⁶, а также большой библиотекой: «Главное общественное заведение ... – без всякого противоречия, есть Библиотека, составленная из почти 200 тысяч книг и расположенная таким образом, что может назваться полезнейшим заведением в своем роде во всей Европе. Не токмо Профессоры и Студенты могут пользоваться оною с величайшею свободою, и действительно пользуются так, что почти каждый день выходит из оной более двухсот книг; но сверх того великое множество иностранных приезжают в Геттинген единственно для сего предмета ... Юридический Факультет или присутственное место, которое судит гражданские и уголовные дела,

¹⁷⁵ Там же. – Столб. 710.

¹⁷⁶ Тарасов Е. Учебные годы Н.И. Тургенева в Геттингене // Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. Часть LXV. – 1916. Октябрь. – Петроград: Сенатская типография, 1916. – С. 145-164. – С. 145.

присылаемые в оное, и у которого можно также требовать советов. Сие присутственное место, составленное из Университетских Профессоров прав, не принадлежит собственно к Университету, как месту, пекущемуся о сохранении наук, равно как и не составляет заведения для обучения юношества, не имея ни малейшей связи с Студентами; но составляет важное прибежище для умножения и усовершенствования знаний Профессоров прав, приводя их в состояние знать и судить о действительных вещах и к теоретическим познаниям присоединить практическое»¹⁷⁷. Поэтому вполне возможно, что и обучение юридическим наукам в Геттингенском университете для А.Я. Поленова преследовало цель усовершенствования теоретических знаний и выработку практических навыков.

В своем рапорте комиссии при Академии наук от 4 марта 1767 г. А.Я. Поленов следующим образом описывал начало своего учения в Геттингене: «... зачал слушать пандекты у г. профессора Бемера, а феодальное право у г. профессора Рикциуса. Первый продолжает и до сих пор исправно свои коллегии, а последний, для глубокой старости и

¹⁷⁷ О Геттингенском университете [Сочинение Г. Коммерции Советника Брандеса. В Ганновере 1802] // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1826]. – № II. – Издание второе. – Санктпетербург, в типографии Департамента народного просвещения, 1826. – С. 77-94. – С. 91, 93.

слабого своего здоровья, отложил до будущего лета. Позднее время и незнание здешних обыкновений принудили меня довольствоваться тем, что я мог иметь; сверх сего у иных профессоров не было больше места, других я не знал, и так по неволе должно было отложить, пока снова не начнут все коллегии, что воспоследует вскоре после пасхи. При новом начатии намерен я слушать феодальное и духовное право, также практические коллегии и всеми силами буду стараться, чтоб означенные коллегии, а особливо практические, которых я еще никогда не слушал, не опустит и оными пользоваться, сколько можно. А ежели какой случай воспрепятствует поступить по принятому мною намерению, то изберу другие нужные мне части учения и не премину о сем уведомить комиссию, на благорассуждение которой я совершенно полагаюсь»¹⁷⁸.

Однако среди «других нужных ... частей учения», изучаемых А.Я. Поленовым в Геттингенском университете, места уголовному праву не нашлось. Объясняется это, по всей видимости, соображениями И.И. Тауберта о необходимости реформирования законодательства Российской империи на

¹⁷⁸ Поленов Д. А.Я. Поленов, Русский законовед XVIII века // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – [1865]. – [Вып.] 5 и 6. – Год третий. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1865. – Столб. 724-725.

основе опыта западноевропейских государств (их он озвучил в письме к А.Я. Поленову от 3 апреля 1767 г.): «... Когда вы, государь мой, курс свой юриспруденции окончите, и по достоинству от университета захотите, и от Академии дозволено вам будет, принять градус доктора юриспруденции, тогда к диспутации вашей изберите такую матерю, которая бы соответствовала великому намерению всемилостивейшия государыни, как например: каким методом поступать должно при исправлении недостаточных и сочинении новых законов, и как другие народы в древние и новейшие времена в том поступали. Если сия тема покажется вам трудна, то выберете другую, к законам нашего отечества приличную, и будучи первым из природных Россиян доктором юриспруденции припишите диссертацию свою всемилостивейшей государыне, переведя оную при том либо на российский, либо на французский язык. Все сие предлагаю вам только на тот случай, когда вы, как я уже выше упомянул, в рассуждении продолжаемых вами наук, от Академии отменительного приказания не имеете, ибо тогда должность ваша требует исполнять по повелениям команды, и в чем какие

трудности находите, о том представлять заблаговременно»¹⁷⁹.

Как видим, занятия по уголовному праву в Страсбургском и Геттингенском университетах не были для А.Я. Поленова первоочередными. Поэтому важно отметить следующую его характеристику как ученого, становление которого связано с западноевропейским образованием: «Пребывание за границею выработало в П[оленова] не только хорошего юриста, но и человека с широким образованием. Школа и серьезное направление ума удержали его от одного лишь внешнего заимствования западноевропейской культуры; господствующие идеи века не прошли для него бесследно и ярко сказались во взглядах на нормы общественного права; с особенною силою усвоил П[оленов] уважение к личности и к принципу свободы»¹⁸⁰.

Дальнейшие события в жизни А.Я. Поленова лишь подтверждают указанные соображения. Возвратившись в июне 1766 г. в Петербург, он продолжает заниматься переводами текстов известных мыслителей прошлого: Ш.-Л. Монтескье «Размышления о причинах величества

¹⁷⁹ Там же. – Столб. 727-728.

¹⁸⁰ Шмурло Е. Поленов, Алексей Яковлевич // Русский биографический словарь. – Плавильщиков – Примо [Том 14]. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1905. – С. 468.

римского народа и его упадка» (опубликована в 1769 г.), второй части произведения Самуэля Пуффендорфа «Введение в историю знатнейших иностранных государств», вышедшего в печать в 1777 г. и ставшего «руководством при обучении Правоведению во многих иностранных Академиях»¹⁸¹, а также записок С.-Г. Гмелина «Путешествие по России». В то же время он откликается на объявленный в 1766 г. Императорским Вольным экономическим обществом конкурс, на котором по распоряжению императрицы Екатерины II рассматривалась следующая задача: «Что полезного для государства, чтобы крестьянин имел в собственности землю, или только движимое имение, и сколь далеко на то и другое его право простирается» (в случае предоставления «удовлетворительного сочинения по этому предмету» императрицей было определено вознаграждение «тысячу червонцев в награду конкурентам»)¹⁸².

На этот конкурс А.Я. Поленов представил свое сочинение «О крепостном

состоянии крестьян в России»¹⁸³, признанное удовлетворительным. За него 30 июля 1768 г. было определено «наградить г. Поленова за решение задачи золотую медалью в 12 червонных, с прописанием на оной имени автора»¹⁸⁴. В своем сочинении «... излагая в нем грустные последствия крепостного или рабского состояния крестьян, Поленов говорит, что первым средством для извлечения их из того несчастного состояния, в котором они находятся, должно быть их образование. При этом он указывает и на способы, какие следует употреблять для достижения успеха в этом деле ... После этого Поленов переходит к рассуждению о движимой и недвижимой собственности крестьян. Отдавая первую в полное и неприкосновенное их распоряжение, Поленов говорит, что некоторое количество помещичьей земли должно быть также уступлено крестьянам за определенную повинность и с

¹⁸¹ Благовещенский А. История метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть шестая. – [№VI. Июнь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1835. – С. 375-441. – С. 432.

¹⁸² Поленов Д. А.Я. Поленов, Русский законовед XVIII века // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – [1865]. – [Вып.] 5 и 6. – Год третий. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1865. – Столб. 729-730, 732.

¹⁸³ См.: [Поленов А.Я.] О крепостном состоянии крестьян в России. Исследование заданной от Вольного Экономического Общества задачи: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?» // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – [1865]. – [Вып.] 3. – Москва: В Типографии В. Грачева и комп., 1865. – Столб. 287-316.; Борзов Я. Заметка к статье А.Я. Поленова, об уничтожении крепостного состояния крестьян в России в 1767 г. // Там же. – Столб. 316-318.

¹⁸⁴ Поленов Д. А.Я. Поленов, Русский законовед XVIII века // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – [1865]. – [Вып.] 5 и 6. – Год третий. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1865. – Столб. 730.

ограниченным правом, т.е. только в их наследственное пользование, но без права отчуждать ее каким бы ни было образом»¹⁸⁵.

Впоследствии А.Я. Поленов оставляет службу в Академии наук, всецело занимаясь чиновничьей работой. Так, в 1771 г. он занимает должность секретаря, а в 1780 г. – обер-секретаря в Первом департаменте Сената. В 1791 г. он зачисляется на должность обер-секретаря Третьего департамента Сената. После этого А.Я. Поленов служит советником в правлении Заемного банка, а с 1796 г. – в образованной императором Павлом I Комиссии для составления законов¹⁸⁶.

И хотя, как видим, отдельных печатных работ по уголовному праву А.Я. Поленов так и не подготовил, в литературе его называют предвестником историко-сравнительного направления (течения) в русском праве, которое зародилось в недрах петербургской Академии наук.

¹⁸⁵ Поленов Д. А.Я. Поленов, Русский законовед XVIII века // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – [1865]. – [Вып.] 5 и 6. – Год третий. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1865. – Столб. 731.

¹⁸⁶ См. об этом: Шмурло Е. Поленов, Алексей Яковлевич // Русский биографический словарь. – Плавильщиков – Примо [Том 14]. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1905. – С. 469; Поленов Д. А.Я. Поленов, Русский законовед XVIII века // Русский архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. – [1865]. – [Вып.] 5 и 6. – Год третий. – Москва: В типографии В. Грачева и Комп., 1865. – Столб. 733-734.

Последователями А.Я. Поленова, наметившими более определенную задачу этого направления, были профессор Московского университета К.Г. Лангер, его ученик А.А. Артемьев и, главным образом, профессор того же университета С.Е. Десницкий¹⁸⁷.

По сути, работа А.Я. Поленова в области уголовного права ограничивалась содержанием прослушанных лекций Ф.Г. Штрубе де Пирмона, Куглера и Трейтлингера, переводами на русский язык текстов законодательных актов и трудов мыслителей прошлого, а также «планами разработки русского законодательства», в том числе уголовного (судя по всему, некоторые из этих планов Поленову все же удалось реализовать на практике). По словам Г.С. Фельдштейна, сведений, приступил ли когда-нибудь А.Я. Поленов к осуществлению своего плана, не имеется. Однако, содержание их представляет интерес для науки уголовного права с точки зрения *de lege ferenda* как попытка извлечь основания для права из положительных законодательств западных народов, а его систему «представить в связи с причинами, придавшими ему ту или другую форму». Ученый «был убежден, что право каждого народа носит своеобразный отпечаток, но что

¹⁸⁷ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 132.

особенности эти должны быть возведены к определенным условиям, зависимость от которых может выясняться путем изучения причин, вызывавших перемены в законодательствах других народов». Поэтому в случае осуществления планов А.Я. Поленова его можно было бы назвать «первым русским юристом, стремившимся изучать русское право с точки зрения сравнительно-исторической»¹⁸⁸.

Формирование исторического правопонимания С.Е. Десницкого, как одного из последователей идей А.Я. Поленова в Московском университете, было довольно сложным и происходило также под влиянием других ученых (например, о влиянии на него идей первого профессора юриспруденции в Московском университете Филиппа-Генриха Дильтея (*Philipp Heinrich Dilthey*, 1723-1781) указывается в литературе следующим образом: «Профессоры делали все, что могли: в чем не трудно убедиться, если только назвать имена Дильтея, Лангера, Шадена, Десницкого и Третьякова. Особенно Дильтей и Десницкий были самые ревностные и усердные возделыватели этой Науки. Первый несколько лет, почти один преподавал все предметы, входящие в состав Юриспруденции. Ему обязана Россия первыми Юристами и Московский

университет первыми природными Русскими Профессорами. Из его Школы вышли славный Десницкий и Третьяков»¹⁸⁹). Чтобы понять особенности такого формирования нужно в первую очередь проанализировать становление С.Е. Десницкого как ученого-правоведа и рассмотреть влияние на его правопонимание таких ученых, как А. Смит, Дж. Миллар и К.-Г. Лангер.

Семен Ефимович Десницкий (около 1740-1789) был уроженцем украинского Нежина и происходил из семьи мещан этого уездного города. О его детстве и юношеских годах практически не осталось никаких сведений. Ученые, изучавшие биографию С.Е. Десницкого, мотивируют это тем, что пожар, вспыхнувший в Москве после Бородинской битвы и при вступлении в город армии Наполеона, спалил множество домов, и в том числе здание, в котором размещался архив Московского университета. В результате этого бедствия не осталось даже документов, содержащих сведения о годе его рождения и его родителях¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Благовещенский А. История метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть седьмая. – [№IX. Сентябрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1835. – С. 42-52. – С. 42-43.

¹⁹⁰ Томсинов В.А. Преподаватели юридического факультета Московского университета (1755-2010): Очерки жизни и творчества. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2011. – С. 24; Томсинов В.А. Российские правоведа XVIII-XX

¹⁸⁸ Там же. – С. 133-134.

Образование С.Е. Десницкий получил в духовной семинарии Троице-Сергиевой лавры и в академической гимназии при Московском университете¹⁹¹. Хотя по поводу полученного Десницким в семинарии Троице-Сергиевой лавры образования в справочной литературе высказываются некоторые сомнения: «... этого с уверенностью сказать нельзя, в виду того, что в первые годы существования этой семинарии, т.е. именно тогда, когда учился в ней С.Е. Десницкий, начальство нового учебного заведения, основанного по мысли имп[ератри]цы Анны Иоановны Арсением Могиланским, архиепископом переяславским, часто бывало принуждено заполнять классы детьми монастырских служителей, солдат и разночинцев, вследствие сохранившейся еще и дотоле среди большинства приходского духовенства боязни отдавать сыновей в

веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – М.: Зерцало, 2007. – С. 131; Жоль К.К. Философия и социология права: Учеб. пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 294.

¹⁹¹ См.: А.Я. Десницкий (Семен Ефимович) // Энциклопедический словарь. – Том X^a. Десмургия – Домициан. – Издатель: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг). И.А. Ефрон (С.-Петербург). – С.-Петербург: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. – С. 485; Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – Дабелов – Дядьковский [Том 6]. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 331; Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII-XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – М.: Зерцало, 2007. – С. 131-132.

школы. Неизвестно также, каким образом, по окончании семинарии, Десницкий попал вместо Духовной академии в одну из гимназий, учрежденных при Московском университете. Но что он был там, это несомненно»¹⁹².

После гимназии Семен Ефимович продолжил учебу в Московском университете как казеннокоштный студент (1760-1761) и через некоторое время был направлен вместе с И.А. Третьяковым в университет шотландского города Глазго (1761-1767)¹⁹³ «... для довершения образования»¹⁹⁴. В Глазговском университете Десницкий и Третьяков слушали лекции знаменитого Адама Смита по нравственной философии, риторике и изящной словесности, а также Джеймса Уильямса по математике, Джозефа Блэка по физике, Джона Миллара по частному и публичному шотландскому праву.

¹⁹² Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – Дабелов – Дядьковский [Том 6]. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 331-332.

¹⁹³ Благовещенский А. История метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть седьмая. – [№IX. Сентябрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1835. – С. 42-52. – С. 43.

¹⁹⁴ Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – Дабелов – Дядьковский [Том 6]. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 332.

В.А. Томсинов, исследовавший влияние Джона Миллара (*John Millar*, 1735-1801) на образование Десницкого и Третьякова, отмечал, что лекционный курс Миллара по гражданскому праву (Институциям и Дигестам Юстиниана) они слушали в течение трех лет – до лета 1766 г. Лекции Миллара по шотландскому праву Десницкий и Третьяков могли слушать в период с ноября 1765 до лета 1767 г. Отмечая это, В.А. Томсинов указывает, что свой курс по шотландскому праву профессор Миллар начинал с лекций об институтах публичного права, затем излагал институты частного права. По его словам, молодых британцев привлекал в профессоре Милларе его либерализм в политических воззрениях. Те же, кто хотел учиться юриспруденции, получали на его лекциях знания основополагающих правовых принципов гражданского права, позволявшие самостоятельно усвоить сущность конкретных правовых институтов, действующих в той или иной стране. Миллар не любил останавливаться на подробностях и предпочитал не тратить на них время лекций, справедливо полагая, что фундаментальные знания в области юриспруденции, которые он давал, вполне позволяют студентам самостоятельно разобраться в детальных характеристиках римского или шотландского права¹⁹⁵.

Лекционный курс Миллара по Институтам Юстиниана, который слушали Десницкий с Третьяковым, состоял из двух частей: общей и особенной. Миллар излагал сначала главные положения римского права в соответствии с руководством немецкого правоведа Иоганна Готлиба Гейнекция (*Johann Gottlieb Heineccius*, 1681-1741) «Элементарное гражданское право согласно порядку Институций», затем объяснял нормы, составляющие конкретные институты римского права. При этом Миллар широко использовал сравнительный метод. Однако, будучи блестящим лектором, Миллар оказался непродуктивным писателем – автором всего лишь одной крупной работы, впервые опубликованной в 1771 г. под названием «Наблюдения, касающиеся различия социальных положений в обществе». Кроме этого, В.А. Томсинов делает крайне важное заключение, цитируя английского экономиста Джона Эллиота Кэрнса (*John Elliott Cairnes*; 1823-1875): «Десницкий и Третьяков возвратились в Москву с точкой зрения на право, укорененной в историческую теорию общества, в котором правительство (необходимое для защиты собственности,

---

юридического факультета Московского университета (1755-2010): Очерки жизни и творчества. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2011. – С. 27-29; Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII-XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – М.: Зерцало, 2007. – С. 135-136.

---

¹⁹⁵ Томсинов В.А. Преподаватели

что составляет основание общества) базируется на авторитете и полезности и которое видит в основе политического повиновения привычку, обычай, страх и полезность. Закон не происходит из высших норм божественного права... но правила правосудия возникают из общественной жизни». По словам В.А. Томсинова, Дж. Кэрнс также отмечал, что многие смитовские идеи перешли в произведения Десницкого и Третьякова через вторые руки, то есть через Миллара¹⁹⁶.

Основоположник либеральной экономической теории и сторонник теоретических обобщений, систематизации экономических знаний Адам Смит (*Adam Smith*, 1723-1790) был одним из самых образованных людей своего времени, имел энциклопедические знания в области разных наук, оказав значительное влияние на своих современников и последователей¹⁹⁷. В процессе своего обучения в Глазговском и Оксфордском университетах А. Смит выступал

¹⁹⁶ Томсинов В.А. Преподаватели юридического факультета Московского университета (1755-2010): Очерки жизни и творчества. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2011. – С. 29-30; Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII-XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – М.: Зерцало, 2007. – С. 137-138.

¹⁹⁷ Історія економічних учень: Підручник: У 2 ч. – Ч. 1 / За ред. В.Д. Базилевича. – 3-тє вид., випр. і доп. – К.: Знання, 2006. – 582 с. – С. 176, 180.

философии Френсиса Хатчесона (*Francis Hutcheson*, 1654-1746) и Дэвида Юма (*David Hume*, 1711-1776).

В 1748-1750 гг. А. Смит «читал лекции по риторике и эстетике в Эдинбурге, вне университета, где эти предметы не преподавались», а «в 1751 г. он был выбран профессором логики в Глазговский университет и вскоре затем получил в том же университете кафедру нравственной философии»¹⁹⁸, посвятив свою дальнейшую ученую деятельность вопросам нравственной философии, логики и экономики¹⁹⁹. Громадное влияние на формирование научных взглядов А. Смита, как экономиста и правоведа, оказали, прежде всего, учения философа и экономиста Д. Юма, французских философов эпохи Просвещения Жана-Жака Руссо (*Jean-Jacques Rousseau*, 1712-

¹⁹⁸ Туган-Барановский М. Смит (Адам Smith) // Энциклопедический словарь. – Том XXX^a. Слюз – София Палеолог. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг). И.А. Ефрон (С.-Петербург). – С.-Петербург: Типография Акц. Общ. «Издательское Дело», Брокгауз-Ефрон, 1900. – С. 536-541. – С. 536.

¹⁹⁹ По-словам М.И. Туган-Барановского, нравственной философией «называлась в шотландских унив[ерситетах] своеобразная научно-философская дисциплина, распадавшаяся на четыре части – естественную теологию, этику, естественное право и политику, куда входила и прикладная экономика. Лекции С[мита] обнимали все эти 4 предмета, при чем естественная теология, мало его интересовавшая, излагалась им весьма кратко» (см.: Туган-Барановский М. Смит (Адам Smith) // Энциклопедический словарь. – Том XXX^a. Слюз – София Палеолог. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг). И.А. Ефрон (С.-Петербург). – С.-Петербург: Типография Акц. Общ. «Издательское Дело», Брокгауз-Ефрон, 1900. – С. 536-541. – С. 536-537).

1778), Жана Лерона Д'Аламбера (*Jean Le Rond D'Alembert, d'Alembert, 1717-1783*), Клода Адриана Гельвеция (*Claude Adrien Helvétius, 1715-1771*) и Пауля Дитриха Тири Гольбаха (*Paul-Henri Thiry d'Holbach, 1723-1789*), а также физиократов Франсуа Кене (*François Quesnay, 1694-1774*), Анна Робера Жака Тюрго (*Anne Robert Jacques Turgot, 1727-1781*)²⁰⁰.

В основных своих работах А. Смит исходил «из одного и того же понимания человеческой природы, признаваемой им в своей основе глубоко эгоистичною ... Но, кроме посылки эгоизма, С[мит] исходит и из другого, более шаткого тезиса: согласно своему общему философско-теологическому мирозерцанию, он предполагает некоторую предустановленную гармонию в свободной игре человеческих интересов, долженствующей привести к общему благополучию»²⁰¹. В то же время «исторические исследования С[мита], – по свидетельству М.И. Туган-Барановского, – ... построены, в большинстве случаев, по

²⁰⁰ См. об этом: Иванюков И.И. Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени. – 1-е бесплатное приложение к журналу «Вестник и Библиотека Самообразования» на 1904 г. – С.-Петербург, 1904. – 164 с. – С. 17-25.

²⁰¹ Туган-Барановский М. Смит (Адам Smith) // Энциклопедический словарь. – Том XXX^a. Слюз – София Палеолог. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг). И.А. Ефрон (С.-Петербург). – С.-Петербург: Типография Акц. Общ. «Издательское Дело», Брокгауз-Ефрон, 1900. – С. 536-541. – С. 539.

заранее готовой схеме, для доказательства или иллюстрации тех или иных априорных положений автора»²⁰². Понятие нравственной человеческой природы в трудах А. Смита связывается с четырьмя главными добродетелями: «властью над самим собою, любовью или доброжелательством, благотворительностью и правдой»²⁰³.

В истории политэкономии основные положения теории А. Смита, «проповедующей свободу хозяйственной деятельности человека, свободу торговли и проч.»²⁰⁴, сводились к следующему: «1) в признании естественного, абсолютного экономического порядка, 2) в устранении активной деятельности государства, и отсюда – ограничение народного хозяйства системой частных хозяйств, 3) в возвеличении эгоизма до значения основного принципа народного хозяйства, и отсюда – отождествление индивидуальных интересов с общественными и почти исключительное

²⁰² Там же. – С. 539.

²⁰³ История философии права. Сочинение Н.И. Пилянкевича, изданное под редакцию Профессора Ренненкампа. – С предисловием, заключающим биографические сведения об авторе. – Киев: В университетской типографии, 1870. – 299 с. – С. 158; Будде Б.Е. Учение о ценности в системе Рикардо // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. – Часть LIV. – 1914. Ноябрь. – Петроград: Сенатская типография, 1914. – С. 1-18. – С. 5.

²⁰⁴ Тарасов Е. Учебные годы Н.И. Тургенева в Геттингене // Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. Часть LXV. – 1916. Октябрь. – Петроград: Сенатская типография, 1916. – С. 145-164. – С. 164.

пользование при исследовании хозяйственных явлений дедуктивных методов»²⁰⁵. Поэтому основной замысел исследования А. Смита «Теория нравственных чувств»²⁰⁶ исследователи до сих пор видят в создании ученым универсальной, всеобъемлющей картины развития человека и общества на основе его собственных социально-философских идей, связанных с признанием существования справедливых, «естественных» законов, равенства и обязательности общечеловеческих норм морали²⁰⁷.

Однако влияние идей А. Смита на формирование взглядов С.Е. Десницкого в

²⁰⁵ Иванюков И.И. Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени. – 1-е бесплатное приложение к журналу «Вестник и Библиотека Самообразования» на 1904 г. – С.-Петербург, 1904. – 164 с. – С. 26. Эти положения нашли отражение в труде А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», над которым ученый работал более десяти лет (при его жизни книга переиздавалась четыре раза) (см.: Смит А. Исследование свойства и причин богатства народов. Творение Адама Смита. Перевод с английского. – Том 1. – В. Санктпетербурге: В типографии государственной Медицинской коллегии, 1802. – С. 1-577, 1-9; Смит А. Исследование свойства и причин богатства народов. Творение Адама Смита. Перевод с английского. – Том 2. – В. Санктпетербурге: В типографии государственной Медицинской коллегии, 1803. – С. 1-10, 1-354.)

²⁰⁶ См.: Смит А. Теория нравственных чувств или Опыт исследования о законах, управляющих суждениями, естественно составляемыми нами, сначала о поступках прочих людей, а затем о наших собственных. С письмами М. Кондорсе и Кабанису о симпатии. Перевод П.А. Бибики. – С.-Петербург: тип. Дома призрения малолет. бедных ценз., 1895. – 1-515, I-VI.

²⁰⁷ Історія економічних учень: Підручник: У 2 ч. – Ч. 1 / За ред. В.Д. Базилевича. – 3-тє вид., випр. і доп. – К.: Знання, 2006. – 582 с. – С. 180.

области юридических наук было менее выраженным, чем влияние Джона Миллара²⁰⁸. Об этом в справочной литературе указывается: «Как истый питомец британ[ского] университета, Д[есницкий] с особенным сочувствием отзывается об англ[ийских] законах и учреждениях и о самой Англии. Совершенно иным тоном говорит он о Германии. Д[есницкий] подсмеивается над немецкими учеными, придающими большую цену разным схоластическим тонкостям. Высоко ставя Юма и Адама Смита, Д[есницкий] с пренебрежением отзывается о Пуффендорфе, отзыв тем более замечательный, что Пуффендорф тогда, да и после долго, служил руководством во всех заведениях, где преподавалось право. Эта самостоятельность мышления Д[есницкого] имела тем большее значение, что ему приходилось закладывать основы для изучения российского законовещения

²⁰⁸ Современные исследователи влияния А. Смита на российскую науку все же отмечают большое значение С.Е. Десницкого в распространении идей А. Смита в России: «Роль Десницкого в распространении идей Адама Смита в России была достаточно велика. Не исключено даже, что именно его конспект лекций послужил базой для издания «The Wealth of Nations» на английском языке» (см.: Артемьева Т.В. Адам Смит в России // Философский век. Альманах. Вып. 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской и культурной компаративистики. Материалы международной конференции, 6-8 июня 2002 г., Санкт-Петербург. Часть 1 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. — СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2002. – С. 39-66. – С. 47).

... Юристу, по мнению Д[есницкого], необходимы четыре науки: нравоучительная философия, натуральная юриспруденция, римское право и отечественное право; последние должны быть изучаемы на основании сравнительно-исторических данных. Д[есницкий] и представляет образчики подобного изучения, и хотя материал, которым он располагал, весьма скуден, но уже одна замена отвлеченного демонстративного метода вольфианцев, царившего в моск[овском] университете, исследованием сравнительно-историческим есть весьма серьезная заслуга»²⁰⁹. В другом случае отмечается, что «поездка за границу оставила неизгладимый след на образе мыслей Десницкого. Он подметил там проблески исторического направления в изучении права и явился первым и смелым представителем в России этого еще не вполне определившегося при нем направления. До него, и в Московском университете, и в других учебных заведениях, где преподавалось правоведение, все коренилось на праве естественном, «перстом Божеским во всех сердцах написанном»; всюду господствовали Пуффендорф и Вольф.

²⁰⁹ А.Я. Десницкий (Семен Ефимович) // Энциклопедический словарь. – Том X^a. Десмургия – Домициан. – Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг). И.А. Ефрон (С.-Петербург). – С.-Петербург: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. – С. 485.

Можно было предполагать, что, воспитанный на их отвлеченных воззрениях, беспочвенных и далеких от действительности, Десницкий и сам окажется последователем школы естественного права. Но этого не случилось. Лекции Адама Смита не могли не произвести впечатления на восприимчивого русского студента, одаренного большими способностями. Они послужили толчком к дальнейшей, уже самостоятельной разработке начал нового направления»²¹⁰.

По окончании своего обучения в университете Глазго С.Е. Десницкий сдал публичный экзамен на докторскую степень, получив при этом степени магистра свободных наук и доктора права. После этого в 1767 г. он возвратился в Москву, выдержав экзамен на основании приказа куратора Московского университета В.Е. Адодурова (1709-1780) «о произведении экзамена в Конференции возвратившимся на родину докторам юриспруденции Десницкому и Третьякову» для подтверждения полученной в Глазго докторской

²¹⁰ Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – Дабелов – Дядьковский [Том 6]. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 332. Речь идет о немецком философе, юристе Христиане фон Вольфе (*Christian Freiherr von Wolff*, 1679-1754).

степени²¹¹. Прочитав несколько пробных лекций, Десницкий был допущен к преподаванию на юридическом факультете Московского университета. В 1868 г. он, как доктор юриспруденции, производится в экстраординарного профессора «прав римских и российских», оставаясь на службе в этом учебном заведении до 1778 г. (с 1773 г. как ординарный профессор).

В университете Десницкий с 1768 г. читал пандекты римского права сравнительно с правом российским, а с 1783 г. – курс российского законоискусства, критикуя последователей естественного права и отстаивая идею, что «абстрактные теории права не имеют никакой цены в смысле практического их осуществления; наука должна способствовать облегчению и ускорению естественных процессов социальной жизни, но она может достигать этой цели единственно путем изучения самой жизни в настоящем и прошлом»²¹². Методы

проводимых С.Е. Десницким занятий по этим дисциплинам описываются в литературе следующим образом: «В ту пору еще не считалось допустимым вести преподавание по своей системе, и профессорам указывали готовые системы, готовые учебники, которыми должны были они руководствоваться. Проявить самостоятельность воззрений было делом нелегким. Большинство профессоров, менее даровитых, подчинялись силе обстоятельств. Но Десницкий, провидевший ... что не одна фантазия ведет народы к их назначению, и искавший духа законов в сущности вещей, в истории народов ... преодолевал этот гнет. Оставшиеся литературные труды его свидетельствуют, что он был далек от мысли придерживаться господствующих взглядов. И его речи, и примечания к переводу сочинения Блэкстона заставляют думать, что он был тверд в убеждениях и навряд ли слепо придерживался Гейнекция в своих лекциях. Относясь отрицательно к умствованиям представителей школы естественного права, Десницкий позволял себе посмеиваться над ними. Зато он чрезвычайно высоко ставил своего учителя, Адама Смита, последователем которого являлся сам»²¹³.

²¹¹ Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVII столетии: Учебное пособие. – М.: Зерцало-М, 2010. – 216 с. – С. 145; Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – Дабелов – Дядьковский [Том 6]. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 332-333.

²¹² Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – Дабелов – Дядьковский [Том 6]. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография

Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 333.

²¹³ Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – Дабелов – Дядьковский [Том 6]. Издан под

В то же время «главнейшим предметом его размышлений и бесед было Российское ученое Законоведение. К нему, как к средоточию, он направлял все прочие знания и все внимание учащихся. Он не успел составить Теории Российского Законоведения, но оставил прекрасный опыт Введения в сию Науку, достойный внимания и подражания. В прекрасном своем Слове о прямом и ближайшем способе к научению Юриспруденции, он изложил с глубокою проницательностью и обдуманностью основания и образ преподавания сей Науки»²¹⁴.

Более предметно содержание идей С.Е. Десницкого передают его научные исследования. В подготовленной им работе под названием «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета ... говоренное ... июня 30 дня 1768 года» С.Е. Десницкий фактически обобщил свои взгляды на происхождение «законоучения» и «законоискусства», понятие и сущность нравоучительной философии, натуральной юриспруденции,

---

наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 333.

²¹⁴ Благовещенский А. История метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть седьмая. – [№IX. Сентябрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1835. – С. 42-52. – С. 43-44.

римской и российской юриспруденции. Кроме этого, ученый историческое понимание права «реализовывал» в таких частях указанной работы, как «Рассуждение о происхождении преимущества, власти и старшинства в народах, от которых происходит и их правление», а также «Рассуждение о родительской власти, которую у римлян имел отец над своими детьми и которая примечается и у всех народов, когда они в невежественном и варварском состоянии находятся»²¹⁵. Необходимость «научения юриспруденции» С.Е. Десницкий связывал с тем, что «у всех народов и во всяких государствах примечается издревле и поныне разная склонность и отменное дарование к различному упражнению; и что люди в ином государстве, не последуя толикому многообразному и природному в них стремлению желаний, одно военное упражнение за величественное почитают и к оному все свое старание прилагают, тому бывают причинами смежное со многими такого народа поселение и долговременное оно с начала закоснение в войне с соседними народами»²¹⁶. «По сей причине

---

²¹⁵ [Десницкий С.Е.] Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета ... говоренное ... июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под общ. ред. и со вступ. стат. И.Я. Щипанова. – Издание в двух томах. – Том I. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – С. 187-235.

²¹⁶ Там же. – С. 189.

мы видим, что в государствах, в которых одна военная слава и военное чиновничество предпочитается во всем, свободные науки и искусства благопоспешно не процветают, и сходно с сим заключением мы також видим, что у римлян при военном состоянии, которое у них через 700 лет продолжалось, никаких почти философов, стихотворцев, историков и знатных художников не было»²¹⁷, – пишет далее Десницкий.

Структура «Слова ...» соответствует программе подготовки юристов того времени, о которой С.Е. Десницкий пишет: «После нравоучительной философии, натуральной юриспруденции и римских прав обыкновенно в университетах преподаются отечественных законов юриспруденция, что все учащиеся, окончив и будучи исследованы и засвидетельствованы во всем, допускаются адвокатами в дела тяжёбые и криминальные для оказания своего искусства на деле и напоследок бывают судьями»²¹⁸.

Содержание нравоучительной философии Десницкий связывал с «четырьмя добродетелями», которыми, на его взгляд, были: «iustitia, prudentia, fortitudo, temperantia (истина, премудрость, великодушие и воздержание), которые в сей науке доказываются главными (virtutes

cardinales) и от которых любители древности выводят и других премножество производных добродетелей (derivativas virtutes), поднимая споры неугомонные о том, что справедливо ли быть всегда полезным и полезное всегда ли и в каких случаях может быть честным, и так обратно». Причем Десницкий продолжал придерживаться идей А. Смита относительно того, что «нравоучительная философия ближайшее с натуральной юриспруденциею соединена, нежели все другие системы сия науки»²¹⁹.

С.Е. Десницкого на изучение вопросов естественного права «наталкивали первоначально запросы современной жизни, международной практики и отсутствие руководящих начал для их разрешения»²²⁰ (с такими же проблемами при формировании основ естественного права сталкивались и его основатели). Поэтому исследование натуральной юриспруденции С.Е. Десницкий начинает с анализа «общефилософских, этических воззрений»²²¹ таких основателей науки естественного права²²², как Гуго Гроций (*Hugo de Groot*, 1583-1645), Томас Гоббс

²¹⁹ Там же. – С. 200-201, 202.

²²⁰ Александренко В.[Н.] Очерки по истории науки международного права. А. Джентили и Г. Гроций // Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. Часть III. – 1906. Май. – С.-Петербург: Сенатская типография, 1906. – С. 109-124. – С. 113.

²²¹ Там же. – С. 113.

²²² Там же. – С. 109.

²¹⁷ Там же. – С. 192-193.

²¹⁸ Там же. – С. 200.

(*Thomas Hobbes*, 1588-1679), Самуэль фон Пуффендорф (*Samuel von Pufendorf*, 1631-1694)²²³ и римский консул Марк Кокцей Нерва (*Marcus Cocceius Nerva*), жившего в первом веке до н.э., относительно содержания и системы этой науки (натуральной юриспруденции). Ее содержание С.Е. Десницкий рассматривал «в четырех частях, из которых: 1) О

²²³ Обоснование связи учения Пуффендорфа, Гоббса и Гроция часто приводилось в литературе первой трети XIX в. Так, утверждение о том, что «Пуффендорф соединил только философские мнения Гоббса с началами общественной жизни, принятыми Гроцием», указывалось в периодической печати (см.: Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – [Отдел VI. Новости и смесь. Разные известия]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 371). В другом случае основательное исследование «собственно естественного права», которое представляли Гроций и Пуффендорф, а также политической теории сенсуалистической философской школы в Англии Гоббса, было подготовлено в 1840-х годах Н.И. Пилянкевичем и издано только в 1870 г. под редакцией Н.К. Ренненкампа (см.: История философии права. Сочинение Н.И. Пилянкевича, изданное под редакцию Профессора Ренненкампа. – С предисловием, заключающим биографические сведения об авторе. – Киев: В университетской типографии, 1870. – 299 с. – С. 81-103, 133-137). Переиздание этого труда Н.И. Пилянкевича увидело свет в 2011 г. (см.: Пилянкевич Н.И. История философии права [изданное под редакцией профессора Н.К. Ренненкампа, Киев. – 1870] // Філософія та енциклопедія права в Університеті Святого Володимира: у 2 кн. – Кн. 1 / уклад. І.С. Гриценко, В.А. Короткий; за ред. І.С. Гриценка. – К.: Либідь, 2011. – С. 100-306. – С. 153-168, 189-192). Современное исследование взглядов Пуффендорфа см.: Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуффендорфа Политико-правовое учение Самуэля Пуффендорфа: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений; Курзенин Эдуард Борисович; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 1999. – 153 с.

происшествии правлений в разные веки и у разных народов; 2) О правах, происходящих в обществе от различного состояния и звания людей; 3) О правах, происходящих от различных и взаимных дел между обывателями; 4) О полиции, или благоустроении гражданском»²²⁴. Первую часть ученый понимает как «некоторые наблюдения о причинах и натуральном происшествии власти и старшинства у народов, изъясняя оные историческим описанием, взятым от первоначальных народов, о которых мы ясное понятие имеем ...», вторую – как «права натуральные, какие имеет человек к защищению своего тела, имени и пр. После сих изъяснить права приобретенные, какие случаются между государем и подданными, между судьей и судимым, между рабом и господином, между родителями и детьми, между мужем и женою, между опекуном и состоящим под опекою, причем должно показывать начало, возвышение и совершенство примечаемой во всех правлениях власти законодательной, судительной и наказательной с показанием, каким персонам каждая из сих властей бывает

²²⁴ [Десницкий С.Е.] Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета ... говоренное ... июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под общ. ред. и со вступ. стат. И.Я. Щипанова. – Издание в двух томах. – Том I. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – С. 202-204.

поручена сначала и какие люди отправляют сии должности напоследок в правлении»²²⁵. «В третьей части должно показывать свойство прав, происходящих от различных между обывателями дел, каковые суть вещественные: собственность, право дозволенное, наследство, заклад и особливые привилегии и другие персональные; контракт и подобное право в преступлении»²²⁶, – пишет Десницкий. Однако содержание «преступления и подобного права в преступлении» ученый не раскрывает, ограничиваясь констатацией того, что «сие историческим доказательством должно пространно изъяснять, показывая их точные основания, на которых они утверждаются». В четвертой части Десницкий предлагает «показывать все то, что принадлежит до благоустройства и благосостояния, удобного содержания и безопасности обывателей, и рассуждать о средствах, надобных к предупреждению внутренних тревожений и к защищению от неприятельских нападений»²²⁷.

Некоторые «элементы» уголовно-правовых воззрений С.Е. Десницкого встречаются в той части указанной работы, которая именуется «О российской юриспруденции». Именно здесь ученый

признает «все тяжёбые и криминальные дела с назначенными по указам Наказаниям» составляющими «прав вещественных и персональных». Ограничиваясь этим, он считает это необходимым «для общего знания и для удобнейшей практики в судах»²²⁸.

Позднее С.Е. Десницкий подготовил «Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются ... говоренное ... апреля 22 дня 1772 года»²²⁹, «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оное приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими ... говоренное ... июня 30 дня 1775 года»²³⁰, а также «Юридическое рассуждение о разных

²²⁸ Там же. – С. 210.

²²⁹ [Десницкий С.Е.] Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются ... говоренное ... апреля 22 дня 1772 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под общ. ред. и со вступ. стат. И.Я. Щипанова. – Издание в двух томах. – Том I. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – С. 236-256.

²³⁰ [Десницкий С.Е.] Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оное приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими ... говоренное ... июня 30 дня 1775 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под общ. ред. и со вступ. стат. И.Я. Щипанова. – Издание в двух томах. – Том I. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – С. 257-267.

²²⁵ Там же. – С. 204-205.

²²⁶ Там же. – С. 205-206.

²²⁷ Там же. – С. 206.

понятиях, какие имеют народы о собственности имени в различных состояниях общежития ... говоренное ... апреля 21 дня 1781 года»²³¹.

Отдельно следует отметить составленные С.Е. Десницким «примечания к переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов», в которых ученый объясняет, что «господин Блэкстон в толковании здесь закона естественного по началам моральным держался системы Готчесона и полагает добродетель в доброжелательстве, или в желании блага, похваляемом всякому собственным самолюбием. Впрочем, как доктор Готчесон, так и г. Блэкстон оба заражены казуистическим законоучением, коего в Англии родителем был господин Гоббс»²³². В этих «Примечаниях ...» С.Е. Десницкий отдельно описывает сущность «обмана, чинимого при выборе членов парламентских», признавая его «показателем злоупотреблений закона», а также влиянии «сокровиществующих

миллионщиков» на правосудие, когда оно «может быть нечувствительно на откупе» (в этом случае Десницкий описывает пример, приведенный английским историком и философом Дэвидом Юмом, который причину смерти в 1649 г. английского короля Карла I видел в коммерции, «которая в тогдашние времена столь безмерно усилилась, что даже мясники и пивовары, заседая в законодательстве, подавали страшный приговор на своего законного государя»)²³³.

В оглашенном 30 февраля 1768 г. в Московском университете «Представлении о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» С.Е. Десницкий отстаивал позицию, что «все почти чиновные положения и все главное правление в государствах» зависят от трех властей: законодательной, судительной и наказательной. Первой он наделял монархов, кроме которых «никто в полном значении не может иметь; позванные, однако, на такую должность монархами персоны могут и в законодательной власти иметь столько участия, сколько и ныне правительствующему сенату дозволяется, то-есть их должность может дозволена быть с приказанием и по усмотрению

²³¹ [Десницкий С.Е.] Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени в различных состояниях общежития ... говоренное ... апреля 21 дня 1781 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под общ. ред. и со вступ. стат. И.Я. Щипанова. – Издание в двух томах. – Том I. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – С. 268-286.

²³² [Десницкий С.Е.] [Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов»] // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под общ. ред. и со вступ. стат. И.Я. Щипанова. – Издание в двух томах. – Том I. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – С. 288-289.

²³³ Там же. – С. 289-290, 291.

монархов российских делать указы вновь, старые поправлять, дополнять или уничтожать так, как надобность и изволение монаршее потребует»²³⁴. Объясняя сущность законодательной власти, С.Е. Десницкий рассматривает следующие вопросы: «из каких и из скольких людей состоять может правительствующий сенат»; «каким образом и откуда выбирать сенаторов»; «каким образом другого звания сенаторы могут быть выбираемы»; «на сколько времени сенаторы выбираемы могут быть»; «каким образом заседать и дела отправлять сенаторам»²³⁵.

Понимая судительную власть как такую, которая «требует, чтоб распределена была во всей империи», С.Е. Десницкий рассматривает для объяснения сущности этой власти следующие вопросы, связанные с судопроизводством и судоустройством: «в коликих местах в России судительная власть должна безотлучно присутствовать»; «из каких персон в сих местах судительная власть состоять может»; «какая должность может быть четырех генеральных судей»; «каким образом судьи должны судить дела

²³⁴ [Десницкий С.Е.] Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под общ. ред. и со вступ. стат. И.Я. Щипанова. – Издание в двух томах. – Том I. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – С. 294, 295.

²³⁵ Там же. – С. 295-301.

криминальные и тяжёбые»; «в каком знании и науках судьи искусны должны быть»; «на сколько времени и на каком жаловании судьи могут быть учреждены»²³⁶.

Наказательная власть, по мнению ученого, «должна больше зависима быть от высших, нежели какая другая из сих властей. И для того порядок в отечестве требует узаконить, чтоб имеющие наказательную власть ничего важного отнюдь от себя не предпринимали без осуждения публичного пред судьями». Для объяснения этого С.Е. Десницкий обращается к вопросам, связанным с уголовным судопроизводством и судоустройством: «кому приличественно наказательная власть может быть поручена» и «какая должность может быть поручена воеводе»²³⁷.

В заключении своего «Представления ...» С.Е. Десницкий уделяет внимание так называемой «гражданской власти», которая не выделялась в определенной им системе властей, но все же была рассмотрена автором. Такая власть, как пишет ученый, «поручена должна быть таким людям, которые в городе живут и у которых больше дел отправляется в городе. Следовательно, такую власть иметь можно

²³⁶ Там же. – С. 301-308.

²³⁷ Там же. – С. 308-312.

дозволить гражданам, а более еще купцам и художественным людям»²³⁸.

Не смотря на то, что вопросы уголовного права в работах С.Е. Десницкого рассматривались крайне поверхностно, в этой науке он, по замечанию Г.С. Фельдштейна, оставил заметный след. Относя С.Е. Десницкого к сторонникам историко-сравнительного направления в уголовном праве, Г.С. Фельдштейн мотивирует это не «областью созданного ... в русской криминалистике», которая не так уж велика, а «ценностью той положительной наметки путей разрешения задач русского уголовного правоведения, разработке которой он посвятил немало усилий». Вместе с тем, Г.С. Фельдштейн называет в своей работе имя ученого, чьи идеи прямо повлияли на взгляды С.Е. Десницкого, который «углубил то, что он получит от Лангера. Влияние последнего было на него столь значительным, что оттеснило в значительной мере впечатления, полученные им в Англии»²³⁹. Схожая мысль относительно «исторической природы» уголовно-правовых взглядов С.Е. Десницкого встречается в справочной литературе (на примере характеристики

ученым сущности некоторых видов наказаний, целей их применения): «... не будучи по специальности криминалистом, Десницкий, если и не заметил других оснований и целей наказания, зато, как чуткий человек, он понял, насколько не соответствуют духу времени чрезмерно жестокие кары, и приложил свои силы к тому, чтобы способствовать замене старых карательных систем новыми, более мягкими и человечными. Ведь, если в его время и не практиковалась в широких размерах смертная казнь со всеми ее ужасами, то это было не в силу духа тогдашних законов, а лишь потому, что сохраняло действие, как временная мера, замещение казни ссылкой и каторгой»²⁴⁰.

Карл-Генрих Лангер (*Karl Heinrich Langer*, вторая половина 1730-х годов – после 1792) имел немецкое происхождение и обучался философским и юридическим наукам в Гейдельбергском и Иенском

²³⁸ Там же. – С. 312.

²³⁹ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 141-142.

²⁴⁰ Калмыков Влад. Десницкий, Семен Ефимович // Русский биографический словарь. – Дабелов – Дядьковский [Том 6]. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 334. Говоря о преемственности взглядов К.-Г. Лангера С.Е. Десницким, А.И. Чучаев пишет: «Ученик К.Г. Ланге профессор Московского университета С.Е. Десницкий также использовал в своих трудах историко-сравнительный метод исследования» (Чучаев А.И. Проблемы в методах науки уголовного права // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 191-194. – С. 193).

университетах²⁴¹. Для преподавания юридических наук в Московском университете его пригласил в 1764 г. куратор В.Е. Адодуров, хотя ни печатных трудов, ни ученой докторской степени у Лангера не было²⁴². С.П. Шевырев в связи с этим пишет: «Он не имел степени Доктора, что Ададурову было неприятно, однако не смотря на то, что в 1764 г., 12-го августа Лангер введен был в Университетскую конференцию самим Куратором – и здесь прочел две пробные лекции: *de pactis ex jure naturae* и потом: *de successione ab intestato ex jure civili*. Тогда же заключен с ним контракт на три года и дана ему кафедра Ординарного Профессора с окладом 500 рублей в год и с

²⁴¹ В литературе встречается утверждение, что К.-Г. Лангер был воспитанником Геттингенского и Иенского университетов (см.: Русский биографический словарь. – Лабзина – Ляшенко [Том 10]. – Издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом. – С.-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1914. – С. 58; Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 134).

²⁴² История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755-1855. – Москва: В Университетской Типографии, 1855. – С. 128-129; Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVII столетии: Учебное пособие. – М.: Зерцало-М, 2010. – 216 с. – С. 136-137. В справочной литературе все же указывается, что К.-Г. Лангер, закончив образование в Геттингенском и Иенском университетах, «получил степень доктора обоих прав» (Русский биографический словарь. – Лабзина – Ляшенко [Том 10]. – Издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом. – С.-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1914. – С. 58).

квартирою в доме Университета. Это назначение было особенно необходимо потому, что контракту с Дильтеем истекал срок и его увольняли по некоторым неудовольствиям»²⁴³.

В Московском университете К.-Г. Лангер до мая 1774 г.²⁴⁴ «читал естественное и народное право по Ноттельбладту, политику по собственным запискам, придерживаясь системы Вольфа»²⁴⁵, а также курс всеобщей юриспруденции по руководству И.Г. Винклера²⁴⁶. По мнению Г.С. Фельдштейна, К.-Г. Лангер работал в историко-сравнительном и догматическом направлениях в уголовном праве, создав «первую русскую школу права в лице

²⁴³ История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755-1855. – Москва: В Университетской Типографии, 1855. – С. 129.

²⁴⁴ Таким образом, преподавательская деятельность К.-Г. Лангера в Московском университете продолжалась почти десять лет – с 11 августа 1764 г. по 8 мая 1774 г. (см.: Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, сочинение митрополита Евгения. – Издание Москвитянина. – Том II. – Москва: В Университетской Типографии, 1845. – С. 4; Русский биографический словарь. – Лабзина – Ляшенко [Том 10]. – Издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом. – С.-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1914. – С. 58).

²⁴⁵ Русский биографический словарь. – Лабзина – Ляшенко [Том 10]. – Издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом. – С.-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1914. – С. 58.

²⁴⁶ Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVII столетии: Учебное пособие. – М.: Зерцало-М, 2010. – 216 с. – С. 137, 154.

своего ученика А.А. Артемьева и наиболее яркого представителя ее С. Десницкого». Таким образом, Г.С. Фельдштейн характеризует С.Е. Десницкого как последователя учений К.-Г. Лангера, принадлежащего к этим двум «направлениям в разработке русского уголовного права»²⁴⁷.

С.П. Шевырев указывает, что Адодуров поручил Лангеру «... стараться особенно о приобретении познаний в языке Русском, чтобы профессор мог скорее ввести занятия и Русскою Юриспруденциею. Лангер начал читать Право положительное всеобщее, по системе Неттельбладта, но с 1765 года стал уже требовать для своих лекций экземпляра Российских указов. В том же году он занял место Секретаря Конференции ... и с тех пор протоколы конференции писаны были на Латинском языке, который, по образу мыслей того времени, казался гораздо приличнее для дел ученых»²⁴⁸.

Г.С. Фельдштейн считал, что К.-Г. Лангер «не был защитником отрешенной от исторических условий доктрины

естественно-правовых учений». Подкрепляя свой вывод освещением «отдельных вопросов уголовного права» в трудах К.-Г. Лангера²⁴⁹, российский дореволюционный ученый признал его «сторонником философско-догматического учения права при помощи историко-сравнительного приема»²⁵⁰. Подытоживая выводы о К.-Г. Лангере, Г.С. Фельдштейн пишет: «Мы должны видеть его в лице представителя философско-догматического направления в разработке права, оперирующего при помощи

²⁴⁷ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 134.

²⁴⁸ История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755-1855. – Москва: В Университетской Типографии, 1855. – С. 129.

²⁴⁹ Первая работа К.-Г. Лангера была опубликована в 1766 г. и представляла собой изложение речи, произнесенной в публичном собрании Императорского Московского университета «Слово о начале и распространении положительных законов, и о неразрывном союзе философии с их учением, в публ. собр. И.М.У., бывшем для высокотожественного дня рождения ... Имп. Екатерины Алексеевны ... говоренное профессором ... Карлом Генриком Лангером. Апр. 26 дня 1766 году». Наиболее важным трудом Лангера стало «Слово о происхождении и свойстве высшего криминального суда, и что употребление оногo рассуждать надлежит, по различному состоянию гражданств, и по намерению, которое в наказании людей иметь должно», произнесенное в день восшествия на престол императрицы Екатерины II (см.: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 135). О списке трудов К.-Г. Лангера см.: Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, сочинение митрополита Евгения. – Издание Москвитянина. – Том II. – Москва: В Университетской Типографии, 1845. – С. 4; Русский биографический словарь. – Лабзина – Ляшенко [Том 10]. – Издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом. – С.-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1914. – С. 58.

²⁵⁰ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 135.

сравнительно-исторических данных. Метод этого ученого и его обширные знания не могли, к сожалению, быть применены к разработке русского права по незнанию языка страны. В этом отношении ему пришлось разделить участь русских ученых, которые хотя и знали язык, но по целому ряду других условий должны были ограничиться только наметкой схемы разработки права в известном направлении. Мы не имеем, однако, права считать деятельность Лангера в Московском университете совершенно бесплодной. Помимо влияния на слушателей, он первый из иностранцев, которому удалось заложить основание русской школы правоведов, применявшей его приемы разработки права. Для оценки заслуг Лангера в истории русской науки достаточно принять во внимание, что влияние его рельефно сказалось на трудах его учеников: А. Артемьева и С. Десницкого. Между тем как первый только отчасти пошел по пути, намеченному Лангером, С. Десницкий ... опередил его и по праву должен считаться самым крупным русским юристом XVIII столетия»²⁵¹.

В своих трудах К.-Г. Лангер изучение уголовных законов предлагал проводить историко-сравнительным

²⁵¹ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 138.

методом. Причем на его применение влияли социальные и психологические условия жизни общества. Так, именно нецелесообразность применения и неспособность служить охране права привело у одних народов к исчезновению «частной мести», а у других – ее своеобразную «трансформацию» в систему выкупов. Сравняя уголовные законы разных народов, К.-Г. Лангер не ограничивается простым выводом о тождественности некоторых из них в силу определенного заимствования. По его мнению, к этому могут привести также одинаковые условия быта нескольких народов, которые усматривают в этом некую целесообразность. Изучение таких условий он связывал со значением истории, которая в конечном счете помогает уяснить особенности происхождения позитивного права.

Рассматривая понятие преступления, К.-Г. Лангер среди его признаков называл совершение действия по человеческой воле в соответствии с «нравственным или гражданским обязательством», а также способность «таким действием «тишину и безопасность общую нарушать» (когда оно «потревожит общее спокойствие»). Г.С. Фельдштейн, обращавшийся к текстам указанных работ К.-Г. Лангера, считал, что их автор анализирует «материальный состав преступления, очерчивая последний рядом отрицательных признаков» в

следующем предложении: «Никакого действия назвать не можно преступлением, которое не заключает в себе нравственного или гражданского обязательства, которое совсем невозможно, или необходимо, или не в нашей власти состоит ... и которое происходит от людей ума лишенных или насильно принужденных»²⁵². Понятие наказания в уголовном праве К.-Г. Лангер также исследовал с историко-сравнительной стороны. Связывая сущность наказания с потребностью «соблюдения общего благополучия», Лангер неизменно обращается к влиянию на него различных социальных и психологических моментов. Например, будучи противником смертной казни, ученый на основе анализа уголовного законодательства других стран объяснял применение данного вида наказания во многих из них с позиции обеспечения спокойствия жизни граждан и воздержания от совершения ими преступлений.

У меня нет оснований не доверять Г.С. Фельдштейну, который фактически анализировал особенности преемственности взглядов К.-Г. Лангера в трудах его ученика С.Е. Десницкого. Однако утверждать о влиянии на научные идеи С.Е. Десницкого только К.-Г. Лангера, возражая влиянию на них взглядов Адама Смита и Джона Миллара,

²⁵² Там же. – С. 137.

не совсем корректно. В этом плане показателен вывод В.А. Томсинова о том, что С.Е. Десницкий объединение нравоучительной философии, естественной (натуральной) юриспруденции, римского права и русского права как составных частей общей системы преподавания наук в России представлял потому, что «проверил подобную систему на себе во время учебы в университете Глазго. Ей следовали ведущие профессора этого университета – Адам Смит и его ученик Джон Миллар»²⁵³. Не стоит забывать также о том, что именно на занятиях Джона Миллара С.Е. Десницкий основательно ознакомился с использованием сравнительного метода в праве. Это, в свою очередь, позволило ему в своих трудах²⁵⁴ отдавать предпочтение

²⁵³ Томсинов В.А. Преподаватели юридического факультета Московского университета (1755-2010): Очерки жизни и творчества. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2011. – С. 42; Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVII столетии: Учебное пособие. – М.: Зерцало-М, 2010. – 216 с. – С. 152; Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII-XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – Т. 1. – М.: Зерцало, 2007. – С. 152.

²⁵⁴ См.: [Десницкий С.] Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании Императорского Московского университета ... говоренное ... июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Издание в двух томах. Под общ. ред. и со вступ. статьей И.Я. Щипанова. – Том I. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – С. 187-235; [Десницкий С.] Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются ... говоренное ... апреля 22 дня 1772 года // Там же. – С. 236-256;

историко-сравнительному методу изучение права, отстаивая непригодность «практического изучения российской юриспруденции в судебных местах» и нецелесообразность «приема ознакомления с правом при посредстве метода толковательного»²⁵⁵. Историческое исследование С.Е. Десницкий осуществлял относительно «отдельных юридических институтов у разных народов для выяснения законов их смены». Такой же подход указывает на восприятие им идей своего учителя Г.-Г. Лангера, «исследовавшего, в частности, смену укладов уголовного права и указавшему на роль истории в деле его изучения»²⁵⁶, с той лишь разницей, что Лангер, в отличие от своего талантливый ученика, не наделял исторический метод изучения права

метафизическими и политическими «свойствами».

Уделял также внимание С.Е. Десницкий соотношению понятий «*delictum*» и «*quasi delictum*» между собой, а также с «областью нравственно недопустимого» и «уголовной неправдой, влекущей за собой наказание», полагая, что формальные критерии их разграничения могут изменяться, поскольку зависят от «верховой власти» государства. Причем основания применения такой властью права наказывать (качать) у Десницкого не выходят за рамки историко-сравнительного представления.

Подводя итог характеристике историко-сравнительного направления в уголовном праве у С.Е. Десницкого и его связи с К.-Г. Лангером, следует обратить внимание на слова Г.С. Фельдштейна: «Теоретическая юриспруденция С. Десницкого на положительном основании, изыскивающая «причины, которые действуют во всех государствах и суть основанием всех законов и правлений», не очень далека от «философии» Лангера, как объединяющего начала, считающегося с «естеством вещей», и лежащего в основании положительного права, – не далека и от того преклонения перед

[Десницкий С.] Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими ... говоренное ... июня 30 дня 1775 года // Там же. – С. 257-267; [Десницкий С.] Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени в различных состояниях общежития ... говоренное ... апреля 21 дня 1781 года // Там же. – С. 268-286; [Десницкий С.] [Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов»] // Там же. – С. 287-291; [Десницкий С.] Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Там же. – С. 292-332.

²⁵⁵ См. об этом: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 143-144.

²⁵⁶ Там же. – С. 144-145.

сравнительно-историческим методом, которое слышится в словах Лангера»²⁵⁷.

Кроме английских и французских просветителей XVIII в., правопонимание преподавателей уголовного права в Харьковском университете определенным образом формировалось на основе взглядов представителей классической немецкой философии конца XVIII – начала XIX в. Одним из ученых, который воспринял такие взгляды и оказал влияние на формирование исторического правопонимания И.Н. Даниловича, был Эдуард Герман Вильгельм Генке (*Hermann Wilhelm Eduard Henke*, 1783-1869). Как представитель исторического направления в понимании уголовного права (философско-исторической школы права) он является малоизвестным ученым, данные биографии которого современные отечественные исследователи вообще не упоминают. Сведений о нем крайне мало, в основном это немецкая литература XIX в., хотя его имя в отечественной литературе все же упоминается, прежде всего, в связи с обозрением преподавания юридических наук в немецких университетах того времени²⁵⁸ или,

благодаря старым немецким источникам, иллюстрирующим формирование уголовно-правовых взглядов И.Н. Даниловича²⁵⁹. Такая связь с учениями представителя немецкой уголовно-правовой мысли позволяла И.Н. Даниловичу на своих лекционных занятиях по уголовному праву соединять «общие теоретические понятия и сравнительно-исторические сведения по отечественному и некоторым иностранным уголовным законам (древнеримскому, германских народов и др.)»²⁶⁰. В то же время немногочисленные работы современных авторов, по сути, являются калькой с указанных исследований²⁶¹.

Немецкий криминалист Эдуард Герман Вильгельм Генке родился 28

известия]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 362.

²⁵⁹ См.: Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905). Составленный профессорами Д.И. Багалеем, Н.В. Сумцовым и В.П. Бузескулом. Издание университета. – Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1906. – С. 63; Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 461.

²⁶⁰ История университета Св. Владимира / соч. Виталия Шульгина; сост. В. Короткий. – Репр. изд. – К.: Лыбидь, 2010. – 280 с. – С. 152.

²⁶¹ См.: Чучаев А.И. Г.С. Гордеенков – представитель Харьковской школы уголовного права // 10 років чинності Кримінального кодексу України: проблеми застосування, удосконалення та подальшої гармонізації із законодавством європейських країн: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 13-14 жовт. 2011 р. / редкол.: В.Я. Тацій (голов. ред.), В.І. Борисов (заст. голов. ред.) та ін. – Х.: Право, 2011. – С. 92; Чучаев А.И. Проблемы в методах науки уголовного права // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 191-194. – С. 194.

---

²⁵⁷ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 146.

²⁵⁸ Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – [Отдел VI. Новости и смесь. Разные

сентября 1783 г. в Брауншвейге в многодетной семье местного пастора Эрнста Хайнриха Людвиг Генке (*Ernst Heinrich Ludwig Henke, 1741-1802*) и был девятым ребенком. Его старший брат Адольф Кристиан Генрих Генке (*Adolph Christian Heinrich Henke, 1775-1843*) стал известным физиологом, патологоанатомом и фармакологом, был одним из основателей судебной медицины.

Эдуард Генке учился в университетах Геттингена и Хельмштадта, изучая юридические науки. В 1806 г. он защищает габлиитационную докторскую диссертацию в университете Эрлангена, в котором в то время читал лекции Иоганн Готлиб Фихте (*Johann Gottlieb Fichte, 1762-1814*), оказавший впоследствии значительное влияние на становление научных взглядов Эдуарда Генке (1805-1806), а в 1808 г. – еще одну диссертацию в университете Ландсхута.

Карьера «кабинетного ученого» в первые годы после защиты диссертации, судя по всему, не очень привлекала Эдуарда Генке. Переехав в Нюрнберг, он, начиная с 1813 г., некоторое время работает на должности ассессора в местном городском суде. Однако уже в следующем году Генке покидает Нюрнберг и переезжает в Швейцарию, где на протяжении последующих восемнадцати лет занимает профессорскую должность в университете Берна (1814-1832). Это время

знаменует собой наиболее плодотворный этап научной деятельности ученого. В 1832 г. Эдуард Генке возвращается в Германию и в течение года работает в Верховном Апелляционном судебном совете в Вольфенбюттеле. В 1833 г. он переезжает в Галле, работая сначала в местном Совете юстиции, а затем – на должности ординарного профессора в университете этого города Саксонии²⁶². В 1857 г. Эдуард Генке выходит в отставку и возвращается в родной Брауншвейг, где умирает 14 марта 1869 г.²⁶³

О структуре преподаваемого Эдуардом Генке в университете Галле курса уголовного права указывается в приложении «Извлечение из каталогов лекций Юридических Факультетов в главнейших Германских Университетах» к опубликованной в сентябрьском номере

²⁶² В связи с этим в декабрьском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1834 г. в списке ординарных профессоров, «кои читали лекции в течение последних четырех с половиною лет ... В Гальском [университете]», указывалась фамилия «Генке» (см.: Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – [Отдел VI. Новости и смесь. Разные известия]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 362).

²⁶³ Teichmann [Albert]. Henke, Hermann Wilhelm Eduard // Allgemeine Deutsche Biographie. – Elfter Band. Hassenpflug – Hensel. – Auf Verantallung Seiner Majestät des Königs von Banern herausgegeben durch die historische Kommission bei der Königl. Akademie der Wissenschaften. – Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1880. – S. 753-754; Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – [Отдел VI. Новости и смесь. Разные известия]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 362.

«Журнала Министерства народного просвещения» за 1834 г. статье под названием «Устройство юридических факультетов в разных иностранных университетах, и в особенности в Германии»²⁶⁴. В частности, в разделе «Б» этого приложения, который посвящен университету г. Галле, структура курса уголовного права в 1830-х годах представляется в виде следующих частей: 1) «Общее и Прусское Уголовное Право» и 2) «Общее и Прусское Уголовное Судопроизводство»²⁶⁵. Для сравнения отмечу, что структура курса уголовного права, преподаваемого в Берлинском университете в то же самое время, имела значительные отличия, поскольку

охватывала следующие его составляющие: 1) «История Уголовного Права»; 2) Уголовное Право и Судопроизводство»; 3) «Уголовные дела»; 4) «О вменяемости преступлений»; 5) Общее и Прусское Уголовное Право и Практическое Делопроизводство»²⁶⁶. Еще более отличалась структура курса уголовного права в Гейдельбергском университете. Так, его составляющими были: 1) «Германское и Французское Уголовное Право»; 2) «О Теориях Уголовного Права»; 3) «О вменяемости преступлений»; 4) «Объяснение 47 и 48 книги Пандектов»; 5) «Уголовное Судопроизводство»; 6) «Практическое Уголовное Судопроизводство»²⁶⁷. Более упрощенно была представлена структура курса уголовного права в университете Геттингена: 1) «Наука Уголовного Права»; 2) «Уголовное Право»; 3) «Уголовное Судопроизводство»²⁶⁸.

Наиболее известным трудом немецкого криминалиста стало четырехтомное «Руководство по уголовному праву и уголовной политике», вышедшее в свет в Берлине на протяжении пятнадцати лет (1823-1838)²⁶⁹.

²⁶⁴ Саму статью см.: М.Б. Устройство юридических факультетов в разных иностранных университетах, и в особенности в Германии // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть третья. – [№ IX. Сентябрь]. – [Отдел IV. Известия об иностранных учебных заведениях]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 317-341. Об указанном приложении к этой статье см.: Извлечение из каталогов лекций Юридических Факультетов в главнейших Германских Университетах [Приложения к статье об устройстве иностранных юридических факультетов] // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть третья. – [№ IX. Сентябрь]. – [Отдел IV. Известия об иностранных учебных заведениях]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 472-514.

²⁶⁵ Извлечение из каталогов лекций Юридических Факультетов в главнейших Германских Университетах [Приложения к статье об устройстве иностранных юридических факультетов] // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть третья. – [№ IX. Сентябрь]. – [Отдел IV. Известия об иностранных учебных заведениях]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 472-514. – С. 491.

²⁶⁶ Там же. – С. 475, 478, 481.

²⁶⁷ Там же. – С. 515.

²⁶⁸ Там же. – С. 504.

²⁶⁹ Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik, von Eduard Henke. – Erster Theil. – Berlin und Stettin: in der Nicolaischen Buchhandlung, 1823. – S. I-XXII, 1-626; Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik, von Eduard Henke. –

В этом издании Эдуард Генке выступил сторонником обстоятельного исторического анализа источников уголовного права зарубежных государств. Представляя, по словам Г.С. Фельдштейна, «философско-историческое течение в германской литературе XIX в.», Генке в своем исследовании «определенно указывает на необходимость союза философских приемов разработки прав с историческими. В этом сочетании он видит единственное средство избежать недостатков философских приемов, приводящих, с одной стороны, к разобщенности теоретического права с правосознанием народа, действительными потребностями практической жизни и проч. и, с другой, – спасение от увлечения историческим изучением права, ограничивающегося истолкованием устаревших памятников уголовного законодательства»²⁷⁰.

Описывая сущность указанного течения в науке уголовного права Г.С. Фельдштейн указывал: «Ближайшим образом, попытка взаимного восполнения

Zweiter Theil. – Berlin und Stettin: in der Nicolaischen Buchhandlung, 1826. – S. I-VI, 1-452; Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik, von Eduard Henke. – Dritter Theil. – Berlin und Stettin: in der Nicolaischen Buchhandlung, 1830. – S. I-VI, 1-743; Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik, von Eduard Henke. – Vierter Theil. – Berlin und Stettin: in der Nicolaischen Buchhandlung, 1838. – S. I-X, 1-894.

²⁷⁰ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 460.

философских построений, независимо от их особенностей, с исторической обработкой уголовного права имела для криминалистов много привлекательного. Этим путем думали придать философским построениям не только положительную почву, но и более пригодные для осуществления в практической жизни свойства»²⁷¹.

Занимаясь юридическими науками в Эрлангенском университете, Эдуард Генке знакомится с представителем классической немецкой философии Иоганном Фихте, преподававшим здесь философию и являвшимся продолжателем этико-правовых учений Эммануила Канта (1724-1804). Сильное влияние идей Фихте испытал в процессе своей научной деятельности в то время и молодой Генке, решительно выступая против абсолютной (моральной) теории возмездия в уголовном праве и в своих первых работах по этой науке развивал теории последователя Канта. Такие работы Эдуарда Генке были посвящены вопросам истории общего права в Германии (1806, 1809)²⁷², состоянию уголовного права (1810)²⁷³,

---

²⁷¹ Там же. – С. 460.

²⁷² [Henke E.] Grundrisse einer Geschichte des gemeinen peinlichen Rechts in Deutschland. – Thl. 2. – Landshut, 1809. – S. 362 fg.; [Henke E.] De vera crim. laesae majestatis sec. leges positivas indole atque poena. – 1806.

²⁷³ [Henke E.] Ueber den gegenwärtigen Zustand der Kriminalrechtswissenschaft. – Landshut, 1810; [Henke E.] Kriminalistische Versuche. – Band 1. – Berlin, 1807; [Henke E.] Bemerkungen über einige

проблемам согласования (примирения) отдельных уголовно-правовых теорий, господствовавших в юридической науке (1811)²⁷⁴, назначения наказания (1815)²⁷⁵, проблемам кодификации уголовного законодательства (1811)²⁷⁶, обзору уголовного законодательства зарубежных государств (1813)²⁷⁷.

Выводы.

1. Формирование исторического направления в понимании уголовного права представителями этой науки в Харьковском университете имело ряд особенностей, основными среди которых являются такие:

а) предпосылками формирования научных знаний в этом направлении является то, что осуществлялось такое формирование на основе учений классической немецкой философии первой половины XVIII – начала XIX веков, а также английских и французских просветителей XVIII века;

б) Обстоятельствами, повлиявшими на формирование исторического понимания уголовного права под воздействием именно представителей классической немецкой философии, английских и французских просветителей указанного периода являются, на мой взгляд, такие:

- формирование понимания уголовного права в историческом направлении у С.Е. Десницкого на основе восприятия своеобразного «объединения» воззрений российских (А.Я. Поленов, К.Г. Лангер) и зарубежных (шотландских) ученых (А. Смит, Дж. Миллар);

- использование сформированных С.Е. Десницким основ понимания права в историческом направлении в учебном процессе в Московском университете вместо «устоявшихся» в то время концептуальных идей Самуэля фон Пуффендорфа и Христиана фон Вольфа. Отстаивая идеи правопонимания в этом направлении, С.Е. Десницкий критиковал последователей естественного права. При этом вопросы уголовного права в работах С.Е. Десницкого рассматривались крайне поверхностно и сводились, главным образом, к пониманию общих «составляющих» в общефилософском смысле;

- формирование у И.Н. Даниловича исторического понимания уголовного права на основе восприятия

---

der wichtigsten Gegenstände der Strafrechtswissenschaft // Neues Archiv des Criminalrechts. – Band 5. – 1822. – S. 240-282.

²⁷⁴ [Henke E.] Ueber den Streit der Strafrechtstheorien, ein Versuch zu ihrer Versöhnung; nebst einer literarischen Beilage. – Regensburg: Montag & Weiss, 1811.

²⁷⁵ [Henke E.] Lehrbuch der Strafrechtswissenschaft. – Zürich, 1815.

²⁷⁶ [Henke E.] Giest des allgemeinen Gesetzbuchs über Verbrechen für Baiern. – 1811.

²⁷⁷ [Henke E.] Beiträge zur Criminalgesetzgebung in einer vergleichenden / Uebersicht der neuesten Strafgesetzbücher. – Regensburg, 1813.

опубликованных идей немецкого криминалиста Эдуарда Генке; такое «восприятие» было лишено «личного общения» двух представителей правовой науки как учителя и его последователя и происходило исключительно на основе публикаций Эдуарда Генке, с которыми был знаком И.Н. Данилович.

2.2. Влияние идей Н.Н. Сандунова как представителя юридического позитивизма на понимание уголовного права

На смену историческому направлению в правопонимании пришло направление юридического позитивизма. У преподавателей уголовного права в Харьковском университете предпосылки формирования юридического позитивизма связывались с деятельностью Н.Т. Спасского и А.К. Бабичева, которые выступали последователями учений ординарного профессора Московского университета Н.Н. Сандунова. Отнюдь не лишним здесь следует отметить то, что говорить в данном случае здесь можно о влиянии идей Н.Н. Сандунова на формирование правопонимания Н.Т. Спасского и А.К. Бабичева только в связи с преподаванием этими учеными курса уголовного права, а не других юридических дисциплин. Например, как

уже указывалось, А.К. Бабичев при преподавании курса «Российского Публичного Права» придерживался «изданной Г. Васильевым книги: Нов[ое] Руков[одство] к позн[анию] Рос[сийских] Законов», а при преподавании «Российского Практического Судопроизводства» – «изданных в Москве 1832 г. Г. М-м Оснований Рос[сийского] Судопроизводства»²⁷⁸.

Николай Николаевич Сандунов (1769-1832) «происходил из благородной грузинской фамилии ... и десятилетним мальчиком, благодаря ходатайству А.А. Антонского-Прокоповича, был записан в Дворянскую гимназию при Московском университете (13-го июля 1779 г.). Окончив в ней курс 17-го декабря 1784 г. С[андунов] был произведен в студенты и поступил в университет, где слушал юридические и словесные науки, а за успехи получил золотую медаль»²⁷⁹.

Впоследствии, посвятив себя юридическим наукам, Н.Н. Сандунов

²⁷⁸ О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832-33 Академический год) // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 246.

²⁷⁹ Модзалевский Б. Сандунов, Николай Николаевич // Русский биографический словарь. – Сабанеев – Смыслов [Том 18]. – Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография В. Демакова, 1904. – С. 189.

продолжал серьезно заниматься изучением российской истории и словесности. Подтверждением этому может служить избрание его в марте 1811 г. членом «Общества Истории и древностей Российских»²⁸⁰, а в июне того же года – «Действительным Членом Московского Общества Любителей Российской Словесности»²⁸¹.

Еще при жизни Н.Н. Сандунов слыл выдающимся знатоком русского законодательства и в то же время человеком неподкупным и независимым по характеру²⁸². Так, П.И. Голенищев-Кутузов в письме графу А.К. Разумовскому называет «обер-секретаря, статского советника Сандунова ... человеком предостойным и отчасти Вашему сиятельству известный его бескорыстием», который «юриспруденцию так знает, как мало есть людей знающих»²⁸³.

²⁸⁰ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1811]. – № XXX. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1811 года. – С. 81.

²⁸¹ См.: Список Действительным Членам Московского Общества Любителей Российской Словесности // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1811]. – № XXXI. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1811 года. – С. 174.

²⁸² История юридического факультета Московского университета (1755-2010). 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. проф. В.А. Томсинов. – М.: Издательский Дом «Городец», 2011. – 640 с. – С. 68.

²⁸³ История юридического факультета Московского университета (1755-2010). 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. проф. В.А. Томсинов. – М.: Издательский Дом «Городец», 2011. – 640 с. –

Окончив обучение в университете в 1787 г., Н.Н. Сандунов некоторое время работает преподавателем синтаксиса в одной из московских гимназий. Затем начинается его чиновничья служба, сначала с должности секретаря при кураторе Московского университета Михаиле Матвеевиче Хераскове (1733-1807), а в 1791 г. – в канцелярии «возвращенных от Польши губерний и областей». С 1796 г. он служит «в звании сочинителя» в «Канцелярии Комиссии о составлении законов» генерал-прокурора А.Б. Куракина, а в 1798 г. получает назначение на должность обер-секретаря VI-го департамента Сената²⁸⁴, занимавшегося рассмотрением судебных дел и располагавшегося в Москве²⁸⁵. «На

С. 68. В справочной литературе указывается, что попечитель Московского учебного округа П.И. Голенищев-Кутузов давал графу А.И. Разумовскому о Н.Н. Сандунове «... самый лучший отзыв, как о лице, наиболее подходящем к званию профессора и весьма сведущем в законоведении и судопроизводстве» (Модзалевский Б. Сандунов, Николай Николаевич // Русский биографический словарь. – Сабанев – Смыслов [Том 18]. – Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография В. Демакова, 1904. – С. 189).

²⁸⁴ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1811]. – № XXX. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1811 года. – С. 84.

²⁸⁵ «I департамент ведал дела государственные и политические, II – судебные, III – Малороссии, Лифляндии, Эстляндии, Выборгской губ., Нарвы, IV – дела военные и морские. Из московских департаментов V-й ведал дела административные, VI – судебные. Все департаменты были признаны в равной силе и достоинстве» (Правительствующий Сенат. – С.-Петербург: Типо-литография С.-Петербургской

этой должности С[андунов] отличался большой деятельностью, умением и заслужил известность опытного дельца. Но в конце концов его прямодушная натура не могла больше видеть всех неправд, допускавшихся его сослуживцами по Сенату, и С[андунов] по расстроенному здоровью 26-го февраля 1811 г. вышел в отставку»²⁸⁶.

Однако, выход в отставку не помешал Н.Н. Сандунову заняться преподавательской деятельностью в Московском университете. Причем в официальных сведениях о назначении его в Московский университет указание на выход в отставку из VI-го департамента Правительствующего Сената вообще отсутствует. В то же время указывается, что в апреле 1811 г. «по представлению Попечителя Московского Университета находившийся в 6 Департаменте Правительствующего Сената Обер-Секретарем Статский Советник Сандунов утвержден в сей Университет Ординарным Профессором Прав Гражданского и Уголовного Судопроизводства в Российской Империи, с препоручением

ему в Университет должности Синдика»²⁸⁷.

Многолетняя практическая деятельность Н.Н. Сандунова повлияла на его представления об уголовном праве как о практической дисциплине во время научной и преподавательской деятельности в Московском университете. Заняв в Московском университете должность ординарного профессора на кафедре прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи в 1811 г., Н.Н. Сандунов продолжил направление своего предшественника Захара Аникеевича Горюшкина (1748-1821), отстаивавшего в науке уголовного права «область деятельного (практического) законоискусства», прежде всего, «при посредстве исследования функций отдельных учреждений»²⁸⁸. Однако, сводить правопонимание З.А. Горюшкина и Н.Н. Сандунова, как последователя его идей, к обыкновенному «... случайному знакомству с существующими законами, в наружном искусстве прилагать их к встречающимся случаям и в наблюдении судебных форм и

Одиной Тюрмы, 1912. – С. I-XX, 1-172. – С. I-II).

²⁸⁶ Модзалевский Б. Сандунов, Николай Николаевич // Русский биографический словарь. – Сабанев – Смыслов [Том 18]. – Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография В. Демакова, 1904. – С. 189.

²⁸⁷ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1811]. – № XXX. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1811 года. – С. 84.

²⁸⁸ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 263.

обрядов делопроизводства»²⁸⁹ все-таки нельзя. Как правильно отмечал в свое время воспитанник М.М. Сперанского (по Второму отделению Собственной Его императорского Величества канцелярии) А.А. Благовещенский, «Горюшкин, воспринявший учение в духе Десницкого, со всею силою возставал против предпочтительного занятия иностранными системами, собственным опытом доказывал суету одного практического изучения Юриспруденции и необходимость в теоретическом образовании, оплодотворяемой глубоким изучением Истории и Древностей нашего Отечества, и сделал опыт полной системы Российского теоретического и практического Законоискусства»²⁹⁰.

И хотя во время учебы в Московском университете лекции З.А. Горюшкина Н.Н. Сандунов не слушал (поскольку учился до того времени, когда основатель практического направления начал обучать ему студентов университета в 1786 г.), он остался верен идеям своего предшественника на кафедре: «30-го

апреля 1811-го же года С[андунов], с званием ординарного профессора, занял место З.А. Горюшкина по кафедре гражданского и уголовного судопроизводства Российской империи, причем на него была возложена должность университетского синдика. Одновременно с чтением лекций С[андунов] был инспектором казенных студентов. В июне 1813 г., «по определению бывшего начальства», Н.Н. [Сандунов] был командирован для исследования беспорядков, происшедших в имени, приписанном к Демидовскому училищу высших наук. В 1814, 1815, 1819 и 1828 годах он, по избранию профессоров, состоял деканом отделения нравственно-политических наук, два раза избирался бессменным заседателем правления университета и членом училищного комитета, а в августе 1829 г., за отсутствием ректора, исправлял должность проректора»²⁹¹.

Сведения о деканстве Н.Н. Сандунова и занятии им должности ординарного профессора в отделении нравственных и политических наук содержатся также в издании «Периодическое сочинение о успехах

²⁸⁹ Благовещенский А. История метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть шестая. – [№VI. Июнь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1835. – С. 375-441. – С. 428.

²⁹⁰ Благовещенский А. История метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть седьмая. – [№IX. Сентябрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1835. – С. 42-52. – С. 47.

²⁹¹ Модзалевский Б. Сандунов, Николай Николаевич // Русский биографический словарь. – Сабанеев – Смыслов [Том 18]. – Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография В. Демакова, 1904. – С. 189.

народного просвещения». Так, в этом издании за 1815 г. указывается: «Избранные Советом Московского Университета в Деканы на следующий Академический год: ... в Отделение Нравственно-Политических Наук Ординарный Профессор Статский Советник Сандунов»²⁹². В другом случае указывается, что в 1916-м году Н.Н. Сандунов был очередной раз избран на должность ординарного профессора²⁹³, а также «... По представлению Попечителя Московского Университета, утвержде[н] Господином Министром Народного Просвещения ... Декан[ом] Отделени[я] ... Этико-Политических Наук»²⁹⁴.

Характер преподавательской деятельности Н.Н. Сандунова довольно детально описывал Б.Л. Модзалевский: «В университете С[андунов] пользовался почти безграничную любовью студентов и привлекал к себе слушателей своим живым, практическим способом преподавания и своим прямым, иногда, впрочем, несколько резким, характером. Его лекции были всегда оживлены и кипели деятельностью; они представляли собою заседание, ведшееся под

руководством самого профессора. Здесь читались новые узаконения, давались их объяснения, а затем обыкновенно переходили к чтению производства тяжёбных и уголовных дел, заимствованных из прежней, сенатской практики С[андунова]. Для достижения наибольшей наглядности, из среды учащихся юристов образовывались присутственные места в полном их составе; при этом должности распределялись сообразно знаниям студентов. Такой способ преподавания, не подвигая науку в разрешении теоретических вопросов, приготавливал из студентов знающих судей, секретарей и стряпчих-практиков, ко времени выхода из университета уже достаточно сведущих в ведении всяких судебных дел. Кроме того, С[андунов] допускал студентов к себе на дом для участия в разрешении различных вопросов, с которыми обращались к нему и частные лица ... Изучению практического способа ведения судопроизводства способствовала также библиотека С[андунова] и его архив, состоявший преимущественно из рукописных дел, грамот и т. под., и поступивший потом в собрание М.П. Погодина»²⁹⁵.

²⁹² Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1815]. – № XL. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1815 года. – С. 103-104.

²⁹³ См.: Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. – [1817]. – № XLIII. – В Санктпетербурге При Императорской Академии Наук, 1817 года. – С. 235.

²⁹⁴ Там же. – С. 236.

²⁹⁵ Модзалевский Б. Сандунов, Николай Николаевич // Русский биографический словарь. – Сабанеев – Смыслов [Том 18]. – Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А.

«Практическое законоискусство» Н.Н. Сандунов воспринимал лишь как одну из частей права, назначением которой является обеспечение «работы» системы органов государственной власти в рамках делопроизводства отдельного из таких органов «для усмотрения занятий по делам в нем производимым»²⁹⁶. Причем уголовное право у него ассоциировалось с процессуальными особенностями «производимых дел», связанных с уголовным судопроизводством (или, как тогда говорили, процессуальным уголовным правом). «Если уголовное производство, должествующее по законам получить утверждение свое от чиновника к сему уполномоченного, будет рассматриваемо человеком к делам неприготовленным, в них неопытным, в законах не сведущим, приговор уголовный делается не возмездием виноватому законами определенным, но истязательною казнию для невинного страдальца»²⁹⁷, – писал Н.Н. Сандунов.

Содержание других частей права связывалось Н.Н. Сандуновым с его субъектами в лице «частных граждан» и

граждан-государственных служащих. Для этого он проводил иллюстрации особенностей правоотношений между такими гражданами и государством в лице соответствующих органов власти того времени. Такие правоотношения, по сути, влияли на уровень «приспособления» гражданами своих юридических знаний для потребностей органов государственной власти.

Не смотря на имеющиеся в литературе сведения о том, что еще при жизни Н.Н. Сандунов «пользовался именем выдающегося практического юриста», его современники отзывались о его преподавательских способностях весьма критически. Слушавший Н.Н. Сандунова на протяжении двух лет учебы в Московском университете (1813-1815) Д.Н. Свербеев вспоминал: «Сам профессор не имел никакого научного образования и, вероятно, вследствие крайнего незнания науки права вообще отвергал самую науку и при всяком удобном случае выражал в ней свое презрение. Он был человек необыкновенной остроты ума, резкий, энергичный, не подчиняющийся никаким приличиям (впрочем, до известной черты осторожного благоразумия), безцеремонный и иногда бранчивый со студентами, которые, однако, все его любили и уважали. Сам он не читал нам ничего, и порядок его лекций весь заключался в следующем: для слушателей

Половцова. – С.-Петербург: Типография В. Демакова, 1904. – С. 189-190.

²⁹⁶ [Сандунов Н.] Слово о необходимости знать законы гражданские и о способе учить и учиться Российскому законоведению ... июля 6 дня 1820 г. // Речи, отчет и стихи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского Университета 6 июля 1820 г. – Москва: Университетская типография, 1820. – С. 1-28. – С. 19.

²⁹⁷ Там же. – С. 12.

своих он составил возможно правильно систему из громадного количества всех российских законов, начиная от Уложения царя Алексея Михайловича, бывшего тогда главным их основанием, и той массы уставов, наказов, инструкций и общих сепаратных указов, разбросанных всюду и нигде в одно целое не собранных»²⁹⁸.

Неизвестно, разделял ли взгляды Д.Н. Свербеева командированный в 1824 г. в Московский университет из Харькова Н.Т. Спасский, занимавшийся под руководством Н.Н. Сандунова на протяжении почти двух лет, но идеи последнего он воспринял как последователь самого лучшего и удобнейшего метода «... преподавания Российского практического правоведения, принятого г-м профессором Сандуновым»²⁹⁹.

Выводы.

1. Формирование направления юридического позитивизма в понимании уголовного права в Харьковском университете на первом этапе развития этой науки связывалось с именами Н.Т. Спасского и А.К. Бабицева. Оба ученых

были последователями воззрений ординарного профессора Московского университета Н.Н. Сандунова (первый – как «слушатель», обучавшийся непосредственно у Н.Н. Сандунова в Московском университете, а А.К. Бабицев – как последователь идей, не проходивший обучения у этого ученого в указанном учебном заведении).

2. В основе взглядов Н.Н. Сандунова находилось так называемое «практическое законоискусство» (по Г.С. Фельдштейну), сущность которого связывалась с потребностью обеспечения деятельности правоприменительных органов (относительно уголовного права речь шла, прежде всего, о процессуальных аспектах правоприменения).

3. Формирование таких идей у Н.Н. Сандунова и его преемников в науке уголовного права осуществлялось под воздействием потребностей практики. Иными словами, Н.Н. Сандунов, как представитель юридического позитивизма, руководствуясь практическими соображениями в своей правоприменительной деятельности, сам был «вынужден» формулировать идеи этого направления правопонимания.

4. Восприняв основные идеи Н.Н. Сандунова, связанные с юридическим позитивизмом, Н.Т. Спасский и А.К. Бабицев развивали их, в первую очередь, при преподавании уголовно-правовых

²⁹⁸ Записки Дмитрия Ивановича Свербеева. 1799-1826. Том 1. – Москва: Типо-литография Товар. И.Н. Кушнерев и Ко, 1899. – 523 с. – С. 98.

²⁹⁹ См. об этом: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 272-273.

дисциплин (что касается А.К. Бабичева, то он в Харьковском университете преподавал также курсы российского публичного права, уголовного и гражданского судопроизводства; развитие последних в зависимости от направления юридического позитивизма, которого придерживался А.К. Бабичев, достоверно неизвестно и требует самостоятельного исследования, выходящего за пределы настоящей работы).

2.3. Формирование естественно-правовых основ понимания уголовного права

Усилия В.Ф. Титарева и К.П. Пауловича, как сторонников естественно-правовых основ понимания уголовного права первой четверти XIX в., требовали особенного внимания к природе человека и обязательного согласования с существующей в то время реакцией государственной власти. Разработке действующего уголовного законодательства представители этой теории отводили второстепенное значение, усматривая в толковании и систематике положительного права технику, ремесло, от которого принципиально отличается подлинная наука права, занятая

выработкой философской естественно-правовой системы³⁰⁰.

В работах В.Ф. Титарева и К.П. Пауловича усматривались зачатки естественно-правовых идей выдающегося представителя эпохи Просвещения Чезаре Беккариа (*Beccaria Cesare*, 1738-1794). Однако каждый из них вносил и свою специфику в понимание естественно-правовых основ уголовного права (прежде всего, на лекциях по «общему уголовному праву» и «российскому уголовному праву»)³⁰¹. Если верить Г.С. Фельдштейну, В.Ф. Титарев придерживался взглядов Ш.-Л. Монтескье и развивал идеи либерализма Иеремии Бентама (*Jeremy Bentham*, 1748-1832), а К.П. Паулович уголовное право рассматривал под влиянием французских философов-просветителей XIX в. – Вольтера (*Voltaire*, 1694-1778) и Дени Дидро (*Denis Diderot*, 1713-1784). В то же время, по сведениям Г.С. Фельдштейна, К.П. Паулович был приверженцем так называемой договорной теории

³⁰⁰ Жоль К.К. *Философия и социология права: Учеб. пособие для вузов.* – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 233.

³⁰¹ Загурский Л.Н. *Опыт истории юридического факультета императорского Харьковского Университета.* – Второе дополнение. – Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1907. – С. 1-16. – С. 9, 11; Загурский Л.Н. *Обозрение предметов преподавания и распределения лекций на юридическом фак[ульте] Харьк[овского] Унив[ерситета] в период 1804-1835 г. // Записки Императорского Харьковского университета.* – 1906. – Книга 3-я и 4-я [Летопись Харьковского Университета]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1907. – С. 1-16. – С. 9, 11.

происхождения государства и права, отстаиваемой в свое время Г. Гроцием, Т. Гоббсом, Дж. Локком, Б. Спинозой, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро и др.³⁰²

Однако, справочные источники периода работы К.П. Пауловича в Харьковском университете, содержат сведения несколько иного характера. Так, в опубликованном в «Журнале Министерства народного просвещения» отчете «О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания» за 1832-1833 академический (учебный) год указывается, что преподавая в Харьковском университете по своим собственным запискам (конспектам) курсы римского права и истории римского права, он руководствовался работами «Гейнекция и Вальдека», а также «Нибура, Гуго и Савиньи»³⁰³ (в последнем случае конспекты К.П. Пауловича по истории римского права, составленные на основе трудов указанных ученых, использовал

при чтении лекций в этом же университете его ученик – А. Криворотов)³⁰⁴. О том, что на своих лекциях К.П. Паулович руководствовался трудами Гейнекция и Вальдека указывается также в других источниках³⁰⁵. Поэтому заявлять о том, что в своей преподавательской деятельности К.П. Паулович отказался от идей родоначальника «исторической школы права» Густава фон Гуго (1764-1844), который «... благодаря своим учебникам по римскому праву, пользовался в Германии большою известностью и ... с 1805 г. сделан был членом русской комиссии составления законов и вследствие этого был несколько знаком с

³⁰² Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 373-374.

³⁰³ О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832-33 Академический год) // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 244.

³⁰⁴ О курсах учения в университетах и Главном Педагогическом институте, с означением Преподавателей каждого предмета и методы их преподавания. – (Извлечено из отчетов за 1832-33 Академический год) // Журнал Министерства народного просвещения. – [1834]. Часть четвертая. – [№ XII. Декабрь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1834. – С. 244; О публичных курсах в университетах на 1834-35 академический год // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть пятая. – [№III. Март]. – [Отдел 3]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1835. – С. 502.

³⁰⁵ Загурский Л.Н. Опыт истории юридического факультета императорского Харьковского Университета. – Второе дополнение. – Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1907. – С. 1-16. – С. 12; Загурский Л.Н. Обзор предметов преподавания и распределения лекций на юридическом фак[ульте] Харьк[овского] Унив[ерситета] в период 1804-1835 г. // Записки Императорского Харьковского университета. – 1906. – Книга 3-я и 4-я [Летопись Харьковского Университета]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1907. – С. 1-16. – С. 12.

ходом русской кодификации того времени»³⁰⁶, очевидно, неправильно.

Вероятней всего, К.П. Паулович перенял у Гуго в изучении законоведения именно «намерение переменить существовавшую сбивчивую и непостоянную, коей доселе последовали в изучении законов, и ввести вместо ея новую, гораздо яснейшую и утвержденную на прочных основаниях Филологии, Истории и здравой Философии»³⁰⁷. Благодаря этому Гуго «обнял все главные роды законов», а именно: гражданские и государственные, к которым он относил в частности: «собственно Государственные Законы», законы церковные, военные и народные, гражданское судопроизводство, уголовные законы и судопроизводство, камеральные или, иными словами, финансовые законы, а также законы полицейские. «Каждую из сих отраслей законов он отделил и образовал в особую и самостоятельную Науку, не теряя впрочем из вида органической связи между ими в целом составе Науки Законоведения. Дабы объяснить существо сей науки и установить точные пределы и

непоколебимые направления, Гуго начертал Юридическую Энциклопедию ..., в которой изложил общее учение о законах и Законоведении, раскрыл направления одного по методе Лейбница, и представил превосходный опыт приложения сих исправлений к главным родам законов, соделавшийся впоследствии образцом преподавания и обрабатывания Науки»³⁰⁸.

Поэтому, положив в основу своих лекций по римскому праву учения Гуго относительно структуры науки законоведения, К.П. Паулович неизбежно вынужден был на своих занятиях преподавать эту дисциплину так, как это было общепринято в то время в немецких университетах, а именно «трояким образом: исторически, толковательно и догматически»³⁰⁹.

В то же время исследовательская работа Титарева и Пауловича в области уголовного права связывалась в литературе с их реакцией на положения российского уголовного законодательства того времени, прежде всего, его суровость, несоразмерность тяжести совершенного преступления и суровости

³⁰⁶ Тарасов Е. Учебные годы Н.И. Тургенева в Геттингене // Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. Часть LXXV. – 1916. Октябрь. – Петроград: Сенатская типография, 1916. – С. 145-164. – С. 149.

³⁰⁷ Благовещенский А. История метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. – [1835]. Часть шестая. – [№VI. Июнь]. – Санктпетербург: в типографии Императорской Академии Наук, 1835. – С. 375-441. – С. 388-389.

³⁰⁸ Там же. – С. 392-393.

³⁰⁹ Там же. – С. 403. «История объемлет весь состав Римских Законов до Юстиниана и занимает особую кафедру ... Толкование ограничивается только некоторыми частями Римских до-Юстиниановых и Юстиниановых Законов ... Догматические уроки разделяются на два рода: на Институты ... и Пандекты ... и ограничиваются только Гражданскими Законами» (там же. – С. 403-404).

предусмотренного наказания, отсутствие руководящих принципов. Как результат, отстаивалась необходимость реформирования уголовного права «в духе поставления на первом месте личности, требующей бережного отношения к ней государства в его стремлении преодолеть преступность»³¹⁰.

Выводы.

1. Основу естественно-правового направления в уголовном праве, развиваемого В.Ф. Титаревым и К.П. Пауловичем, заложило изучение философско-политических и этико-правовых трудов таких представителей эпохи просвещения, как Ч. Беккариа, Ш.-Л. Монтескье, И. Бентам, Вольтер, Д. Дидро, Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, Ж.-Ж. Руссо и др.

2. В.Ф. Титарев и К.П. Паулович стали теми учеными, чья научная деятельность в области уголовного права осуществлялась в период господства естественно-правовых «представлений о человечестве как о некотором организме, который развивается по известным общим законам»³¹¹. Такие идеи являлись

своеобразной «реакцией» на положения российского уголовного законодательства, наличие которой требовало проведения соответствующих реформ.

Раздел III.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ИМПЕРАТОРСКОМ ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ (1804-1834)

1. На протяжении 1804-1834 гг. представители уголовно-правовой науки в Харьковском университете старались отстаивать в своих исследованиях и на занятиях собственный взгляд понимания уголовного права, его социальной сущности и назначения, функций, «компонентов», связей с правоприменительной практикой и т.д. или, по крайней мере, представить основные позиции по этим вопросам, опубликованные другими исследователями. Сложно сказать, пребывали ли такие взгляды в некоем «состоянии конкуренции» в указанный период, но бесспорным остается одно – единственно правильного и обоснованного подхода (на концептуальном уровне) на понимание уголовного права представителям этой науки в Харьковском университете выработать не удалось. Вряд ли можно говорить и о том, что такие

³¹⁰ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 373, 380.

³¹¹ Жоль К.К. Философия и социология права: Учеб. пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 256.

ученые преследовали цель согласовать свои взгляды с позициями их предшественников в науке уголовного права в Харьковском университете или выработать единственно правильный подход к пониманию уголовного права, его назначения, функций и пр.

2. В период 1804-1834 гг. в Харьковском университете сформировалось несколько основных направлений понимания уголовного права, каждое из которых повлияло на последующее развитие уголовно-правовой науки в этом учебном заведении. Причем каждое из сформированных на протяжении 1804-1834 гг. направлений разрабатывалось в последующие этапы развития уголовно-правовой науки в Харьковском университете.

Все указанные направления соответствовали узкому и широкому подходам в понимании права вообще.

В зависимости от **узкого понимания** права основные направления в уголовном праве у представителей этой науки в Харьковском университете периода 1804-1834 гг. можно определить как:

а) *юридический позитивизм*, представленный Н.Т. Спасским и А.К. Бабичевым, которые в своих трудах ориентировались на наработки профессора Московского университета Н.Н. Сандунова. Его содержание выражает также встречающееся в литературе понятие

«практическое направление (течение)» в уголовном праве;

б) *историческое направление*, разрабатываемое И.Ф. Тимковским, Г.П. Успенским и К.Ф. Михайловским на основе подходов А.Я. Поленова и С.Е. Десницкого, представлявшими соответственно Академию наук в Петербурге и Московский университет, а также И.Н. Даниловичем, проводившим уголовно-правовые исследования в соответствии с концепциями немецкого криминалиста Эдуарда Генке. Употребляемое в литературе (Г.С. Фельдштейн) для характеристики подходов понимания уголовного права понятие «историко-догматическое направление» (его последователями называются И.Ф. Тимковский, Г.П. Успенский и К.Ф. Михайловский) и понятие «историко-философское направление» (представленное И.Н. Даниловичем, которого иногда также называют сторонником историко-сравнительного направления) соответствуют содержанию (его части) исторического направления или исторической школы в уголовном праве.

Исходя из **широкого подхода** к пониманию права, уголовно-правовая наука в Харьковском университете периода 1804-1834 гг. была представлена лишь одним направлением – *естественно-правовым*. Его содержание было отражено

во взглядах В.Ф. Титарева и К.П. Пауловича.

3. Понимание уголовного права формировалось у указанных представителей уголовно-правовой науки в Харьковском университете на основе:

а) их обучения под непосредственным руководством российских ученых, получивших образование в западноевропейских учебных заведениях (например, И.Ф. Тимковский, обучаясь в Московском университете, овладевал юридическими науками у выпускника университета Глазго и ученика Джона Миллара – С.Е. Десницкого);

б) взглядов российских ученых, обучавшихся и/или работавших в западноевропейских учебных заведениях и преподававших впоследствии в российских учебных заведениях (так, именно понимание уголовного права, выработанное выпускником университетов Страсбурга и Геттингена А.Я. Поленовым, стало основой последующих исследований И.Ф. Тимковского, Г.П. Успенского и К.П. Михайловского);

в) подходов западноевропейских ученых, которые никогда не работали в российских учебных заведениях (например, учения немецкого криминалиста Эдуарда Генке стали основой для понимания И.Н. Даниловичем уголовного права в историческом

направлении, а подходы сторонников естественного права в Западной Европе повлияли на формирование идей В.Ф. Титарева и К.П. Пауловича);

г) взглядов российских ученых, которые никогда не обучались в зарубежных учебных заведениях юридическим наукам (таким ученым был профессор Московского университета Н.Н. Сандунов, последователями идей которого были Н.Т. Спасский и А.К. Бабичев; причем Н.Т. Спасский занимался под непосредственным руководством Н.Н. Сандунова в Московском университете).

4. Формирование собственного понимания уголовного права у представителей этой науки в Харьковском университете в указанный период оказало прямое влияние на основание научной школы, существенными признаками которого (основания) следует считать по крайней мере:

а) получение юридического образования и изучение отдельных дисциплин, связанных с уголовным правом, с учетом раскрытых в п. 3 выводов; причем такое образование оказалось способным сформировать у указанных ученых в процессе обучения собственное понимание как права вообще, так и уголовного права в частности в узком или широком смысле (см. п. 2);

б) осуществление уголовно-правовых исследований в зависимости от узкого и

широкого понимания права, представленного соответственно в направлении юридического позитивизма, историческом и естественно-правовом направлениях;

в) преемственность научных взглядов в указанных направлениях у представителей уголовно-правовой науки в Харьковском университете на протяжении 1804-1834 гг. (например, достоверно известно, что последователем И.Ф. Тимковского на кафедре прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи Харьковского университета стал Г.П. Успенский, развивавший историческое направление в понимании уголовного права; в то же время учеником И.Н. Даниловича, воспринявшим его историческое понимание уголовного права, был Г.С. Гордеенко).

5. Для иллюстрации особенностей формирования и развития указанных направлений понимания уголовного права в Харьковском университете на первом этапе (1804-1834) их следует сравнить с направлениями, которые также формировались и развивались представителями этой науки в Университете Святого Владимира и в Новороссийском университете на первых этапах их становления (в первые десятилетия).

Сравнение это касается формирования и развития направлений правопонимания только в этих университетах прежде всего потому, что все они с момента их открытия и до начала XX в. определяли состояние науки уголовного права на украинских землях, входивших в состав Российской империи, имели статус императорских и самостоятельные кафедры, на которых преподавались уголовно-правовые дисциплины. Это поможет не только конкретизировать особенности направлений, которыми была представлена наука уголовного права в университетах Харькова, Киева и Одессы на начальных этапах своего развития, но и проследить взаимосвязь трудившихся в этих учебных заведениях представителей уголовно-правовой науки.

Основание в Киеве в 1834 г. Императорского Университета Святого Владимира обусловило объединение научных усилий нескольких поколений его работников и последующих выпускников с целью проведения исследований в области уголовного права. Причем основы уголовно-правовой науки в этом новообразованном учебном заведении, также как и в первые годы работы Харьковского университета, определяли представители иных отраслей правоведения (в Киеве это были И.Н. Данилович, С.О. Богородский, В.Г.

Демченко, П.Д. Колосовский), вынужденные строить свои подходы на господствовавшем в первой четверти XIX в. историческом понимании уголовного права (в меньшей мере это относится к факультативному значению сравнительно-правового метода, который указанные ученые использовали в своих трудах и на занятиях со студентами). Никто из них не был специалистом в области уголовного права, но все они в определенной мере повлияли на становление и развитие этой науки в Университете Святого Владимира. Прежде чем занять должность ординарного профессора кафедры законов полицейских и уголовных в этом учебном заведении в 1835 г. и стать первым деканом его юридического факультета, И.Н. Данилович на протяжении 1825-1830 гг. занимал должность ординарного профессора кафедры прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи и декана отделения нравственных и политических наук в Харьковском университете. В этот период И.Н. Данилович оказал влияние на формирование уголовно-правовых взглядов Г.С. Гордеенко, начавшего преподавательскую деятельность в Харьковском университете с 1834-1835 учебного года и также придерживавшегося подходов Эдуарда Генке. Однако, говоря об особенностях правопонимания Г.С. Гордеенко, в литературе (Г.С.

Фельдштейн) его называют не только последователем историко-философского направления в изучении уголовного права, унаследовавшим от своего учителя руководящие принципы Эдуарда Генке, но и сторонником «психологического обоснования уголовного права», строявшего свои взгляды «... на психологии преступника и ... на почве опытов уголовного законодательства»³¹².

Этого же мнения относительно преемственности взглядов Г.С. Гордеенко от И.Н. Даниловича придерживаются современные авторы. Так, А.И. Чучаев, дублируя мнение Г.С. Фельдштейна, указывает на то, что Г.С. Гордеенко был «учеником И.Н. Даниловича, для которого уголовное право не было основным занятием ни в науке, ни в педагогике, читавшего курс уголовного права, основываясь главным образом на воззрениях Эд. Генке»³¹³. В то же время

³¹² Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 394-395, 462.

³¹³ Чучаев А.И. Г.С. Гордеенков – представитель Харьковской школы уголовного права // 10 років чинності Кримінального кодексу України: проблеми застосування, удосконалення та подальшої гармонізації із законодавством європейських країн: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 13-14 жовт. 2011 р. / редкол.: В.Я. Тацій (голов. ред.), В.І. Борисов (заст. голов. ред.) та ін. – Х.: Право, 2011. – С. 92; Чучаев А.И. Проблемы в методах науки уголовного права // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 191-194. – С. 194. Во второй из указанных работ А.И. Чучаев пишет: «Г.С. Гордеенков выступает активным сторонником воззрений своего учителя.

заслуживает внимания вывод А.И. Чучаева о доминировании в трудах Г.С. Гордеенко догматического учения, в то время как историческому методу познания, или историзму, в уголовном праве ученый отводит второстепенное значение³¹⁴. А.В. Наумов называет Г.С. Гордеенко сторонником «разрешения практических уголовно-политических задач», фактически связывая с этим определенные характеристики юридического позитивизма³¹⁵.

Не оспаривая общей характеристики и первоочередного значения в трудах Г.С. Гордеенко психологического направления (Г.С. Фельдштейн), догматического учения (А.И. Чучаев), юридического позитивизма (А.В. Наумов) и пр. и их преобладания над историческим направлением в понимании

Его докторская диссертация в основном основывается на комбинировании философских начал и исторического опыта уголовной политики, стремящейся «по особенностям исторического момента и местным условиям осуществить идеал права» (Эд. Генке)» (Чучаев А.И. Проблемы в методах науки уголовного права // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 191-194. – С. 194).

³¹⁴ Чучаев А.И. Г.С. Гордеенков – представитель Харьковской школы уголовного права // 10 років чинності Кримінального кодексу України: проблеми застосування, удосконалення та подальшої гармонізації із законодавством європейських країн: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 13-14 жовт. 2011 р. / редкол.: В.Я. Тацій (голов. ред.), В.І. Борисов (заст. голов. ред.) та ін. – Х.: Право, 2011. – С. 94; Чучаев А.И. Проблемы в методах науки уголовного права // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 191-194. – С. 193.

³¹⁵ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 736 с. – С. 167.

уголовного права (поскольку эта тема требует самостоятельного исследования, значительно выходящего за пределы настоящей работы), отмечу следующие важные моменты, которые имеют значение для иллюстрации смены направлений понимания уголовного права в Харьковском университете с началом научной и преподавательской деятельности Г.С. Гордеенко.

Во-первых, И.Н. Данилович оказал влияние лишь на исторический подход понимания Г.С. Гордеенко уголовного права, который со временем отошел на второй план и поступился иным направлениям (психологическому, догматическому и т.д.) в этой науке. Его влияние на формирование иных направлений понимания уголовного права у Г.С. Гордеенко не имело определяющего характера. Поэтому важно предположить, что развитие таких «иных направлений» проходило у Г.С. Гордеенко под влиянием других ученых.

Во-вторых, научная и преподавательская деятельность Г.С. Гордеенко в Харьковском университете ознаменовала начало очередного этапа в развитии науки уголовного права в этом учебном заведении. Этот этап характеризуется, в первую очередь, отказом от главенствующего значения исторического направления в понимании

уголовного права и выходом на первый план направления психологического.

В-третьих, перейдя на службу в Университет Святого Владимира в Киеве, И.Н. Данилович «перенес» доминирующее значение исторического направления в понимании уголовного права на его преподавание в этом учебном заведении как самостоятельной дисциплины. Такой же доминирующий характер исторического направления сохранялся в трудах последователей И.Н. Даниловича на кафедре законов уголовных и законов благочиния Университета Святого Владимира: С.О. Богородского, В.Г. Демченко и П.Д. Колосовского. Такое положение в развитии уголовного права как науки и учебной дисциплины сохранялось в Университете Святого Владимира до 1864 г., когда должность приват-доцента на кафедре уголовного права и уголовного судоустройства и судопроизводства занял А.Ф. Кистяковский – представитель естественно-правового и социологического направлений в понимании уголовного права. Иными словами, в то время как наука уголовного права в Харьковском университете уже претерпевала изменение направлений своего понимания, «отодвигая» на второй план направление историческое и отдавая предпочтение психологическому направлению, в Университете Святого Владимира ученые-

криминалисты продолжали придерживаться доминирующего характера исторического направления в уголовном праве (уже не столь актуального в 1840-х годах по сравнению с иными направлениями понимания уголовного права).

Преподавание курса уголовного права на юридическом факультете Новороссийского университета осуществлялось с 1867-1868 учебного года выпускником Московского университета, преподавателем и директором бывшего Ришельевского лицея в Одессе, коллежским советником А.М. Богдановским (сначала, как исполняющим должность экстраординарного профессора, а впоследствии – экстраординарным и ординарным профессором). С этого времени и на протяжении последующих почти пятнадцати лет А.М. Богдановский был единственным преподавателем уголовно-правовых дисциплин в этом университете. С 1880 г. их преподавание было поручено доценту по кафедре уголовного права и уголовного судоустройства и судопроизводства В.Н. Палаузову, который слушал лекции А.М. Богдановского по уголовному праву во время своей учебы сначала в Ришельевском лицее (1866-1868), а после его окончания – на юридическом факультете Новороссийского университета (1868-1872). Как приверженец

исторического направления в правопонимании, А.М. Богдановский исследовал, в первую очередь, «допетровский» период развития отдельных институтов уголовного права, «когда в нем еще не тронуты чуждыми влияниями национальные начала», обосновывая предположение, «что преемственность в развитии уголовно-правовых идей нашего права совпадает с историческим процессом их хода у других народов»³¹⁶.

Таким образом, отличия (в концептуальном смысле) между становлением и развитием науки уголовного права в императорских университетах Харькова, Киева и Одессы на первых этапах существования каждого из них заключаются, прежде всего, в разнообразии существовавших в этих учебных заведениях направлений понимания уголовного права. Так, если в Университете Святого Владимира и в Новороссийском университете в первые десятилетия их работы это лишь историческое направление, то в Харьковском университете на начальном этапе его становления таких направлений было несколько: 1) направление юридического позитивизма и историческое

направление, существовавшие в пределах узкого понимания права, и 2) естественно-правовое направление, представлявшее широкое понимание права.

На начальных этапах становления и развития науки уголовного права в университетах Харькова, Киева и Одессы ее представители в Харьковском и Новороссийском университетах, в отличие от преподавателей уголовного права в Университете Святого Владимира, не отправлялись на стажировку (в командировки) с научной целью в западноевропейские университеты (речь идет об ординарном профессоре кафедры законов уголовных и законов благочиния С.О. Богородском, который, еще будучи воспитанником Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, для завершения своего образования обучался юридическим наукам в Берлинском университете по указанию М.М. Сперанского). Таковым нельзя считать К.П. Пауловича, поскольку он получил юридическое образование в западноевропейских учебных заведениях, после чего был приглашен для преподавательской деятельности в Харьковский университет и не направлялся руководством последнего за границу для «совершенствования в знаниях».

³¹⁶ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 542 с. – С. 496, 497.

Die Einführung des Systems des Qualitätsmanagements

in den örtlichen Verwaltung in der Ukraine

Abbas Mahmed Aliiev oglu

Doktorand am Lehrstuhl für Staatsverwaltung

Philosophische Fakultät

Kiewer Nationale Universität Taras Schewtschenko

Ukraine

In diesem Beitrag werden die theoretischen Aspekte des Systems des Qualitätsmanagements und die wichtigsten Tendenzen des heutigen Verständnisses solcher Systeme in den örtlichen Verwaltungen behandelt. Detailliert wird die schrittweise Einführung der Qualitätssicherung in der Praxis der ukrainischen Exekutive und der örtlichen Verwaltungen untersucht. Ferner werden die besten Erfahrungen geschildert, die für andere bei der Einführung als Beispiel dienen können: Vosnesensk (Oblast Mykolajev) 2007, Novgorod-Volinskij (Oblast Schetomir) 2009, Dolena (Oblast Ivano-Frankivsk) 2010, Lemberg 2012, Lutsk 2011, Slavutisch 2009, Komsomolesk 2008, Losivsk (Oblast Charkiv) 2010, Kusnetzovsk (Oblast Riven) 2014, Kpivej Rig 2008, Makijvska 2006, Ternopil bis 2017, Chmelnitzk bis 2019, Dnjepropetovsk 2009.

Ein weiterer Akzent wird auf die Zusammenarbeit von ukrainischen örtlichen Verwaltungen mit polnischen Investoren bei der Einführung des Qualitätsmanagements gelegt. So wurde die Einführung internationaler Standards in Berdjansk im Rahmen des Pilotprojekts „Durch Qualität zur Partnerschaft“ möglich, das örtliche Vereine und die Stiftung „junge Demokratie“ (Lublin, Polen) organisierten und durchführten. Die Fehler des Programms von 2006 – 2011 zur Einführung der Qualitätsmanagements in den örtlichen Verwaltungen wurden bearbeitet, ebenso eine Auswahl der grundlegenden Probleme herausgearbeitet, die bei der Einführung des Qualitätsmanagements in den örtlichen Verwaltungen aufgetreten sind.

**Впровадження Системи управління якістю
в роботу місцевих органів управління України**

Алієв Аббас Мемед огли

аспірант кафедри державного управління

філософського факультету

Київського національного університету імені Тараса Шевченка

Україна

Постановка проблеми.

Актуальність теми даного дослідження, полягає в тому, що в сучасних умовах інтеграція України до Європейського Союзу змусила місцеві органи влади започаткувати реформування. І, як виявилось, найбільш вдало українські органи місцевого самоврядування застосовують системи управління якістю. Характерними показниками цього складного процесу та його наслідків є те, що велика кількість мерів міст вважають: це дасть змогу місту залучити зовнішніх інвесторів або служитиме підтвердженню їх як лідерів муніципального руху. Досить мала кількість керівників місцевих органів влади систему управління якістю згідно зі стандартами ISO 9001 розглядають як інструмент управління. Більшість з них вбачають її формальною, хоча і прийнятою на добровільній основі, побажанням. Тому результати також є формальними. Однак ті

керівники міст, які по-справжньому хочуть використовувати привілеї системи управління якістю, здійснюють певний у покращенні якості послуг для своїх мешканців. Сьогодні вже накопичено досвід багатьох міст, де було успішно впроваджено Систему управління якістю. Свідченням цього є приклади таких міст, як Вінниця, Івано-Франківськ, Луцьк, Конотоп, Вознесенськ та інші.

Існує також чимало міських рад, де керівництво ще не визначилося, чи варто докладати зусиль для впровадження цієї системи. Тому нагальною проблемою є розгляд досвіду міських рад України, які вже запровадили Систему управління якістю і можуть поділитися цим досвідом.

Аналіз останніх досліджень і публікацій.

Серед вагомих наукових досліджень з питань професіоналізації управління шляхом визначення та впровадження систем якості в органах місцевого самоврядування та проблем розробки теоретичних основ впровадження систем якості в роботу органів місцевого самоврядування досліджувались у працях вітчизняних вчених: О. Берданової, Ю. Шарова, Т. Маматової, Т. Пахомової, Т. Мотренко, М. Лахиджі, П.Прокоп, Д. Неліпи та ін.

Метою статті є висвітлення основних прикладів впровадження Системи управління якістю в роботу органів місцевого самоврядування та визначення переваг та недоліків впровадження. Для досягнення поставленої мети необхідно вирішити такі дослідницькі завдання: теоретично пояснити поняття Система управління якістю; описати приклади впровадження системи управління якістю в органах місцевого управління, дослідити світовий досвід (на прикладі Польщі) впровадження системи управління якістю в державному управлінні; визначити основні переваги та недоліки від впровадження Системи управління якістю.

Виклад основного матеріалу дослідження.

Слід зазначити, що питання ефективності роботи органів влади завжди було предметом уваги українських науковців. Але управління якістю в органах державного управління на основі міжнародного стандарту ISO 9001:2000 стало предметом дослідження лише в останні роки. Зокрема потрібно відзначити статтю професора Одеського регіонального інституту державного управління Національної академії державного управління при Президентіві України Т. Пахомової, яка вже у 2003 р. спробувала проаналізувати світовий та вітчизняний досвід впровадження системи управління якістю в роботу органів влади¹. Це питання порушувалося нею і 2004 р. у доповіді на науково-практичній конференції за міжнародною участю².

Систему управління якістю можна визначити як “здоровий глузд у систематизованій формі”. Вона створює надійний зв’язок між клієнтом та організацією, яка надає послуги або постачає товари. Такий зв’язок встановлюється за умови застосування у

---

¹ Пахомова Т. Забезпечення якості та управління нею в органах публічної влади / Т. Пахомова // Право України. – 2003. – № 8. – С. 15–21.

² Пахомова Т. Управління якістю в органах державного управління як необхідна складова їх ефективного функціонування / Т. Пахомова // Актуальні теоретико-методологічні та організаційно-практичні проблеми державного управління : Матеріали наук.-практ. конф. за міжнар. участю. – К., 2004. – Т. 1. – С. 92–93.

роботі системи якості, яка забезпечує задоволення клієнта та знижує витрати організації. Стратегічне управління спирається на людський потенціал як основу організації або на територіальну громаду як основу будь-якої території, орієнтує їх діяльність на запити споживачів, здійснює гнучке регулювання і забезпечує своєчасні зміни об'єкта управління, які відповідають викликам з боку зовнішнього середовища. Саме це дозволяє досягати мети функціонування організації/території/ держави та домагатися конкурентних переваг у довгостроковій перспективі. Стратегічне управління постійно фіксує, що необхідно робити сьогодні для досягнення бажаних цілей у майбутньому. Сутність стратегічного управління робить його обов'язковим інструментом муніципального менеджменту в сучасних умовах, коли зміни відбуваються надзвичайно швидко, а традиційні територіальні конкурентні переваги часто втрачають своє значення як вирішальні фактори розвитку(Див таб.1)³.

Ключові дії під час реалізації основних етапів проекту створення системи управління якістю.

---

³ Берданова О., Вакуленко В. Стратегічне планування місцевого розвитку. Практичний посібник / [Берданова О., Вакуленко В.]; Швейцарсько-український проект «Підтримка децентралізації в Україні – DESPRO. – К. : TOB «Софія-А». – 2012. – 88 с.

Найбільш поширена схема впровадження складається з таких етапів⁴:

- 1) Планування розробки СУЯ, створення координаційної ради з якості та групи розробки.
- 2) Визначення політики та цілей в сфері якості.
- 3) Проведення функціонального обстеження та діагностичного аудиту на відповідність ДСТУ ISO 9001-2009 з висновками та рекомендаціями.
- 4) Внесення змін до положень про підрозділи та посадових інструкцій.
- 5) Внесення змін до організаційної структури.
- 6) Складання переліків послуг та процесів.
- 7) Планування особливостей документування СУЯ.
- 8) Опис процесів та послуг СУЯ.
- 9) Навчання внутрішніх аудиторів та проведення внутрішнього аудиту.
- 10) Критичне аналізування з боку вищого керівництва.
- 11) Сертифікація.

Сучасним завданням України щодо впровадження та сертифікації систем

---

⁴ Підгаєць П., Бригілевич І. Система управління якістю як інструмент вдосконалення діяльності органу місцевого самоврядування. Методичний посібник / [Підгаєць П., Бригілевич І. – К.]; Швейцарсько-український проект «Підтримка децентралізації в Україні – DESPRO». – К. : TOB «Софія-А». – 2012. – 134 с.

управління якістю у сфері державного управління визначено Постановою КМУ від 11.05.2006 р. № 614 «Про затвердження Програми запровадження системи управління якістю в органах виконавчої влади». А в органах місцевого самоврядування впровадження стандарту ISO 9001 розпочалось у 2003 році у Бердянській міській раді з реалізації проекту польською фундацією «Молода демократія» з використанням міжнародної фінансової допомоги. Процес впровадження Системи управління якістю був дуже складним, але все ж таки закінчився реалізацією цього проекту та став найпершим реальним запровадженням системи управління якістю у виконавчих органах міської ради. Тепер понад два десятки органів самоврядування в Україні впровадили цей стандарт і одержали сертифікат якості⁵.

Метою впровадження Системи управління якістю для органу місцевого самоврядування є покращення діяльності, тобто підвищення результативності і ефективності її шляхом удосконалення функціонування структурних підрозділів і

---

⁵ Підгаєць П., Бригілевич І. Система управління якістю як інструмент вдосконалення діяльності органу місцевого самоврядування. Методичний посібник / [Підгаєць П., Бригілевич І. – К.]; Швейцарсько-український проект «Підтримка децентралізації в Україні – DESPRO». – К. : ТОВ «Софія-А». – 2012. – 134 с.

їх посадових осіб та підвищення якості послуг, що надаються громадянам⁶.

Як зазначає Неліпа Д.В. у своїй статті у демократичному суспільстві державна служба має забезпечувати дотримання прав та свобод людини і громадянина через надання фізичним та юридичним особам якісних державних послуг, а також послуг політичному керівництву країни⁷.

Упровадження Системи управління якістю сьогодні здійснюється адміністративними методами, які є умовно придатними для центральних і місцевих органів виконавчої влади і не є такими для органів місцевого самоврядування⁸.

На даний час єдиним органом державної влади в Україні, в якому повністю запроваджена та сертифікована система управління якістю, є Національне

---

⁶ Підгаєць П., Бригілевич І. Система управління якістю як інструмент вдосконалення діяльності органу місцевого самоврядування. Методичний посібник / [Підгаєць П., Бригілевич І. – К.]; Швейцарсько-український проект «Підтримка децентралізації в Україні – DESPRO». – К. : ТОВ «Софія-А». – 2012. – 134 с.

⁷ Неліпа Д.В. Основні чинники забезпечення якості державної служби [Електронний ресурс] / Д.В. Неліпа // Вісник НАДУ. – 2015. – № 1. – Режим доступу: <http://visnyk.academy.gov.ua/wp-content/uploads/2015/04/10.pdf>.

⁸ Шаров Ю. П. Запровадження демократичних інституційних стандартів професійної діяльності державних службовців та посадових осіб місцевого самоврядування / Ю. П. Шаров, Л. Г. Штика, С. М. Коник, Л. М. Гогіна // Матеріали роботи групи щодо обґрунтування політики / стратегії дій з реалізації пріоритетного напрямку. – Режим доступу // http://www.academy.gov.ua/reform/docs/priorit1_5_1.doc.

агентство України з питань державної служби (сертифікована у жовтні 2005 р.). З 2006 р. виконується 8 робота з поширення діючої системи на територіальні органи Національного агентства України з питань державної служби⁹.

Досвід упровадження стандартів управління якістю в роботу органів влади різних країн свідчить про необхідність ретельного виписування робочих процедур, контролю за їх виконанням. Важливим є обов'язкове постійне удосконалення, пов'язане з наявністю чіткої правової бази, відповідного фінансування та матеріального і технічного забезпечення. Головним фактором є підбір кваліфікованих кадрів, постійна турбота про підвищення їх кваліфікації, створення належних умов для реалізації потенційних можливостей¹⁰.

Також очевидно, що впровадження такої системи не повинно відбуватися механічно. Для українських міст краще використовувати вже існуючий

---

⁹ Мотренко Т. Запровадження системи управління якістю в органах виконавчої влади / Т. Мотренко // Бюрократ. – 2006. – № 11–13. – С. 2–11.

¹⁰ Лахижа М. Іноземний досвід впровадження системи управління якістю в роботу органів влади / М. Лахижа // Вісник державної служби України. – 2006. – №3. – С.40–46; Лахижа М. Модернізація публічної адміністрації в Україні на базі європейського досвіду: етичні та кадрові аспекти / М. Лахижа // Економічна безпека країни: проблеми теорії та практики в умовах трансформації форми влади : матер. міжнар. наук.-практ. конф., 24-25 квітня 2007 р. – Полтава : ПУСКУ, 2007. – Ч. 2. – 165 с.

позитивний практичний досвід, реальний аналіз вже здійснених проектів, обмежити обсяг процедурних вимог системи. Те, що в результаті цього створюється, та система якості, яка формально подається на сертифікацію, повинні творчо використовувати попередні результати роботи керівництва територіальних громад і створювати можливості для розвитку і адаптації до умов, що змінюються. При цьому не можна забувати, що головною метою системи управління якістю є відповідь на очікування клієнтів, якими є жителі територіальних громад українських міст і сіл¹¹.

Слід виділити органи місцевого самоврядування України, які запровадили Систему управління якістю (єдиний реєстр відсутній)¹²:

1. м.Вознесенськ (Миколаївська область) – 2007 р., витрати на впровадження –100000 грн.;
2. м.Новгород – Волинський (Житомирська область) – 2009 р.,

---

¹¹ Хоруженко О.О.Впровадження міжнародної норми якості ISO 9001:2000 в роботу органів місцевого самоврядування. - Режим доступу: <http://dialogs.org.ua/ru/periodic/page11844.html>.

¹² Система управління якістю при наданні муніципальних послуг у відповідності до вимог ISO 9001: 2008: існуючі практики та напрямки удосконалення. Режим доступу: http://www.minregion.gov.ua/attachments/content-attachments/1395/System_quality_PROON2012.pdf.

витрати на впровадження 80 000 грн.;

3. м.Долина (Івано-Франківська область) – 2010 р., витрати на впровадження 55000 грн.;

4. м.Львів – 2012 р., витрати на впровадження 98500 грн.;

5. м.Луцьк – 2011 р.;

6. м.Славутич – 2009 р.;

7. м.Комсомольськ –2008 р.;

8. м.Лозівськ (Харківська область) – 2010 р.;

9. м.Кузнецовск (Рівненська область) – 2014 р.;

10. м.Кривий Ріг – 2008 р.;

11. м.Макиївка –2006 р.;

12. м.Тернопіль (до 2017 р.);

13. м.Хмельницьк (до 2018 р.).

Дніпропетровськ став першим мегаполісом, у якому впроваджено СУЯ у виконкомі міської ради (2009 р.). Чотири районні у місті Дніпропетровську ради: Жовтневий, АНД, Індустріальний, Кіровський у 2010 році отримали сертифікат Системи управління якістю¹³.

Нещодавно Виконавчий комітет Хмельницької міської ради отримав Сертифікат відповідності міжнародному стандарту ISO 9001:2008 і національному

---

¹³ Маматова Тетяна Валеріївна. Управління якістю при наданні публічних послуг. Режим доступу: <http://www.slideshare.net/TMamatova/ss-32259727>.

стандарту ДСТУ:2009 у сфері діяльності «Надання адміністративних та інших послуг в сфері управління Хмельницької міської ради». Сертифікат видано на підставі результатів аудиту, проведеного органом сертифікації систем управління ТОВ «Глобал Сертифік» (місто Київ) та оцінки системи управління якістю вимогам стандарту. Термін дії сертифікату – до 26 лютого 2018 року¹⁴.

Також Тернопільська міська рада успішно пройшла аудит системи управління якістю. Сертифікати діятимуть до листопада 2017 року за умови щорічного успішного проходження наглядового аудиту¹⁵.

Напрацювання польських органів публічної влади з упровадження Системи управління якістю стали для нас основним та провідним прикладом наслідування.

Найбільш доступний для вивчення є досвід Польщі. Саме він детально вивчався Національним агентством України з питань державної служби та Управлінням державної служби ГУДСУ в Полтавській області у рамках пілотного проекту

---

¹⁴ Черговий Сертифікат на відповідність міжнародним стандартам якості управління отримав виконавчий комітет Хмельницької міської ради. - Режим доступу: <http://khmelnytsky.com/>.

¹⁵ Тернопільська міська рада успішно пройшла аудит системи управління якістю. - Режим доступу: <http://www.rada.te.ua/novyny/32705.html>.

«Розвиток спроможності державної служби у сфері європейської інтеграції»¹⁶.

Безумовно, що передумовою якісного управління у Польщі стала адміністративно-територіальна реформа. Спільним між польською та українською адміністративно-територіальними реформами є спрямованість на децентралізацію влади, перенесення основної частини відповідальності за підвищення рівня життя населення на місцеве самоврядування. Польська адміністративна система, ще з радянських часів, базувалася на домінуванні відомчої структури над територіальною, значній централізації влади і концентрації адміністративних повноважень на центральному рівні. Така структура характеризувалася хаотичністю та неузгодженістю поділу завдань і компетенцій, відсутністю можливостей впливу громадян на політику властей та відсутністю громадського контролю, високим рівнем централізації бюджетної системи, утримуванням за рахунок бюджету усієї розгалуженої структури громадського сектору, та розгалуженою структурою урядової адміністрації. Як

---

¹⁶ Лахижа М. Впровадження системи управління якістю за стандартом ISO 9001:2000 в органах влади (вітчизняний та зарубіжний досвід) (методичні матеріали для державних службовців та посадових осіб місцевого самоврядування). – Полтава, 2007. – 26 с.

бачимо, всі ці проблеми характерні і для нашої держави¹⁷.

Напрацювання польських органів публічної влади з упровадження Системи управління якістю в їх роботу активно розповсюджується через міжнародні грантові програми та різного роду спільні проекти в Україні. Упровадження міжнародних стандартів управління якістю в м. Бердянську стало можливим за умов реалізації в 2002-2003 рр. пілотного проекту «Через якість – до партнерства», ініційованого громадськими організаціями м. Бердянськ та Фондацією «Молода демократія» (м. Люблін, Польща) за сприяння польсько-американської програми RITA¹⁸.

Слід зауважити, що протягом 2006-2011 рр. діяла українська Програма запровадження системи управління якістю в органах виконавчої влади, яка, на жаль, не досягла поставленої мети та була відмінена. Однією з причин неефективної реалізації Програми була відсутність визначеного на рівні центральних органів виконавчої влади органу, до повноважень

---

¹⁷ Лахижа М. Впровадження системи управління якістю за стандартом ISO 9001:2000 в органах влади (вітчизняний та зарубіжний досвід) (методичні матеріали для державних службовців та посадових осіб місцевого самоврядування). – Полтава, 2007. – 26 с.

¹⁸ Прокоп П., Гудзь М., Бастрига І. Досвід впровадження міжнародної системи управління якістю ISO 9001:2000 на муніципальні послуги у Бердянську / П. рокоп, М. Гудзь, І. Бастрига // Вісник НАДУ. – 2004. – № 1. – С. 282 – 289.

якого б належали питання координації та контролю впровадження системи управління якістю послуг в органах виконавчої влади. Безумовно, для отримання результату від впровадження системи управління якістю цей “гіркий” досвід необхідно врахувати та у плані заходів передусім визначити центральний орган виконавчої влади, відповідальний за впровадження системи. Запровадження системи управління якістю завдяки підвищенню якості комунікацій між органами виконавчої влади і суспільством сприятиме підвищенню результативності й ефективності державного управління, зменшенню необґрунтованих або зайвих витрат (у тому числі витрат часу), підвищенню якості управлінських рішень та прозорості механізму їх прийняття, а через це – розвитку економіки України, що приведе до підвищення авторитету органів виконавчої влади серед громадян і покращенню міжнародного іміджу України.¹⁹

Висновок

---

¹⁹ Калита Т. Вдосконалення управління на засадах стандартів ISO серії 9000 : принципи та особливості їх використання в органах влади / Т. Калита // Світ якості України. – 2007. – № 1–2. – С. 10–13.

Калита Т. Система управління якістю в органах державної влади / Т. Калита // Світ якості України. – 2004. – № 4. – С. 11–12.

Прогноз щодо перспектив впровадження Системи управління якістю в місцевих органах управління є невтішним. Прагнення України увійти до Європейського Союзу тягне за собою невідкладне застосування Системи управління якістю не тільки в місцевих органах управління, а також в усіх державних органах України.

За статистичними даними громадяни прагнуть вирішувати свої різноманітні проблеми, в тому числі й захищати свої порушені права, насамперед на місцях. До вищих інстанцій вони змушені звертатися, очевидно, у тих випадках, коли неможливо вирішити питання на рівні місцевих органів влади. Водночас, як свідчить аналіз, переважна більшість питань, які містяться у зверненнях громадян, є компетенцією саме місцевих органів державного управління. Відсутність достатньої уваги та належного реагування щодо порушених питань, недовіра людей до службових осіб на місцях породжує велику кількість звернень у державні органи, особливо правоохоронні²⁰.

Отже, впровадження системи управління якістю ISO 9001 для органів місцевого самоврядування є вже вимогою

---

²⁰ Право громадян на звернення до органів державної влади та місцевого самоврядування, підприємств, установ та організацій. - Режим доступу: www.carpathia.gov.ua.

часу та основою налагодження партнерських відносин із громадою. Вимоги стандарту щодо відповідальності керівництва, аналізу та контролю процесів діяльності, дії з удосконалення цієї діяльності, розробки документації системи управління створюють базу для формування органу місцевого самоврядування, який орієнтований на замовника послуг, тобто громадянина.

Основні переваги від впровадження системи управління якістю:

- 1) система забезпечує послідовну діяльність, що відповідає вимогам попередньо встановлених процедур надання адміністративних послуг та їх постійне вдосконалення;
- 2) система створює перспективу покращення рівня менеджменту та нагляду в системі управління, наприклад, для підвищення рівня прозорості в системі внутрішнього документообігу, чіткого розподілу повноважень, завдань та відповідальності;
- 3) система забезпечує досить високий та прогресивний стандарт обслуговування та повний інформаційний пакет для жителів територіальної громади;
- 4) доцільне та ефективне використання ресурсів, особливо людських;
- 5) пристосування до функціонуючих в ЄС стандартів якості, що сприятиме в майбутньому легшому доступу до

структурних фондів ЄС через підтвердження використання міжнародних процедур управління якістю;

б) збільшення якісних та перспективних контактів з потенційними грантодавцями, закордонними партнерами та інвесторами;

7) сертифікат якості ISO є незамінним та надійним підтвердженням високої якості задоволення суспільних потреб в територіальній громаді.

Впровадження Системи управління якістю розпочалося ще з 2001 року, але проблеми під час впровадження Системи управління якістю залишаються. Ці проблеми потребують нагального вирішення.

Серед них слід виділити:

1) здобуття сертифікату є головною ціллю державної установи, а не покращення управління містом, селешем, селом;

2) поліпшення якості муніципальних послуг знаходяться на другорядному місці;

3) присутня складна ієрархія вирішення питання у виконавчих органах місцевих рад;

4) доволі заплутана або зовсім відсутня комунікація між підрозділами організації;

5) несприймання працівниками нововведень, інновацій та відсутній прояв ініціативи, низька компетентність кадрів;

6) керівники і управлінці не зацікавлені у впровадженні Системи управління якістю;

7) на початковому етапі впровадження недостатньо стимулів і цілей стандарту;

8) суперечливість вищих нормативних актів, які регулюють діяльність органів самоврядування, посилення на верховенство законодавчих актів стосовно вимог стандарту;

9) досить незрозуміла термінологія ISO 9001:2001;

10) деякі публічні послуги надаються не в повному обсязі і неналежної якості, окремі види взагалі не надаються;

11) нестача коштів на впровадження, отримання сертифікату чи на пересертифікацію.

Підвищення швидкості вирішення цих питань є вигідним не тільки для органу місцевого самоврядування, але й для громадян України, яких він обслуговує, і для благополуччя країни в цілому.

Таблиця 1

Розвиток території в довгостроковій перспективі за допомогою формування динамічного балансу із зовнішнім середовищем.	Стратегічне управління
Погляд назовні, пошук нових можливостей у конкурентній боротьбі, відслідковування змін у зовнішньому середовищі та адаптація до них.	
Орієнтація на довгострокову перспективу.	
Люди, система інформаційного забезпечення, ринок.	
Погляд на працівників як на основу організації, її основу цінність і джерело благополуччя.	
Ефективність виражається в тому, наскільки своєчасно територія може реагувати на нові виклики і змінюватися залежно від них.	

**Financial Resources as the Object of Legal Regulation in Terms
of Ukrainian Statehood Development**

Olga Getmanets

*Kharkiv National University of Internal Affairs,
head of the chair of legal guaranteeing of economic activities
Ukraine*

Legal regulation of public finances in Ukraine under the threat of state integrity, economic and political instability in the early XXI century requires examination of all factors influencing the formation of conceptual theory of law of Ukrainian statehood. Politician V. Vynychenko determines the statehood as a complex of institutions of economy, politics, culture, operating on the territory inhabited by the national group, which link it to the contact integrity, ensuring the development at the present time and in the future¹. The main features of the statehood including: public authorities, courts and judiciary, military forces, financial system, fiscal system, the system of legal norms, population and territory are analyzed in the current legislation and research of the scholars. However, topical is the research of legal principles of forming a stable and efficient financial system to ensure the material needs of the operation and development of all regions of the country and

---

¹ R. Korshuk, Ukrainian Statehood – Myth or Reality // Forum Natsii. Newspaper of the Congress of National Communities of Ukraine. – 09.11.2009 // <http://www.forum.kiev.ua/2009-11-90/90-01.html>

every citizen in terms of reforming the economy and the protection of political and economic priorities of Ukrainian state.

The necessity of building a general theory of national security as an integrated system of knowledge about national security – the general theory of national security, the so-called “knowledge about national security” is grounded in scientific literature². From this perspective, the importance of the knowledge about national security is in developing the algorithm on the formation of interconnected concepts and recommendations for guaranteeing protection of national statehood.

At the present stage of Ukrainian statehood development it is necessary to take into account financial and legal foundations of the functioning of the state economy and its administrative and territorial units as a part of the algorithm of the theory of Ukrainian statehood in the modern state of economic

---

²V.A. Lipkan, Administrative and Legal Grounds of Securing National Safety of Ukraine // Thesis for a doctoral degree by speciality 12.00.07 – administrative law and procedure, financial law; informational law – Kyiv National University of Internal Affairs, Kyiv, 2008.- 36 p.

development of the state and political situation in the country. Finances are used for the distribution of gross domestic product and national income in the state, to control over these activities and the state regulates these relations by normative and legal acts. The state and the movement of state finances, as well as local, depends on the decisions and actions of public administration, which are under the threat of national interests become important and require a balanced legal regulation.

Legal regulation of the formation, distribution, use and control of public finances are studied within the theory of financial law. Well-known and true is the position of the experts in the field of financial law that these are the public finances, unlike private ones, are the object of financial law³. However, the notion of public finances and their role in the financial and legal relations have not found to the present time a final determination in the science of financial law. Most of scholars believe that the financial system of the state includes public centralized and decentralized funds of resources necessary for the functioning of the state, local governments and other public entities⁴. Thus, the concept of publicity of financial resources is not limited by financial resources serving exclusively national needs. However,

---

³ L.K. Voronova, *Financial Law of Ukraine: Textbook* /L.K. Voronova. – K. : Pretsedent, Moia Kniha, 2006. – 448 p.

⁴ p.33

there are other interpretations of the content of the notion “public finances” and their place within the financial system of the state. Scholars in their papers determine that the implementation of the categories “public expenditures” and “public finances” requires a revision of the definition of the financial system of the state and they offer to allocate the subsystems of public and private finances within the financial system of the state for clear differentiation of social relations that cover the object of financial law⁵.

The state finances that are the object of legal regulation by the public entities and private finances, the circulation of which depends on the market economy are clearly differentiated in the science of financial law. Thus, the publicity of finances is due to the legal nature of the formation and functioning of the subjects of public and private form of ownership and to organizational and legal form of their economic activity. Finances of entrepreneurship subjects unlike the finances of business entities, finances of the subjects of state and municipal agencies indirectly depend on financial and legal regulation as soon as they are subject of civil law. Thus, private finances are outside the financial system of the state, which are the object of

---

⁵ A.A. Nechai, *Legal Issues of Regulating Public Expenditures of the State* [Text] : Synopsis of a Thesis for a Doctor of Juridical Sciences: 12.00.07 / A.A.Nechai, Scientific and research institute of financial law of the National Academy of Tax Service of Ukraine and the Academy of Law Sciences of Ukraine. – K., 2005. – 578 p.

financial and legal regulation.

Disputable are also assertion that publicity of state finances is in a public character of the financial activities of the state⁶. The activities of the state and local governments in the field of finances is carried out to form, distribute, use and control both centralized and decentralized funds of resources. All subjects of financial legal relations are involved in the payment of taxes and charges, earnings contributions from business activities and use budget allocations from the state budget, are entitled to transfer payments, etc. From this perspective, the publicity of finances is implemented within the activity of all subjects of these relations not only the state's activity and financial resources that are the object of financial and legal regulation have really public nature. However, national financial interests and financial interests of local governments, enterprises engaged in commercial activity, financial intermediaries, non-commercial (non-profit) organizations are different. Differences in formation, distribution, use of centralized and decentralized funds of resources may be traced according to the principles, tasks and methods of financial activities of the subjects of financial legal relations. Settlement of national needs through public financial resources that are

---

⁶ T.M. Demianenko, Public Financial Resources as a Category of Financial and Legal Relations //Access: <http://vuzlib.com/content/view/2696/124/>

used by all entities should not be carried out due to the financial interests of individual subjects of financial legal relations. Local finances are equally important for allocation both national and regional needs.

For example, funding for roads, which is made from the national budget and used by all consumers, does not negate the rights of local governments to receive budget funds for repairing these roads and funds for maintaining municipal transport. However, the bad state of these roads demonstrates unsatisfactory state of state financing, not considering the interests of local residents like other citizens, and the need for providing the right to local governments to obtain funds from other sources, for example from the owners of private vehicles engaged in passengers transportation, i.e. the possibility of forming their own financial resources of purposive appointment. Another example concerns the law enforcement activities in regions, funded by the state budget. Financial resources for the maintenance of police in cities, towns are provided in an amount not sufficient to material support of law enforcement activities (money for the maintenance and repair of premises, maintenance of computers, uniform, etc. is not provided for years). Police activities is essential to combat crime, to help local residents, to keep public order in the area, especially in terms of civil conflict or military

aggression. Creation of police divisions, which are funded from the local budget is an urgent need, but at the present time the law enforcement activities in regions has no corresponding financial support either at national or local level.

These examples demonstrate the need to ensure a balance between national and regional financial interests with regard to organization of circulation of both public finances and local ones.

Publicity in financial activity can not be limited by the right on the formation, distribution and use purely centralized funds considered necessary for the state. Municipal finances are also the subject to legal regulation for the development of decentralized funds. From this perspective, public financial resources both centralized and decentralized funds of resources are not identical in content and legal nature, as well as the mechanism of their formation. Since the subjects mainly perform the duties in the mechanism of formation of fund resources but they have both duties and mostly rights in the distribution and use.

So, the author does not share the conclusion contained in the research that public financial resources are cash funds of resources of public entities (state and municipalities) and means of their revenue to the centralized and decentralized public funds

of resources⁷. Since the existence of public financial resources that are used to meet both national and regional needs does not negate the existence of local funds of resources, the mechanism of formation of local financial resources as a component of the financial system of Ukraine requires legal regulation. Taking into account this fact, the author shares the view present in scientific research that while regulating the circulation of public finances we need to distinguish financial resources as a set of revenues, providing the state and local communities' activities and the dynamics of financial resources⁸.

Formation, distribution and use of public and local financial resources require reforming of budget, tax legislation to establish the relevant powers to extend the autonomy and independence of local governments, business entities, non-profit organizations on providing regional financial interests and needs of citizens. In terms of political instability and economic crisis, the spread of the rights of the subjects of financial

---

⁷ D.A. Kobylnyk, Legal Nature of Public Financial Resources // D.A. Kobylnyk. – *Universytetski naukovi zapysky*, 2007, No.4 (24), P. 270–282, s.281.

⁸ O.A. Lukashev, Financial Resources as an Initial Category in the Regulation of Public Finances Circulation // *Relevant Problems of Legal Regulation of Financial and Credit Relations in Terms of Crisis: Practice of Law Enforcement and Ways of its Improvement: collection of thesis under the materials of International scientific and practical conference. (June 4–5, 2010) / State Higher Educational Establishment «Ukrainian Academy of Banking of the National Bank of Ukraine».* – Sumy : SHEE «Ukrainian Academy of Banking of the National Bank of Ukraine », 2010. – P. 230–235, s.230.

legal relations in regions should be under the constant state financial control. Guaranteeing local financial interests through redistribution of public financial resources and

improvement of the mechanism of legal regulation of finances will contribute to economic development, both in regions and in the state in the whole.

**Die strafrechtliche Verantwortung von Unternehmen
in Deutschland und der Ukraine
von Moritz Schramm und Oksana Vyderko¹**

Moritz Schramm

*Student der Juristischen Fakultät
der Humboldt Universität Berlin, 5. Semester,*

Oksana Vyderko

*Studentin der Juristischen Fakultät
der Taras-Shevchenko-Universität Kiew, 5. Semester,
juristische Mitarbeiterin bei einer Rechtsanwaltsgesellschaft in Kiew,
Ukraine*

Während natürliche Personen für ihre Handlungen stets sowohl zivilrechtlich als auch strafrechtlich verantwortlich sein können, waren juristische Personen von einer strafrechtlichen Verantwortung lange ausgenommen. Diese Privilegierung fand ihren Ursprung im so genannten Schuldgrundsatz, dessen wesentliche Aussage nach traditioneller Auffassung ist, dass es eines Geistes bedürfe, um strafrechtlich relevant handeln zu können. Sowohl in Deutschland als auch in der Ukraine ist in den vergangenen Jahren wieder Bewegung in die Diskussion um eine Strafbarkeit von juristischen Personen gekommen. In Deutschland ist ein Gesetzesentwurf vorgelegt worden, der eine direkte strafrechtliche Verantwortlichkeit für juristische Personen einführt. In der Ukraine wurde im Jahre 2013 ein Gesetz mit ähnlicher Zielsetzung bereits verabschiedet. Der folgende Artikel befasst sich mit den bereits etablierten rechtlichen Konstruktionen hinsichtlich der Strafbarkeit im Zusammenhang mit unternehmensbezogenen Straftaten und unterzieht diese einer kritischen Würdigung, insbesondere hinsichtlich der Notwendigkeit der Einführung einer weiteren Verbandsstrafbarkeit. Es werden dabei die dogmatischen und praktischen Entwicklungen und dazu die gehörigen Bedenken in beiden Ländern verglichen.

---

¹ Dieser Beitrag ist im Rahmen des Austauschseminars Netzwerk Ost-West 2015 zwischen HU Berlin und Taras-Schewchenko-Universität Kiew zum Thema „Rechtlicher Ausgleich, strafrechtliche Sanktionen und ihre mögliche Alternativen im Wirtschaftsleben“ unter Leitung von Dimitri Kessler und Elgin Keskin entstanden und berücksichtigt Entwicklungen bis Ende Oktober 2015. Es ist geplant, ihn mit den anderen Beiträgen in Form eines Sammelbandes in der Schriftenreihe zum internationalen Einheitsrecht und zur Rechtsvergleichung des Dr. Kovac Verlags zu veröffentlichen.

A. Einleitung

„*The social responsibility of business is to increase its profits.*“

Diese einfache Gleichung von *Milton Friedman* aus dem Jahre 1970² war stilprägend für Dekaden des Wirtschaftens in den Vereinigten Staaten und Westeuropa – seit der Zeitenwende 1989/1990 sogar in den meisten Teilen der restlichen Welt. Charakteristisch für diese *Friedman'sche* Hypothese ist, dass die Zurückhaltung des Staates die Dynamik der Wirtschaft optimal fördere und somit der Freiheit des Einzelnen am ehesten gedient sei. Die Freiheit des Einzelnen ist eine der Grundfesten westlicher Demokratien und in Deutschland in Art. 1 Abs. 1, Art. 2 Abs.1 Grundgesetz manifestiert. Die Freiheit des Einzelnen heißt auch Freiheit der Unternehmen – denn was sind Unternehmen anderes als Zusammenschlüsse von Einzelnen?

Im Jahr 2014 zahlte die Bank of America Merrill Lynch Corporation eine Rekordstrafe von 16,65 Milliarden US Dollar an die Strafverfolgungsbehörden der Vereinigten Staaten von Amerika.³ Davon gingen 7

² *Milton Friedman*, in: New York Times Magazine, 13. September 1970.

³ *Jenkins, Nash*, Bank of America to Pay Record \$16.65 Billion Fine, in: Time.com, 21. August 2014 (<http://time.com/3153262/bank-of-america-record-16-billion-fine-mortgages-subprime-loans/>, Stand: 20.10.2015).

Milliarden US Dollar direkt an Kunden, die unter den augenscheinlich betrügerischen Praktiken der Bank of America gelitten hatten.

Wie passen diese Extreme zusammen? Wie kann ein Unternehmen jahrelang seiner „sozialen Verantwortung“ nachkommen, indem es seine Profite maximiert, um dann 7 Milliarden Dollar allein an diejenigen zahlen zu müssen, die soziale Härten wegen der Tätigkeit dieses Unternehmens durchleben? Denjenigen gegenüber denen das Unternehmen nach Auffassung der US Justizbehörden sozial verantwortlich ist?

Der folgende Artikel befasst sich mit einem Teilbereich der oben angerissenen Problematik – der strafrechtlichen Verantwortung von Unternehmen. Denn zivilrechtlich ist der einzelne Geschädigte und unter Umständen auch der Staat, sowohl in Deutschland als auch in der Ukraine längst in der Lage gegen Unternehmen vorzugehen, die rechtswidrig handeln oder anderweitig Schäden verursachen. Zwar ergeben sich in der ehemaligen Sowjetrepublik praktische und prozessuale Schwierigkeiten, die mit dem reformbedürftigen dortigen Justizapparat zusammenhängen, doch ist eine rein zivilrechtliche Verantwortlichkeit dogmatisch auch in der Ukraine ohne weiteres möglich. Angesichts der aktuellen Entwicklungen in

Wirtschaft und Gesellschaft, stellt sich jedoch unweigerlich die Frage, warum Unternehmen nicht, wie natürliche Personen auch, das volle Maß staatlicher Macht gegen sich gelten lassen müssen. Begehen natürliche Personen eine Straftat, so machen sie sich strafbar. Werden Straftaten für ein Unternehmen begangen, so macht sich das Unternehmen selbst dagegen nicht strafbar.

Diese direkte strafrechtliche Verantwortlichkeit von juristischen Personen – gemeinhin als Verbandsstrafbarkeit bekannt – stößt jedoch in beiden Ländern auf ähnliche verfassungsrechtliche, strafpolitische und praktische Bedenken. In Deutschland gibt es nämlich keine direkte strafrechtliche Verantwortlichkeit von juristischen Personen und der Streit darüber gehört in schwankender Intensität zu einigen Dauerbrennern des strafrechtlichen Diskurses. Dieser Streit mündete vorerst in die Einbringung eines Gesetzesentwurfes, der eine grundlegende Reform der strafrechtlichen Verantwortlichkeit von Unternehmen bedeuten kann, im vergangenen Jahr in den Bundesrat.⁴

---

⁴ BR-Drs: _/13, Gesetzesantrag des Landes Nordrhein-Westfalen: Entwurf eines Gesetzes zur Einführung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit von Unternehmen und sonstigen Verbänden, zu finden unter: https://www.justiz.nrw.de/JM/justizpolitik/jumiko/beschluesse/2013/herbstkonferenz13/zv3/TOP_II_5_Gesetzentwurf.pdf (Stand: 31.10.2015).

Im vergleichsweise jungen ukrainischen Staat mit seinem erst 2001 grundlegend reformierten Strafgesetzbuch (im Folgenden: UkrStGB) sind die dogmatischen Bedenken zwar ähnlich, die daraus gezogenen politischen Schlussfolgerungen jedoch abweichend. So wurden in der Ukraine im Zuge der Vorbereitung des Assoziierungsabkommens mit der EU bereits ein neues Gesetz in diese Richtung erlassen. Diese neuste Gesetzgebung wird aber noch nicht ausreichend in der Praxis umgesetzt, wie unten aufzuzeigen sein wird.⁵

Ob das Fehlen einer kodifizierten Unternehmensstrafbarkeit in Deutschland noch zeitgemäß ist, soll im Folgenden ausführlich erläutert werden. Nach der Darlegung des strafrechtlichen Situation *de lege lata* in Deutschland, der Ukraine und anderen Ländern werden die seit langem bestehenden dogmatischen Lösungen für verschiedene Konstellationen bei unternehmensbezogenen Straftaten in der Bundesrepublik erläutert. In Anschluss daran findet ein Vergleich der deutschen und ukrainischen Diskussion im Zuge der Einführung einer Verbandsstrafbarkeit am Beispiel des bereits erwähnten Gesetzesentwurfes aus Nordrhein-Westfalen statt.

---

⁵ Vgl. unten unter C. I. 2.

B. Internationale Einordnung

I. Situation in Europa

In Europa kennen die meisten Staaten ein kodifiziertes Unternehmensstrafrecht. Den Anfang machten die Niederlande im Jahr 1950 zunächst nur für Wirtschaftsdelikte, seit 1976 dann uneingeschränkt. Es folgten Island (1972), Portugal (1984), Schweden (1986), Norwegen (1991), Frankreich (1994), Finnland (1995), Belgien (1999), Slowenien (1999), Estland (2001) Malta (2002), die Schweiz (2003), Litauen (2003), Kroatien (2003), Ungarn (2004), Mazedonien (2004), Lettland (2005), Österreich (2006), Rumänien (2006), Luxemburg (2010), Spanien (2010), die Slowakei (2010), Liechtenstein (2011) und die Tschechische Republik (2012).⁶

II. Dogmatische Konstruktionen

Die international praktizierten dogmatischen Konstruktionen der strafrechtlichen Verantwortung lassen sich grundsätzlich in zwei Gruppen einteilen.

1. Unmittelbare Verbandsstrafbarkeit

Zunächst gibt es das Modell der unmittelbaren Verbandsstrafbarkeit. Hier sind die juristischen Personen unmittelbar Adressaten strafrechtlicher Normen. Gleichwohl bedarf es stets der tatsächlichen Handlung einer natürlichen Person.⁷ Diesen

⁶ Bundesrat Drucksache _/13 Gesetzesantrag des Landes Nordrhein-Westfalen, S. 26.

⁷ Vgl. hierzu mehr unter D.

pragmatischen Ansatz haben etwa die Vereinigten Staaten, Österreich, Großbritannien und Frankreich gewählt.⁸

2. Verwaltungsverantwortlichkeit

Als Mittelweg wurden im internationalen Vergleich verschiedene Variationen der Verantwortlichkeit von juristischen Personen entwickelt, ohne den Anwendungsbereich des Strafrechts zu eröffnen bzw. sie als solche dem Adressatenkreis des Strafrechts einzugliedern. Regelmäßig handelt es sich um verwaltungs- und aufsichtsrechtliche Verantwortlichkeit, die oftmals auch sanktionsbewährt ist. Dogmatisch korrekt ist es jedoch, eine solche Verwaltungsverantwortlichkeit hier von einer strafrechtlichen Verantwortlichkeit abzugrenzen.

Dies hat zweierlei Gründe. Erstens wiegt Verwaltungsunrecht weniger schwer als strafrechtliches Unrecht. Die juristische Person als Delinquent entgeht somit dem „schärfsten Schwert des Staates“. Und zweitens sind Rechtsschutz und Verfahren bei aufsichtsrechtlichen Sanktionen grundlegend anders als bei Strafverfolgung und Strafprozess. Dies umfasst sowohl den grundrechtlichen Schutz des Angeklagten

⁸ *Pasyeka, Oleksij*, Strafrechtliche Maßnahmen in Bezug auf juristische Personen nach der Gesetzgebung von Vereinigten Staaten und Großbritannien, № 3(31), Lviv 2009, S. 195 f.; *Dankovytsch, Natalia*, Verantwortung von juristischen Personen in der Ukraine: strafrechtlicher Aspekt, Nr. 2(61), Kiew 2013, S.135.

bzw. Beschwerdeführers als auch die Verfahrensgrundsätze und Verfahrensdauer vor den Gerichten. Als dogmatischer Grund für die Nichtanwendung des Strafrechts auf juristische Personen wird hier der Schuldgrundsatz angeführt.

Aufgrund der grundlegenden Unterschieden zwischen den nationalen Rechtsordnungen reicht diese Verantwortlichkeit unterschiedlich weit. Bei Betrachtung des Modells vom Ergebnis her liegt bei entsprechender Ausprägung durchaus eine Charakterisierung als „quasi-strafrechtlich“ nahe. Diese vermittelnde Konstruktion wird beispielsweise in Schweden⁹ und auch bis jetzt in Deutschland verwendet. Welchem Modell die Ukraine zuzuordnen ist bleibt jedoch trotz der jüngsten Aktivitäten des ukrainischen Gesetzgebers unklar.

III. Veranschaulichung

Um den internationalen Vergleich zu veranschaulichen, sei bereits an dieser Stelle auf zwei Länder verwiesen, deren rechtsdogmatische Konstruktionen besonders interessant sind. Der Vergleich zu den Regelungsregimen im Vereinigten Königreich und Österreich erleichtert die Einordnung der in Deutschland und der Ukraine beschrittenen Wege und vorgeschlagenen Reformen.

⁹ Charytonov, Serhiy, Strafrechtliche Maßnahmen in Bezug auf juristische Personen als Nachtragsgesetz in der Strafgesetzgebung, Kharkiw 2013, S. 174.

1. Das Vereinigte Königreich

Einerseits das Vereinigte Königreich, welches bereits mit seiner *Cadbury-Commission* auf dem Gebiet der Corporate Government Kodizes Pionierarbeit leistete. Bemerkenswert ist hier der *Bribery Act 2010*¹⁰ wonach sich Verbände (*entities*) strafbar machen, sofern sie durch interne Organisation nicht verhindern, dass Bestechungen zum vermeintlichen Vorteil des Verbandes durchgeführt werden.¹¹ Der *Bribery Act 2010* sieht also eine verschuldensunabhängige Strafe in unbegrenzter Höhe für Unternehmen vor, die es versäumt haben geeignete Maßnahmen („*adequate procedures*“) zur Verhütung von Korruption zu treffen.¹²

Der sachliche Anwendungsbereich des *Bribery Act 2010* ist zwar nur bei Bestechungsdelikten eröffnet, der räumliche Anwendungsbereich ist jedoch denkbar weit gefasst. So machen sich nach britischem Recht alle Unternehmen gem. *Section 7 Bribery Act 2010* strafbar, die es versäumt haben Bestechungen zu verhindern. Es spielt ausdrücklich keine Rolle, ob die Vergehen im

¹⁰

http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/pdfs/ukpga_20100023_en.pdf (Stand: 31.10.2015).

¹¹ Clifford Chance Paper, Corporate Liability in Europe, London January 2012, S. 38 (http://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/PDFs/Corporate_Liability_in_Europe.pdf) (Stand: 31.10.2015).

¹² Pömbacher, Karl/ Mark, Jonas, Wirkungen des UK Bribery Act 2010 auf deutsche Unternehmen, NGZ 2010, 1372 ff.

Vereinigten Königreich stattfanden oder nicht, vgl. *Section 12 (5) Bribery Act 2010*. Essentielle Teile des *Bribery Act 2010* sind also weltweit anwendbar.

2. Österreich

Der zweite hervorzuhebende Staat ist Österreich. Mit dem Verbandsverantwortlichkeitsgesetzes (VbVG) aus dem Jahr 2006 wurde die unmittelbare Strafbarkeit von juristischen Personen eingeführt. Zwar bestanden in Österreich die Bedenken hinsichtlich des Schuldgrundsatzes ebenfalls, doch wurden sie im Rahmen der legislativen Abwägung des österreichischen Gesetzgebers gegenüber dem Kampf gegen Unternehmenskriminalität für nachrangig befunden. Dieser stellt hinsichtlich der neuen Regelung fest, dass diese eine erstrebenswerte Präventivwirkung entfalten und bei den Unternehmen einen Trend zur "Steuerung durch Selbststeuerung" fördern.¹³

Trotzdem moniert das österreichische Parlament, dass die Anzahl erfolgreicher durchgeführter Verfahren noch recht gering ist. So sei der Personalaufwand hoch und die Anzahl der Anwendungen des Gesetzes noch „relativ gering“. Insbesondere die bereits gegebenen Möglichkeiten Unternehmen auf zivilrechtlichem Wege zu disziplinieren,

¹³ Parlamentskorrespondenz Nr. 379 vom 2.5.2014 einzusehen unter http://www.parlament.gv.at/PAKT/PR/JAHR_2014/PK0379/ (Stand: 26.05.2015).

werden von den Machern der Studie auf die sich das österreichische Parlament bezieht, für nicht vollends ausreichend befunden. Die Tatsache, dass in der österreichischen Jurisdiktion das Strafrecht nun als Drohkulisse im Hintergrund zivilrechtlicher Verhandlungen aufgebaut werden kann wird gemeinhin positiv gesehen.¹⁴

Zusammenfassend lässt sich festhalten, dass unterschiedlichste Länder mit unterschiedlichen Modellen einer Marktwirtschaft Verbandsstrafen gegenüber Unternehmen vollziehen. Implementierung, Reichweite und Ausführung unterscheiden sich zwar von Jurisdiktion zu Jurisdiktion, ausgesprochen negative Erfahrungen sind jedoch auch in grundsätzlich deregulierten Staaten – z.B. im Vereinigten Königreich – nicht in der Weise gemacht worden, dass man sich der Verbandsstrafbarkeit wieder entledigt hätte.

C. Strafrecht *de lege lata* in Deutschland und der Ukraine

Nach dieser internationalen Kontextualisierung und allgemeinen Darstellung der Problematik erfolgt nun eine genauere dogmatische Herleitung und Würdigung der unternehmensbezogenen

¹⁴ Parlamentskorrespondenz Nr. 379 vom 2.5.2014 einzusehen unter http://www.parlament.gv.at/PAKT/PR/JAHR_2014/PK0379/ (Stand: 26.05.2015).

Straftaten unter materiellen und prozessualen Gesichtspunkten.

Rechtsraum gilt das strafrechtliche Schuldprinzip.

I. Fehlende Strafbarkeit von juristischen Personen

1. Juristische Personen und der Schuldgrundsatz

Juristische Personen sind – wie der Name im Gegensatz zu den natürlichen Personen auch suggeriert – eine Erfindung der Jurisprudenz. Sie sind künstliche Gebilde, die im Rechtsverkehr Träger von Rechten und Pflichten sein können. Gleichwohl sind sie nicht mit natürlichen Personen gleichzusetzen. So unterliegen juristische Personen von ihrer „Geburt“ an strengen privatrechtlichen Vorschriften, vgl. § 1 ff. GmbHG. Diese erstrecken sich über das Handeln der juristischen Person bis zu ihrem „Tod“ im Wege der Auflösung, vgl. z.B. § 60 ff. GmbHG. Dasselbe gilt für den ukrainischen Rechtsraum, der mit vergleichbarer Dogmatik zwischen natürlichen und juristischen Personen unterscheidet.

Demnach muss eine Handlung um strafbar zu sein, nicht nur tatbestandlich subsumierter und rechtswidrig sein, sondern der individuelle Täter muss auch schuldhaft gehandelt haben.¹⁷ Das schuldige Verhalten zur gesellschaftsgefährlichen Handlung (Handlung oder Unterlassung) können nach traditioneller Interpretation des Schuldgrundsatzes nur natürliche Personen haben. Dieser psychische Zustand sei nur für den Menschen (natürliche Person) charakteristisch. Juristische Personen sind jedoch ein rein künstliches Gebilde, die zwar Träger von Rechten und Pflichten sein können - nicht jedoch vermögen tatsächlich zu handeln. Alle tatsächlichen Handlungen müssen von ihren Organen unternommen werden und werden dann der juristischen Person zugerechnet. Demzufolge lehnte auch die Große Strafrechtskommission¹⁸ und der damals amtierende Bundestagssonderausschuss für die

Aus ihrer artifiziellen Natur heraus ergibt sich ein – scheinbar – unüberbrückbares Hindernis, welches einer strafrechtlichen Verfolgung von juristischen Personen im Weg steht. Denn im deutschen¹⁵ und ukrainischen¹⁶

¹⁵ Miebach, in: Münchner Kommentar zum Strafgesetzbuch, 2. Auflage, München 2012, § 46 Rn. 22 ff.

¹⁶ Panow, Mykola / Charytonow, Serhij, Strafrechtliche Maßnahmen in Bezug auf juristische Personen wie Nachtragsgesetz in der ukrainischen Gesetzgebung, №2 (3), Charkiw 2014, S. 51.

¹⁷ Miebach, in: Münchner Kommentar zum Strafgesetzbuch, 2. Auflage, München 2012, § 46 Rn. 23.

¹⁸ Vgl. Niederschriften über die Sitzungen der Großen Strafrechtskommission, Bd. IV, 1958, S. 321ff., 333, 574.

Strafrechtsreform¹⁹ eine Verbandsstrafbarkeit mit der Begründung ab, der Schuldbegriff des Strafrechts ließe sich nicht auf entsprechende Kollektive übertragen.²⁰

Selbiges ereignete sich in der Ukraine im Zuge der dortigen Strafrechtsmodernisierung im Jahre 2001. Auch dort wurde dem Schuldprinzip der Vorrang gegenüber einer Strafbarkeit von juristischen Personen gegeben.²¹ Pauschal gesagt haben juristischen Personen kein Gewissen – und sollen es auch nicht haben. Hierin besteht schließlich der wesentliche Unterschied zu natürlichen Personen, die nicht erst durch Rechtsakte geschaffen werden müssen. So lange sich der Gesetzgeber nicht dazu entschließt den Schuldgrundsatz für juristische Personen aufzuheben, oder eine Auslegung vorgibt, die eine Annahme der Schuldfähigkeit von juristischen Personen zulässt, scheint eine direkte strafrechtliche Verfolgung von juristischen Personen also nicht möglich.

2. Aufbruch in der Ukraine und Stillstand in Deutschland

Im Zuge der Anbindung der Ukraine an die Europäische Union hat das ukrainische

Parlament (ukrainisch: *Werchowna Rada*) – eine teilweise Reform des Strafrechts durchgeführt. Mit dem Gesetz vom 23. Mai 2013 über die „Vornahme der Änderungen zu einigen Rechtsvorschriften der Ukraine bezüglich der Erfüllung des Plans der Handlungen bezüglich der Visumerleichterung vom Europäischen Union für die Ukraine in Bezug auf die Verantwortlichkeit der juristischen Personen“²² machte der ukrainische Staat juristische Personen zu Adressaten strafrechtlicher Vorschriften. Dieses Gesetz, diente gemäß dem offiziellen Hintergrundpapier zum Entwurf dieses Gesetzes, der Umsetzung verschiedener völkerrechtlicher Verpflichtungen aus dem Strafrechtsübereinkommen des Europarates gegen Korruption, dem Übereinkommen der Vereinten Nationen gegen transnationale organisierte Kriminalität sowie den Empfehlungen der Europäischen Kommission zur Erreichung von Visaerleichterungen.²³

Infolgedessen wurde der allgemeine Teil des ukrainischen Strafgesetzbuches um den Abschnitt XIV-1 ergänzt.²⁴ Dieser trägt den Titel „strafrechtliche Maßnahmen in Bezug

¹⁹ Vgl. Protokolle über die Sitzungen des Sonderausschusses für die Strafrechtsreform, 4. Wahlperiode, S. 397 ff., 419 ff.

²⁰ Vgl. m.w.N. Scholz, Strafbarkeit juristischer Personen?, ZRP 2000, 435, 438.

²¹ Dankovytsch, Natalia, Verantwortung von juristischen Personen in der Ukraine: strafrechtlicher Aspekt, Nr. 2(61), Kiew 2013, S.135.

²² <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/314-18> (Stand: 01.11.2015).

²³ <http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=&pf3511=46901&pf35401=262799> (Stand: 01.11.2015).

²⁴ Nachrichten des Obersten Rates der Ukraine, Nr. 25-26, Kiew 2015 (<http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/2341-14> (Stand: 01.11.2015)).

auf juristische Personen“. Unter den Begriff der „juristischen Personen“ fallen vornehmlich Unternehmen. Das Gesetz ist vordergründig zur Bekämpfung von Korruption und Geldwäsche gedacht.²⁵ Die Novellierung des Teil XIV-1 UkrStGB öffnet die Artikel 209, 306, 368-3 Abs. 1 und 2, 368-4 Abs. 1 und 2, 369 sowie 392-2 UkrStGB für juristische Personen als Subjekte strafrechtlicher Verantwortlichkeit. Grundsätzlich müssen Organe der juristischen Person in deren Interesse strafrechtlich relevante Handlungen aus dem Bereich der Korruption (Art. 368, 369 UkrStGB), Geldwäsche (Art. 209 UkrStGB), Drogenhandel (Art. 306 UkrStGB) oder Terrorismus (Art. 258 UkrStGB) begehen, damit eine strafrechtliche Verantwortung von Unternehmen in der Ukraine in Betracht kommt.

Auf den ersten Blick wurde damit die herkömmliche Interpretation des Schuldprinzips in der Ukraine für den dargelegten Sachbereich aufgehoben. Bei einer systematischen Betrachtungsweise des ukrainischen Strafrechts und der ukrainischen Verfassung fällt jedoch auf, dass der

---

²⁵ Hintergrundpapier zum Entwurf des Gesetzes vom 23. Mai 2013 über die „Vornahme der Änderungen zu einigen Rechtsvorschriften der Ukraine bezüglich der Erfüllung des Plans der Handlungen bezüglich der Visumerleichterung vom Europäischen Union für die Ukraine in Bezug auf die Verantwortlichkeit der juristischen Personen“ <http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=&pf3511=46901&pf35401=262799> (Stand: 01.11.2015).

Schuldgrundsatz im sonstigen UkrStGB unangetastet bleibt. Auch die ukrainische Verfassung wurde nicht hinsichtlich des Schuldgrundsatzes geändert. Somit bleibt der Schuldgrundsatz grundsätzlich in seiner traditionellen Konzeption bestehen. Auch eine Einordnung der Ukraine in die unter B. II. dargelegten dogmatischen Modelle fällt demnach schwer.

Aus dieser etwas verwirrenden Umsetzung ergeben sich sowohl dogmatische als auch praktische Probleme. Obwohl das Rechtsinstitut seit mehr als einem Jahr existiert, wurde es von den ukrainischen Gerichten bis heute nicht angewandt. Dies könnte vor allem an der gemeinhin umstrittenen Auslegung der in der Reform eingefügten Androhung „strafrechtlicher Maßnahmen“ liegen. Diese „strafrechtlichen Maßnahmen“ sind die Sanktionen, die Gerichte nach Teil XIV-1 ukr. StGB gegen die angeklagten Unternehmen verhängen können. Im ukrainischen Strafgesetzbuch wurde keine Bestimmung des Begriffs „strafrechtlicher Maßnahmen“ festgelegt. Was genau die Sanktionen gegenüber den Unternehmen also sein sollen bleibt weitgehend unklar.

Für Unklarheit sorgt ferner, dass an anderer Stelle im ukrainischen Strafgesetzbuch ausdrücklich und ausschließlich natürliche

Personen als Subjekte des Strafrechts anerkannt werden. Demnach wurde der Schuldgrundsatz in der Ukraine wohl dahingehend uminterpretiert, dass eine Strafbarkeit von juristischen Personen in bestimmten Sachbereichen möglich ist. Trotz allem geschah der Aufbruch in der Ukraine nicht mit letzter Konsequenz und erscheint in seiner Durchführung inkohärent, weswegen in der ukrainischen Praxis die Verbandsstrafbarkeit bis jetzt keine Rolle spielt. Im Vorfeld dieser Reform wurde in der Ukraine erhebliche Bedenken laut, deren Argumente im Folgenden anhand der geplanten Einführung der Verbandsstrafbarkeit in Deutschland rechtsvergleichend erläutert werden.

Im Gegensatz zur Ukraine hängt zumindest der Gesetzgeber in Deutschland eindeutig noch dem traditionellen restriktiven Verständnis des Schuldgrundsatzes an, weswegen eine unmittelbare strafrechtliche Verantwortung von Unternehmen in der Bundesrepublik momentan nicht gegeben ist. Gleichwohl gibt es jedoch Bestrebungen die Verbandsstrafbarkeit auch in Deutschland einzuführen.

II. Differenzierung zwischen strafrechtlicher Verantwortung des Unternehmens und jener der Mitarbeiter

Bevor auf die deutschen und ukrainischen Bedenken hinsichtlich der

Verbandsstrafbarkeit eingegangen werden kann, muss jedoch die zur Zeit bestehende Rechtslage in Deutschland erläutert werden.

Trotz der unter C. I. 2. genannten Hindernisse, ist eine strafrechtliche Verfolgung von Delikten, die *in Zusammenhang* mit unternehmerischer Tätigkeit begangen werden, in Deutschland bisher selbstverständlich nicht unmöglich.

Hierbei muss jedoch streng unterschieden werden. Einerseits gibt es spezielle Regeln für die strafrechtliche Verantwortung der Geschäftsführung. Andererseits gestaltet sich die strafrechtliche Verantwortung von Mitarbeitern von Unternehmen bzw. des Unternehmens selbst als schwierig.

1. Die strafrechtliche Verantwortung der Geschäftsführung

Die Geschäftsführung ist eines der Hauptorgane einer juristischen Person. Sie besteht aus natürlichen Personen, vgl. § 77 Abs. 1 S. 1 AktG oder § 114, 164 HGB. Einer Strafbarkeit von natürlichen Personen steht das Schuldprinzip nicht im Weg. Auch die Tatsache, dass sie in ihrer Funktion als Organ handeln, vermag sie nach einhelliger Meinung nicht zu exkulpiert.²⁶ Schließlich ist es die Aufgabe jedes Mitglieds der Geschäftsführung seine Pflichten nach bestem Wissen und Gewissen – und somit

²⁶ Scholz, ZRP 2000, 435, 436.

selbstverständlich redlich wahrzunehmen.²⁷ Entscheidet sich eine natürliche Person dies nicht zu tun, macht sie sich unter Umständen strafbar, vgl. § 82 Abs. 2 GmbHG.

Strafbar bleiben also nur die individuellen Täter, selbst wenn diese von den Unternehmen oder juristischen Personen oftmals für die gegen sie verhängten Strafen entschädigt werden - eine Praxis, die die Rechtsprechung keineswegs verworfen, sondern für durchaus legitim erklärt hat.²⁸

Gleichwohl ist die strafrechtliche Verfolgung von Teilen der Geschäftsführung in der Praxis relativ selten, da der größte Teil der Straftaten, von denen letztendlich das Unternehmen profitiert von einfachen Mitarbeitern auf niedrigerer Stufe begangen werden.

2. Die strafrechtliche Verantwortung der Angestellten

Die normalen Mitarbeiter von Unternehmen sind im Rechtssinne zunächst einmal natürliche Personen. Als normale Mitarbeiter sind alle diejenigen Angestellten eines Unternehmens zu verstehen, die keine Organfunktion übernehmen.

Ihre Strafbarkeit für unternehmensbezogene Straftaten hängt davon ab, ob es sich um die aktive Verwirklichung eines Allgemeindelikts

handelt, oder ob der Angestellte einen Sonderdelikt begangen hat.²⁹

a) Allgemeindelikt

Handelt es sich bei der Straftat um einen Allgemeindelikt – also einen von jedermann begehbaren Tatbestand – richtet sich die Strafbarkeit nach den allgemeinen Regeln des deutschen Strafgesetzbuchs (im Folgenden dt. StGB) über Täterschaft und Teilnahme, §§ 25 - 29 dt. StGB.

Ein Beispiel für einen solchen Allgemeindelikt, ist der Betrug gem. § 263 dt. StGB. Hier kann sich die Tatsache, dass der Täter in seiner Funktion als Mitarbeiter eines Unternehmens handelte zwar in das Urteil einfließen - der Betrug ist jedoch keineswegs exklusiv für Mitarbeiter eines Unternehmens.

Problematisch erscheint hier insbesondere, die mangelnde Flexibilität der §§ 25 - 29 dt. StGB um mit den immer komplexeren Strukturen von großen Unternehmen umzugehen. Der einzelne Tatbeitrag, bzw. die konkret zurechenbare Tatherrschaft lässt sich in einer Unternehmenskultur, die von Dezentralisierung und Depersonalisierung geprägt ist oft nicht zufriedenstellend einzelnen Personen zuordnen.³⁰

²⁷ Vgl. etwa Koch, in: Hüffer, Aktiengesetz, 11. Auflage, München 2014, § 84 Rn. 10 m.w.N.

²⁸ Scholz, ZRP 200, 435, 436; BGH MDR 1991, 268, 269.

²⁹ Kindler, Steffi, Das Unternehmen als haftender Täter, 1. Auflage, Baden-Baden 2008, S. 48 ff.

³⁰ Kindler, S. 48; Heine, Günter, Die strafrechtliche Verantwortung von Unternehmen, Baden-Baden 1995, S. 101; Rotsch, Thomas, Individuelle Haftung in Großunternehmen: Plädoyer

Der Täter verschwindet dementsprechend in der Anonymität einer verbandsinternen Weisungs- und Personalstruktur, die der Rechtsstaat nicht zu durchdringen vermag.

Insbesondere problematisch ist, dass die Tat entweder gar keinem konkreten Mitarbeiter zugeordnet werden kann, oder dass ein Mitarbeiter auf niedriger Hierarchiestufe die tatsächliche Tatbegehung ausführt, jedoch verbandsintern dazu bestimmt wurde.

Anhand der folgenden drei Begründungsansätze soll erläutert werden, inwiefern sich Mitarbeiter (in aller Regel jene mit Personalverantwortung) eines Allgemeindelikts strafbar machen kann, sofern er - nicht allein, sondern in der Organisationsstruktur seines Unternehmens verhaftet – gehandelt hat. Dies wäre z.B. bei Anweisungen durch Vorgesetzte der Fall. Gerade die Strafbarkeit des Vorgesetzten ist schwer zu konstruieren, da – wie oben dargestellt – die tatsächliche Tatbegehung von Untergebenen ausgeführt wird.

aa) Anstiftung

Mit den herkömmlichen strafbegründenden Täterschaftsmodellen kann oft nur eine Teilnehmerstrafbarkeit von höheren Unternehmensmitarbeitern – die oftmals Weisung erteilten – erreicht werden.

Anstiftung ist das vorsätzliche Bestimmen einer anderen Person zur Begehung einer

---

für den Rückzug des Umweltstrafrechts, Baden-Baden 1998, S. 132.

vorsätzlichen rechtswidrigen Tat, über die nicht der Anstifter, sondern der Haupttäter die Tatherrschaft haben soll.³¹ Eine Strafbarkeit wegen Anstiftung gem. § 26 StGB scheidet oft aus Billigkeitsgründen an der dann zwingend anzunehmenden Täterschaft des untergebenen Angestellten.³²

bb) Soziale Entscheidungsmacht in Unternehmen

Eine weitergehende Ansicht fordert, dass in wirtschaftlichen Großbetrieben derjenige als Täter gelten solle, der allein oder mit anderen über die unternehmensinternen betrieblichen Abläufe Entscheidungsmacht ausübe. Dies umfasse jeden, der der betrieblichen Organisation eines strafrechtlich unerwünschten Erfolges vorstehe.³³ Dieser Ansatz leitet die Strafbarkeit des vorgesetzten Mitarbeiters unmittelbar aus dessen sozialer Entscheidungsmacht ab.³⁴

Positiv abzugewinnen ist dieser Argumentation zwar, dass sie die innerbetrieblichen Machtstrukturen besser abzubilden vermag als der Weg über die Anstiftung, doch ist auch dieser Ansatz aus folgenden Gründen untragbar.

---

³¹ Fischer, Thomas, Strafgesetzbuch, 62. Auflage, München 2015, § 26 Rn. 2.

³² vgl. Kindler, S. 50.

³³ Schünemann, in: Leipziger Kommentar zum StGB, Band 1, 12. Auflage, Berlin 2007, § 14 Rn. 21.

³⁴ Kindler, S. 51, Weber, Ulrich, Konzeption und Grundsätze des Wirtschaftsstrafrechts (einschließlich Verbraucherschutz), ZStW 96 (1984), 376 ff.

Durch diesen Ansatz wird das dem deutschen Strafrecht eminent wichtige Prinzip der Täterschaft und Teilnahme jedoch vollkommen auf den Kopf gestellt. Folgte man der Ansicht, würde die unmittelbare Täterschaft von der *eigenhändigen Tatbegehung* losgelöst werden. Dies schafft enorme Rechtsunsicherheit für jeden Angestellten mit Personalverantwortung und dürfte somit auch die Art. 2 Abs. 1 sowie Art. 12 GG tangieren. Zugespitzt formuliert wird kein Handeln mehr bestraft, sondern ein intellektuelles Konstrukt - eine aus rechtsstaatlichen und verfahrensrechtlichen (wie ließe sich das beweisen?) Gesichtspunkten toxische Mischung.

Auch gibt eine solche Strafbegründung den Geist der subjektiven Theorie der Rechtsprechung wieder, die von weiten Teilen der Literatur mit guten Gründen abgelehnt wird.

cc) Mittelbare Täterschaft kraft organisatorischen Machtapparats

Ein weiterer - recht martialisch anmutender - Vorschlag ist die Erweiterung einer bereits bestehenden Täterschaftskonstruktion.

So wird angeführt, die von *Claus Roxin* entwickelte Rechtsfigur der „mittelbaren Täterschaft kraft organisatorischen Machtapparats“³⁵ könne auch auf wirtschaftliche Unternehmen übertragen

werden. Diese Möglichkeit hatte der Bundesgerichtshof bereits in seiner DDR Politbüro Entscheidung³⁶ *obiter dicta* angedacht.

Von *Roxin* wurde die o.g. Rechtsfigur ursprünglich zur Begründung der Strafbarkeit von hohen Offiziellen im Dritten Reich erdacht und inzwischen auch auf Funktionäre der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik angewandt.

Kernpunkt der Theorie ist, dass in streng hierarchischen Machtapparaten der Einzelne lediglich ein kleines austauschbares Rädchen - oder: willenloses Werkzeug - ist und den Befehlen der Befehlsgeber ausgeliefert ist. Der Befehlsempfänger wird von den Befehlsgebern zur Begehung der Straftaten reibungslos „eingesetzt“. Charakteristisch für eine so begangene Tat ist, dass sie auch ohne den individuellen Befehlsempfänger, der die eigenhändige Tatbegehung vornimmt, von einem anderen Befehlsempfänger ausgeführt worden wäre. Der individuelle Befehlsempfänger ist somit unerheblich, da der dahinterstehende Befehlsgeber bestimmt, *ob* die Tat ausgeführt wird.³⁷ Somit ist der Befehlsgeber als Täter anzusehen.

Die Anwendbarkeit dieser Rechtsfigur wird vornehmlich mit der vergleichbaren hierarchischen Befehlsstruktur in Wirtschafts-

³⁵ *Roxin, Claus*, Straftaten im Rahmen organisierter Machtapparate, GA 1963, 193 ff.

³⁶ BGHSt 40, 218, 236 f.

³⁷ vgl. *Kindler*, S. 52.

unternehmen begründet.³⁸ Fernliegend erscheint dies angesichts der teilweise sehr straffen Organisations- und Anordnungsstruktur in Unternehmen tatsächlich nicht.

Gleichwohl ist fraglich ob *Roxins* Theorie hier angewandt werden sollte. So beruht diese maßgeblich darauf, dass sich der Befehlsgeber sicher sein kann, dass der Befehl auch ausgeführt wird.³⁹ Dieser Automatismus rührt aus den hierarchischen und zwangbehafteten Strukturen faschistischer oder kommunistischer Machtapparate. In Zeiten eines ausgeprägten Kündigungsschutzes und einer Stärkung der Arbeitnehmerrechte auf nationaler und europäischer Ebene, ist es jedoch schwer von vergleichbaren Automatismen im privaten Wirtschaftsverkehr auszugehen.

Außerdem muss bedacht werden, dass eine strafrechtliche Gleichstellung von Unternehmen mit den Nationalsozialisten eine kriminalpolitische Entscheidung ist, die wohl doch eher der Gesetzgeber treffen sollte - und dies wohl aus guten Gründen nicht getan hat.

Mithin ist auch dieser Erklärungsansatz abzulehnen.

---

³⁸ *Ransiek, Andreas*, Unternehmensstrafrecht: Strafrecht, Verfassungsrecht, Regelungsalternativen, 1. Auflage, Heidelberg 1996, S. 47; *Hefendehl, Ronald*, Tatherrschaft in Unternehmen vor kriminologischer Perspektive, GA 2004, 575, 578 ff.

³⁹ *Kindler*, S. 53.

dd) Mittäterschaft

Ein dritter Lösungsweg scheint die Annahme einer Mittäterschaft zu sein.

Mittäterschaft liegt bei Beteiligung mehrerer Personen vor, wenn nicht jede Person sämtliche Tatbestandsmerkmale verwirklicht. Mittäterschaftlich handelt demnach der, wer seinen eigenen Tatbeitrag so in die gemeinschaftliche Tat einfügt, dass er als Teil der Handlung eines anderen Beteiligten und umgekehrt dessen Tun als Ergänzung des eigenen Tatanteils erscheint.⁴⁰

Demnach würden der anweisende Vorgesetzte und der tatsächlich handelnde Untergebene gemeinsam mittäterschaftlich nach § 25 Abs. 2 dt. StGB haften. Dies wird damit begründet, dass gerade durch dieses – die Tatbegehung erst ermöglichende - Tandem eine gemeinsame Tatbegehung und insbesondere auch Tatherrschaft bei beiden Tätern angenommen werden könne.

Bei konsequenter Prüfung der Voraussetzungen für eine Mittäterschaft, wird man in aller Regel jedoch an dem Tatbestandsmerkmal des gemeinsamen Tatentschlusses scheitern. Dass Vorgesetzter und Untergebener für das selbe Unternehmen arbeiten vermag keine Vermutung für einen gemeinsamen Tatentschluss zu stützen. Auch lässt die Annahme einer gemeinsamen Strafbarkeit wegen Mittäterschaft nach § 25 Abs. 2 dt. StGB die diametral verteilte Macht

---

⁴⁰ *Fischer*, StGB, § 25 Rn. 23; BGHSt 6, 249.

und Abhängigkeit außer Acht. Ein egalitär getroffener gemeinsamer Tatentschluss ist also regelmäßig nicht anzunehmen.⁴¹

ee) Zwischenfazit

Es lässt sich somit festhalten: Unproblematisch ist die Strafbarkeit eines Mitarbeiters wegen eines Allgemeindelikts stets dann, wenn er ihn auf eigene Faust begeht. Sind jedoch unternehmensinterne Strukturen und Funktionäre involviert – wie es bei Straftaten zu Gunsten von Unternehmen evidenterweise meist der Fall ist – gestaltet sich eine Strafbarkeit von Mitarbeitern des Unternehmens bei Allgemeindelikten schwierig.

Insbesondere eine Strafbarkeit von Mitarbeitern mit Personalverantwortung, die andere Mitarbeiter zur tatsächlichen Tatbegehung bestimmen, ist mit den herkömmlichen Strafbarkeitsmodellen kaum zu begründen.

b) Sonderdelikte

Anders gestaltet es sich allerdings bei Sonderdelikten.

Sonderdelikte zeichnen sich dadurch aus, dass sie die Strafbegründung nicht an den tatherrschaftlichen Vollzug der tatbestandsmäßigen Handlung, sondern vielmehr zusätzlich an bestimmte Merkmale des Handlungssubjektes knüpfen. Diese

Merkmale sind oft Status- oder Funktionsmerkmale im Unternehmen.⁴²

Diese Technik des Tatbestandsaufbaus ist im Hinblick auf die Strafbarkeit von Unternehmen in höchstem Maße unglücklich. So ist der Träger der gesetzlich vorgesehenen Rolle (das Funktionsmerkmal) in aller Regel eine juristische Person, die nur durch natürliche Personen handeln kann. Es droht wegen dieser Entzweiung der Verwirklichung der Tatbestandsmerkmale ein juristisches Patt⁴³:

Normadressat - zumindest der Zusatzqualifikation - ist eine juristische Person also ein Verband. Paradebeispiel für ein solches Sonderdelikt ist das Verbot wettbewerbsbeschränkender Vereinbarungen in § 81 Abs. 1 Nr. 1 i.V.m. § 1 GWB. Ein Verband kann im deutschen Strafrecht jedoch aufgrund des Schuldprinzips (s.o.) nicht selbst Täter sein. Den tatsächlich handelnden natürlichen Personen fehlt wiederum die tatbestandlich vorausgesetzte Zusatzqualifikation eines Sonderdelikts (bspw. o.g. Funktionsmerkmal).

Mit den oben beschriebenen Täterschafts- und Teilnahmemodellen lässt sich dieses Dilemma kaum lösen - schließlich kann ein eine für einen Verband handelnde natürliche Person nicht Täter eines an den Verband adressierten Sonderdelikts sein. Auch Anstiftung und

⁴² Kindler, S. 59.

⁴³ Achenbach, in: Handbuch

Wirtschaftsstrafrecht, 4. Auflage, Heidelberg 2015, I 3 Rn. 5; Kindler, S. 59.

⁴¹ Ransiek, S. 50; Kindler, S. 55.

Beihilfe greifen nicht – setzen sie doch eine von einem anderen begangene rechtswidrige Haupttat voraus, an der es mangels Verbandsstrafbarkeit gerade fehlt.⁴⁴

Der Gesetzgeber hat diese Problematik durch die Organhaftung nach § 14 Abs. 1 StGB und § 9 Abs. 1 Ordnungswidrigkeitengesetz (im Folgenden: OWiG) und die Beauftragtenhaftung nach § 14 Abs. 2 dt. StGB und § 9 Abs. 2 OWiG lediglich teilweise gelöst.

Gleichwohl muss auch nach dieser Lösung stets ein einzelnes Individuum für die gesamte Korporation den Kopf hinhalten. Die Tatsache, dass die kriminelle Energie vielleicht in dem Unternehmen selbst liegt und nicht in einzelnen Mitarbeitern wurde so wieder elegant umschifft.

3. Die strafrechtliche Verantwortung des Unternehmens selbst

Unternehmen als solche sind nach der aktuellen Rechtslage in Deutschland nicht strafbar.⁴⁵

4. Ordnungswidrigkeitenrecht

Wie oben bereits dargelegt ist Deutschland der Gruppe der Staaten zuzuordnen, die rechtlich missbilligtes unternehmerisches Handeln vornehmlich durch Verwaltungs-

und Aufsichtsrecht sanktionieren. Bisher wird diese Funktion in Deutschland durch das Ordnungswidrigkeitenrecht wahrgenommen.

a) Der § 30 OWiG

So ist die Verantwortlichkeit von Unternehmen nur mittelbar über die Verantwortung des Managements nach § 30 OWiG gegeben. Demnach kann gegen eine juristische Person eine Geldbuße in maximaler Höhe von zehn Millionen Euro verhängt werden, sofern diese eine Straftat oder Ordnungswidrigkeit begangen, durch ihre Pflichten, welche die juristische Person oder die Personenvereinigung treffen, verletzt worden sind oder die juristische Person oder die Personenvereinigung bereichert worden ist oder werden sollte. Ferner kann der so erlangte Gewinn abgeschöpft werden.

Letztendlich stellt jedoch der § 30 OWiG nur eine Zurechnungsnorm dar und statuiert keine wirkliche Strafbarkeit juristischer Personen.

Nach der allgemein anerkannten *gesellschaftsrechtlichen Organtheorie*, muss das Handeln eines Organs – beispielsweise des Vorstandes – zweifelsohne der Gesellschaft zugerechnet werden.⁴⁶ So wird der Verband selbst Träger von Rechten und Pflichten, deren Wahrnehmung und Erfüllung allerdings seinen Organen obliegt. Demnach ist die *Delinquenz des berufenen Vertreters* als *Eigendelinquenz des Verbandes* zu

⁴⁴ Kindler, S. 59 f.

⁴⁵ Scholz, ZRP 2000, 435 f.; Rodall, in: Karlsruher Kommentar zum Gesetz über Ordnungswidrigkeiten, 4. Auflage, München 2014, § 30 Rn. 2 ff.; Ransiek, S. 1.

⁴⁶ Schmidt, Karsten, Gesellschaftsrecht, 4. Auflage, Köln 2002, § 8 II.

verstehen.⁴⁷ Dies ist nichts anderes als eine elaborierte Beschreibung und Herleitung des Begriffs Zurechnungsnorm. Die Tatsache, dass § 30 OWiG eigene tatbestandliche Merkmale hat (wie z.B. das Vorliegen eines Verbandes) vermag eine „täterschaftliche“ Konzeption der Norm nicht herzuleiten. Gerade der Akt der Tat bzw. das täterschaftliche Element liegt innerhalb der Bezugstat. So bedarf der § 30 OWiG um tatbestandlich anwendbar zu sein einer Täterschaft – jedoch keiner, die unter § 30 OWiG zu subsumieren wäre, sondern vielmehr unter der ihm zugeordneten Bezugstat.

Diese Bezugstat⁴⁸ kann eine Ordnungswidrigkeit oder eine Straftat sein (s.o.). Sie muss tatbestandlich, rechtswidrig und schuldhaft bzw. verwertbar i.S.d. § 12 OWiG sein.⁴⁹ Somit stellt § 30 OWiG keine eigenen täterschaftlichen Anforderungen, sondern weist eine Bußgeldstrafe lediglich einer juristischen Person zu.

b) Bußgeldrahmen des § 30 OWiG

Verglichen mit anderen Jurisdiktionen erscheint ein maximales Bußgeld von zehn Millionen Euro erstaunlich wenig, vgl. § 30 Abs. 2 OWiG. Gerade aus dem angelsächsischen Raum machen dreistellige Millionenbeträge und gar Milliardensummen

die Runde. Insbesondere im Zuge der Finanzkrise von 2007 / 08 und den vorangegangenen Praktiken wurden riesige Strafen gegen Banken und andere Finanzinstitute verhängt.⁵⁰

Hierzulande ist eine Geldbuße nach § 30 OWiG vor allem nach dem Unrechtsgehalt der Bezugstat und deren Auswirkungen auf den geschützten Ordnungsbereich zu bemessen, wobei § 30 II OWiG die oben genannte Obergrenze vermeintlich statuiert.⁵¹

Die Disziplinierungsfunktion der Norm wird insbesondere dadurch deutlich, dass das Bußgeld in der Summe den wirtschaftlich erlangten Vorteil übersteigen soll, vgl. § 17 Abs. 4 OWiG. Sollte das gesetzliche Höchstmaß nicht ausreichen, kann es gem. § 17 Abs. 2 S. 2 OWiG überschritten werden.

Bei der Berechnung des wirtschaftlichen Vorteils gilt das *Nettoprinzip*, wonach eine Saldierung aller wirtschaftlichen Vorteile vorzunehmen ist, die durch die Ordnungswidrigkeit erlangt wurden.⁵² In Bezug auf § 30 OWiG bedeutet dies, dass das Bußgeld sehr hoch sein kann. Dies ist insbesondere bei einer *umsatzbezogenen* Geldbuße nach § 81 Abs. 4 S. 2 GWB der

⁵⁰ So zahlte etwa die Bank of America im Jahr 2014 16,65 Milliarden US Dollar Strafe an die Regierung der Vereinigten Staaten. <http://time.com/money/3154272/bank-of-america-17-billion-penalty/> (Stand: 12.05.2015). Der Begriff *settlement* schließt eine Bezeichnung der Summe als Strafzahlung nicht aus, vgl. nur die Verwendung des Begriffs *penalty* in o.g. Artikel.

⁵¹ BGH wistra 91, 268 ff.

⁵² Gürtler, in: Göhler BKK § 17 Rn. 38 ff.

⁴⁷ Rodall, in: KK OWiG; § 30 Rn. 8.

⁴⁸ Bohnert, Joachim, OWiG Kommentar, 3. Auflage, München 2010, § 30 Rn. 7.

⁴⁹ Bohnert, OWiG, § 30 Rn. 7.

Fall, welche sich jedoch ausschließlich bei Bezugstaten anwenden lässt, die sowohl Straftat nach §§ 298, 263 StGB als auch eine Kartellordnungswidrigkeit ist. Hier ist der Ausgangspunkt der Bußgeldzumessung der Umsatz des Delinquenten (ergo des Unternehmens). Dies macht es möglich auch große Unternehmen empfindlich zu treffen.⁵³

Folglich ist das deutsche Ordnungswidrigkeitenrecht weniger zahnlos als es auf den ersten Blick scheint.

D. Verbesserungsvorschläge

Trotz der unter C. dargestellten strafrechtlichen Instrumentarien wird die Rechtslage in Deutschland von Teilen der Literatur heftig kritisiert. Die restriktive Auslegung des Schuldgrundsatzes sei nicht mehr zeitgemäß und trage den veränderten Gegebenheiten einer vernetzten und globalisierten Welt nicht mehr hinreichend Rechnung.

Der aus praktischer Sicht konkreteste Vorschlag in Deutschland kommt aus dem Bundesrat, wo das Bundesland Nordrhein-Westfalen eine Gesetzesinitiative zur Einführung eines Verbandsstrafgesetzbuches eingebracht hat (im Folgenden VerbStG-E).

Diese Vorschläge sind teilweise ein Spiegelbild derer, die der Ukraine gemacht

wurden und artverwandt mit denen, die diese dann im Gesetz vom 23. Mai 2013 umsetzte.

Die rechtliche Würdigung der Verbandsstrafbarkeit und die Darstellung des deutschen und ukrainischen Diskurses erfolgt demnach anhand des VerbStrG-E und des ukrainischen Gesetzes vom 23. Mai 2013.

I. Die Gesetzesinitiative aus NRW

Nach der Auffassung des Landes Nordrhein-Westfalen ist die Einführung eines Unternehmensstrafrechts in Deutschland deswegen von Nöten, weil Umwelt-, Korruptions- und vor allem Wirtschaftsdelikte, die aus Unternehmen heraus begangen werden, einen erheblichen Einfluss auf das wirtschaftliche und soziale Gefüge haben.

Wie oben bereits dargelegt standen bei der ukrainischen Initiative vor allem völkerrechtliche Verpflichtungen zur Korruptionsbekämpfung im Vordergrund.

1. Allgemeines

Die Begründung der Initiative im Bundestat erkennt korrekt die oben bereits dargestellten Problematik. So bezeichnet auch der Initiand die moderne Wirtschafts- und Industriegesellschaft als eine Organisationsgesellschaft. In dieser sei die individuelle Schuld oft gering, die Auswirkung einer Tat jedoch oftmals

⁵³ Gürtler, in: OWiG Becksches Kurzkommentar, 16. Auflage, München 2012, § 17 Rn. 48c, § 30 Rn. 36 f.

gravierend. Zutreffend charakterisiert die Begründung aus NRW die aktuelle Lage als geprägt von „Bauernopfern“, während die Verantwortung der Organisation selbst durch „Freizeichnung“ verschleiert werde.⁵⁴

Folglich müsse das Unternehmen selber in das Zentrum der Strafverfolgung rücken. Das bisherige Ordnungswidrigkeitenrecht (§§ 30, 130 OWiG) reiche hierfür nicht aus, da es mit den für große Unternehmen recht geringen Bußgeldhöhen kalkulierbare Risiken schaffe. Insbesondere die Präventivwirkung von Bußgeldandrohungen sei vollkommen verfehlt worden.

2. Gesetzestechnik und Systematik

Technisch gesehen verweist das VerbStG-E häufig auf das dt. StGB. Es führt mit Verbandsstrafen und Verbandsmaßregeln zwei Sanktionsformen ein, an deren Ende die – bildlich gesprochen – Todesstrafe steht. So kann gem. § 4 Abs. 2 Nr. 3 VerbStG-E ein Verband aufgelöst werden. Interessant ist noch, dass zu den Verbandsstrafen ausdrücklich die öffentliche Bekanntmachung gezählt wird, § 4 Abs. 1 Nr.3 VerbStG-E. Solche öffentlichen Bekanntmachungen wirken sich bei lebensnaher Betrachtung stets zu Ungunsten von Unternehmen aus. Besonders „hart“ ist diese Sanktionsform

gegenüber Unternehmen, die an der Börse gehandelt werden – wirkt sich doch die Bekanntmachung vermutlich (erheblich) negativ auf deren Kursentwicklung aus. Interessant ist diese Sanktionsform nicht nur wegen ihres Doppelcharakters – sie stellt einerseits die letzte Warnung dar und „brandmarkt“ das Unternehmen auch in der Öffentlichkeit und an der Börse- sondern auch wegen der bereits etablierten Verwendung desselben Prinzips bei Corporate Governance Kodizes.

Der einem Corporate Governance Kodex zugrunde liegende Gedanke ist, dass der Aktienkurs eines Unternehmens absackt, wenn das Unternehmen es nicht schafft dem – seiner Natur nach nicht poenalen – Code zu entsprechen. Das Entsprechen zu dem Kodex (*Compliance*) wird jährlich mittels einer öffentlichen Entsprechenserklärung des Vorstandes nachgewiesen. Die so erreichte Selbstregulierung von Unternehmen soll präventiv wirken. Doch dazu später mehr.

3. Verbandsstrafbarkeit im VerbStG-E

Ein weiterer Kernpunkt der Initiative ist augenscheinlich die offensive Einführung einer Verbandsstrafbarkeit – die bis jetzt dem deutschen Strafrecht (fast) vollkommen fremd war (s.o.).

Dies soll insbesondere dem Problem Abhilfe schaffen, dass die individuelle Schuld

⁵⁴ Bundesrat Drucksache _/13 Gesetzesantrag des Landes Nordrhein-Westfalen, S. 2, <http://de.slideshare.net/medtrustadvisory/unternehmensstrafrecht-in-deutschland-nrw-gesetzesinitiative> (Stand: 23.05.2015).

einzelner Täter in Unternehmen schwer festzustellen ist.

Der § 2 Abs. 1 VerbStG-E⁵⁵ statuiert, dass sofern ein Entscheidungsträger in Wahrnehmung der Angelegenheiten eines Verbandes vorsätzlich oder fahrlässig eine verbandsbezogene Zuwiderhandlung begeht, eine Verbandssanktion gegen den Verband verhängt wird.

Dieser Absatz ist voller strafrechtlicher Sprengkraft.

So ist der tatsächliche Täter - der immer noch eine natürliche Person ist - nicht mehr der, der sanktioniert wird. Vielmehr wird sein Zuwiderhandeln der hinter ihm stehenden Organisation zugerechnet, die dann wiederum bestraft wird.

Fraglich ist nun, ob dies einen rechtswidrigen - vielleicht sogar *verfassungswidrigen* Bruch mit dem Schuldprinzip des deutschen Strafrechts darstellt.

Das Strafrecht beruht auf dem Schuldgrundsatz, der den gesamten Bereich staatlichen Strafens beherrscht.⁵⁶ Der Schuldgrundsatz hat somit Verfassungsrang. Jeder strafrechtliche Vorwurf setzt daher *Vorwerfbarkeit* voraus. Strafrechtliche Ahndung ohne Feststellung eines haftungsbegründenden Verschuldens wäre rechtsstaatswidrig und verletzte die

⁵⁵ Bundesrat Drucksache _/13 Gesetzesantrag des Landes Nordrhein-Westfalen, S. 8, 43 ff.

⁵⁶ BVerfGE 123, 267, Rn. 364; BVerfG, Urteil vom vom 19.3.2013 - 2 BvR 2628/10, Rn. 53.

Betroffenen in ihrem Grundrecht aus Art. 2 Abs. 1 GG.⁵⁷ Hinsichtlich des § 2 Abs. 1 VerbStG-E erscheint es somit problematisch, ob die Strafbarkeit eines Verbandes – der selbst nicht „willentlich“ Handeln kann – lediglich auf der Zurechnung der Handlung anderer beruhen kann.⁵⁸

Die Formel der Gegner der Verbandsstrafbarkeit lautet: Ein Verband kann nicht eigenständig handeln, er kann sich also auch nicht eigenständig strafbar machen – er hat schließlich keinerlei Bewusstsein.⁵⁹

Dem ist jedoch entgegenzuhalten, dass das Strafrecht bereits heute Konstruktionen kennt, bei denen die Strafbarkeit an Zurechnungsakte geknüpft wird, darunter die Mittäterschaft und die Beihilfe. Auch § 14 dt. StGB sieht in verfassungsrechtlich nicht zu beanstandender Weise eine Ableitung der Normadressateneigenschaft eines Individuums von einem Verband vor.⁶⁰

Ferner verfügen auch Verbände über ihre individuelle Organisationsstruktur und Mechanismen der Willensbildung, die – und das ist eminent wichtig – sich unter Umständen von dem Willen der als Vertreter handelnden natürlichen Personen

⁵⁷ BVerfGE 9, 167, Rn. 14; BVerfGE 20, 323, Rn. 38.

⁵⁸ Vgl. Bundesrat Drucksache _/13 Gesetzesantrag des Landes Nordrhein-Westfalen, S. 29 f.

⁵⁹ Vgl. *Engisch*, Referat zum 40. DJT, Bd. II, S. E 24.

⁶⁰ Vgl. Bundesrat Drucksache _/13 Gesetzesantrag des Landes Nordrhein-Westfalen, S. 30 f.; *Bock, Dominik*, Criminal Compliance, 1. Auflage, Baden-Baden 2011, S. 374.

unterscheidet. Dies ergibt sich schon logisch aus der Tatsache, dass jeder Vertreter eines Verbandes dem Wohl des Verbandes verpflichtet ist und in dessen Sinne zu handeln hat - nicht in seinem eigenen Sinne.⁶¹

Außerdem sind sie wie natürliche Personen eigenständige Rechtssubjekte und Teilnehmer am wirtschaftlichen und sozialen Leben.

Verbände sind folglich *sinnkonstituierte* Gebilde, denen gegenüber Strafzwecke genauso erreicht werden können wie gegenüber einer natürlichen Person.⁶²

Diesem Ansatz folgend, hat sogar der Bundesgerichtshof in seiner Lederspray Entscheidung eine „unternehmensbezogene Sicht der Handlung“⁶³ entwickelt.⁶⁴ Diese Weiterentwicklung der Rechtsprechung erscheint nur konsequent – erkennt der Bundesgerichtshof in Zivilsachen schon längst die Tatsache an, dass Unternehmen in ihrer „wirtschaftlichen Gesamtheit“ – auch aufgrund ihrer Organisationsabläufe – mehr sind als die Summe der Mitarbeiter.⁶⁵

Folglich verletzt die Einführung der Verbandsstrafbarkeit unter Anschauung der neueren Rechtsprechung und dogmatischen

Diskussion nicht das Schuldprinzip. Viel eher ist anzunehmen, dass der Aspekt der „Verantwortlichkeit“ weiter ausgelegt wird.

4. Sippenhaft

Die Kehrseite der Medaille ist jedoch, dass die nichtschuldigen Mitarbeiter und Teile des Verbandes durch das Gesetz in „Sippenhaft“⁶⁶ genommen werden könnten.

Diesem Kritikpunkt ist jedoch nur teilweise zuzustimmen. Selbstverständlich wirkt sich eine Strafverfolgung des Verbandes unter Umständen negativ auf die Mitarbeiter des Verbandes aus. Gleichwohl muss dem Umstand Rechnung getragen werden – und dies verkennt die Sippenhaftskritik – dass die Summe der natürlichen Personen nicht identisch mit dem Verband an sich ist. Der Verband ist vielmehr eine eigenständige Rechtspersönlichkeit, die lediglich durch ihre Organe bzw. durch natürliche Personen handelt.⁶⁷ Eine direkte Bestrafung aller für einen Verband Tätigen ist also gerade nicht zu erkennen.

Abzulehnen ist auch der Kritikpunkt der „Sippenhaft“ Argumentation, dass

⁶¹ Vgl. z.B. *Zöllner/Noak*, Kommentar zum GmbHG, 20. Auflage, München 2013, § 35 Rn. 39 ff.

⁶² Bundesrat Drucksache _/13 Gesetzesantrag des Landes Nordrhein-Westfalen, S. 30; *Scholz*, ZRP 2000, 435, 438; *Dannecker*, S. 484.

⁶³ *Trüg, Gerson*, Zu den Folgen der Einführung eines Unternehmensstrafrechts, *wistra* 2010, 241, 243; *Trüg, Gerson*, Sozialkontrolle durch Strafrecht, *StraFo* 2011, 471, 473.

⁶⁴ BGHSt 37, 106.

⁶⁵ BGHZ 29, 65; BGHZ 41, 123.

⁶⁶ *Von Freier*, GA 2009, 98, 115; oder auch plakativ: *Jahn, Joachim*, Ein Hilfssheriff in jedem Betrieb, *faz.net* vom 13.11.2013, <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/unternehmen/unternehmensstrafrecht-ein-hilfssheriff-in-jedem-betrieb-12661449.html> (Stand: 31.10.2015).

⁶⁷ *Koch, Jens*, Gesellschaftsrecht, 9. Auflage, München 2015, S. 12 Rn. 11; *Reuter*, in: *MünchKommBGB*, Band I, 6. Auflage, München 2012, § 31 Rn. 2.

Anteilseigner und andere mit dem Verband assoziierte Personen mittelbar negativ durch die Verbandsstrafe beeinträchtigt werden.

Tritt jemand in einen Verband ein, wird Anteilseigner eines Verbandes oder ähnliches, begibt er sich in eine *Risikogemeinschaft* mit den anderen Anteilseignern und dem Verband an sich. Die Veränderung der Risikoallokation zu Gunsten der Anteilseigner ist schließlich einer der Kerngedanken des Gesellschaftsrechts.⁶⁸ Die verbandstypische Haftungsbeschränkung der Anteilseigner – vgl. nur § 171 Abs. 1 HGB – ermöglicht es dem Verband und seinen Anteilseignern auf deutlich risikofreudigere Weise am Markt tätig zu werden, als wenn die Haftung eins zu eins auf jeden Anteilseigner durchschlagen würde. Warum die Anteilseigner diesen unmittelbar positiven Effekt genießen dürfen, sich aber keinem mittelbaren – durch den Verband verursachten – Schaden in Form von Verbandsstrafen stellen sollen ist rechtsdogmatisch, wettbewerbstheoretisch und aus Billigkeitsgründen nicht zu begründen.

Die Begründung des Gesetzesentwurfs merkt hierzu treffend an, dass die faktische Betroffenheit eines Dritten oder des Individualtäters von einer Sanktion keinen eigenständigen Strafcharakter hat und daher

weder den Schuldgrundsatz noch den Grundsatz "ne bis in idem" verletzen könne.⁶⁹

5. Das Damoklesschwert

Ebenfalls unzutreffend ist der Kritikpunkt, das VerbStG-E installiere über jedem Betrieb in der Bundesrepublik ein Damoklesschwert übermäßiger strafrechtlicher Sanktion. So ermöglicht der § 5 Abs. 1, 2 VerbStG-E von den in § 4 VerbStG-E genannten – zugegebenermaßen teilweise harschen Sanktionen – abzusehen, sofern der Verband seine Organisationsstrukturen für die Zukunft dahingehend verändert hat, dass eine vergleichbare Verbandsstraftat nicht mehr vorkommt und kein erheblicher Schaden entstanden ist bzw. ein erheblicher Schaden überwiegend „wieder gut gemacht“ wurde. Dies stellt sogar eine Verbesserung zur aktuellen Lage nach dem OWiG dar, da in der heutigen Rechtspraxis in die Zukunft gerichtete Compliance Programme und Bestrebungen die Organisationsstruktur zu verbessern bei der Bußgeldbemessung kaum bedacht werden.⁷⁰

Vielmehr installiert gerade das Tandem der hohen Strafandrohung in § 4 VerbStG-E mit der positivierten Möglichkeit von Strafe abzusehen in § 5 VerbStG-E einen wirksamen Präventionsmechanismus. Nach diesem Gesetzesentwurf bleibt das Bemühen um gute

⁶⁸ Vgl. Koch, S. 9 Rn. 4.

⁶⁹ Bundesrat Drucksache _/13 Gesetzesantrag des Landes Nordrhein-Westfalen, S. 32 m.w.N.

⁷⁰ Bundesrat Drucksache _/13 Gesetzesantrag des Landes Nordrhein-Westfalen, S. 53 ff.

unternehmensinterne Organisationsstrukturen kein Lippenbekenntnis mehr, sondern ist für das Unternehmen essentiell. Bemüht es sich zum Schaden anderer oder der Allgemeinheit nicht um angemessene Strukturen, zieht der Rechtsstaat die Daumenschrauben an.

Dieser Punkt erscheint in der Ukraine weitaus problematischer, da wie oben bereits dargelegt der Inhalt der Sanktionsandrohung „strafrechtlicher Maßnahmen“ vollkommen unklar ist. Zwar gibt es auch in der Ukraine einen Sanktionskatalog, der Geldbußen, Enteignungen und Zwangsauflösung vorsieht, doch haben ob der unsystematischen Einbettung und der fehlenden Auslegungshilfe durch den Gesetzgeber, die Gerichte einen vermeintlich sehr weiten Spielraum bei der Wahl der Rechtsfolgen. Dies ist der Rechtssicherheit abträglich.

Gleichwohl erscheint sowohl in Deutschland als auch in der Ukraine die Möglichkeit juristische Personen als Strafe aufzulösen höchst fragwürdig. Hier wären zunächst verfassungsrechtliche Fragen zu klären, unter welchen Umständen ein solch massiver Grundrechtseingriff überhaupt zu rechtfertigen wäre. Außerdem muss die Befugnis des Staats Betriebe zur Strafe zu schließen Ergebnis einer die volkswirtschaftlichen, grundrechtlichen und strafrechtlichen Erwägungen berücksichtigenden Abwägung sein. Der Gesetzesentwurf lässt eine Konkretisierung

und verfassungsrechtliche Untermauerung seiner Pläne zur Schließung von Verbänden vermissen. Wäre eine Verbandsauflösung nach § 4 Abs. 2 Nr. 3 VerbStG-E als Enteignung i.S.d. Art. 14 Abs. 3 GG zu verstehen und damit entschädigungspflichtig? Was soll mit den Passiva und Aktiva der juristischen Person geschehen? Wie wäre ein eventuell auftretender (vorübergehender) Zahlungsausfall zu bewerten? Und vor allem, welche Rechte stünden Anlegern und Gläubigern des Verbands zu?

Zu diesen Fragen schweigt sich der Entwurf weitgehend aus. Zumindest hinsichtlich der möglichen Auflösung von Verbänden ist vor dem Hintergrund der Art. 12, 14 und 2 Abs. 1 GG jedoch fraglich, ob sie einer Normenkontrolle standhalten würden.⁷¹

6. Kritik aus der Praxis

Prominente

Wirtschaftsprüfungsgesellschaften und Anwaltskanzleien schießen gezielt gegen die Initiative und die in ihr verkörperten Ansichten zu Verbandsstrafbarkeit und der strafrechtlichen Verantwortung von Unternehmen.⁷²

⁷¹ Teilweise a. A. *Jahn, Matthias/Pietzsch, Franziska*, Der NRW-Entwurf für ein Verbandsstrafgesetzbuch, ZIP 2015, 1 ff.

⁷² So etwa PriceWaterhouseCoopers, was eine „Kriminalisierung der Unternehmen“ fürchtet, <http://www.pwc.de/de/steuerberatung/unternehmensstrafrecht-vorstoss-aus-nordrhein-westfalen-droht-unternehmen-zu-kriminalisieren.jhtml> (Stand: 24.05.2015); ähnlich argumentiert Heuking Kühn Lüer Wojtek,

Grundsätzlich wird angeführt, dass ein Unternehmensstrafrecht in Deutschland gar nicht nötig sei – schließlich funktioniere das aktuelle Ordnungswidrigkeitenrecht gut und dessen Bußgeldhöhe sei bereits verzehnfacht worden. Eine am Umsatz ausgerichtete Sanktionierung von Unternehmen bedrohe deren Liquidität, treibe Unternehmen in die Insolvenz und gefährde den Wirtschaftsstandort Deutschland.

Richtig ist, dass das Sammelsurium an vorgeschlagenen – und größtenteils auch in der Initiative enthaltenen – Sanktionen die Existenz eines Unternehmens bedrohen können. Richtig ist auch, dass in Deutschland mit seiner mittelständisch geprägten Wirtschaftsstruktur Vorsicht angemahnt ist bei der Verhängung dieser Sanktionen. Die liquiden Rücklagen von Mittelständlern können schnell aufgebraucht sein und gerade im in Deutschland starken aber stets investitionsintensiven Hochtechnologiesektor dazu führen, dass Unternehmen vom Markt „abgehängt“ werden. Gleichwohl sei auch an dieser Stelle an den oben erläuterten § 5 VerbStG-E verwiesen.

Auch die Tatsache, dass die Strafen schmerzhaft für die Unternehmen sind ist lediglich konsequent, da sie das für natürliche Personen auch sind.

---

https://www.heuking.de/fileadmin/user_upload/Newsletter/Deutsch/Compliance/129_Gesetzesinitiative_fuer_ein_umfassendes_Unternehmensstrafrecht.pdf (Stand: 24.05.2015).

Viel wichtiger als die harten Strafen - die im Gesetzgebungsprozess vermutlich noch erheblich abgeschwächt werden - ist die Frage der Häufigkeit der Anwendung des § 5 VerbStG-E. Um eine präventive Wirkung zu entfalten ist es wichtig, dass die Unternehmen die Sanktionsdrohung kennen, doch auch den Wert einer Straftaten verhütenden Organisation zu schätzen lernen. An ehrlichem Wettbewerb und einer so vorgenommenen Selbstregulierung der Unternehmen muss jeder Marktteilnehmer ein Interesse haben.

Was die Verzehnfachung des höchstmöglichen Bußgeldes anbelangt ist festzuhalten, dass zehn Millionen Euro für Unternehmen ab einer gewissen Größe aus der sprichwörtlichen Portokasse zu bezahlen sind. Für Unternehmen, die dies nicht können, kommt eine Ausschöpfung des Höchstmaßes durch den Richter in aller Regel sowieso nicht in Betracht.

II. Zusammenfassung und Stellungnahme zum VerbStG-E

Zusammengefasst nimmt sich der Gesetzesentwurf aus Nordrhein-Westfalen in erstaunlicher Weise den vielfach kritisierten Punkten der aktuellen Rechtslage an und gestaltet diese im Sinne der Strafverfolgungsbehörden um. Ob der Entwurf über sein Ziel hinausgeht wird sich letztendlich in der Praxis zeigen - sollte er

denn in dieser Form verabschiedet werden. Einerseits ist der Widerstand gewisser Teile des Bundestages und der Privatwirtschaft gewiss. Andererseits gilt es die einer richterlichen Interpretation offenen Tatbestände zu beachten. Insbesondere das Kriterium des „Wiedergutmachens“ aus § 5 Abs. 1 VerbStG-E kann bei entsprechender richterlicher Anwendung der Revolution des Unternehmensstrafrechts wieder die Zähne ziehen.

Der Entwurf bewegt sich jedenfalls in die richtige Richtung. Er ist klar und einfach formuliert und bietet einen weiten Spielraum für richterliche Interpretation. Vor dem Hintergrund der bereits erwähnten Rechtsprechung des Bundesgerichtshofs, ist davon auszugehen, dass dieser Interpretationsspielraum auch zu Gunsten der Verbände genutzt werden wird. Für eine Verhältnismäßigkeit des VerbStG-E spricht insbesondere der in sechs Stufen unterteilte Sanktionskatalog des § 4 VerbStG-E. Die so gesetzlich orchestrierte Eskalation gibt viel Raum für auf den Einzelfall abgestimmte Maßnahmen.

Anderes gilt für die Verbandsauflösung nach § 4 Abs. 2 Nr. 3 VerbStG-E, die verfassungsrechtlich bedenklich ist. Allerdings ist die Verbandsauflösung wohl auch dem Entwurfsstadium des VerbStG-E geschuldet – sie kann im Zuge der politischen Auseinandersetzung „geopfert“ werden um

den Sanktionskatalog aus § 4 Abs. 1, 2 Nr. 1 - 2 VerbStG-E zu erreichen.

III. Abgleich mit der Ukraine

Viele der hinsichtlich des VerbStG-E vorgetragenen materiellen Bedenken kamen auch in der Ukraine auf.⁷³ Gleichwohl erscheinen die praktischen und prozessualen Probleme in der Ukraine weitaus größer. So spricht Teil X-IV-1 UkrStGB von „strafrechtlichen Maßnahmen“ die gegen die Unternehmen verhängt werden können. Die genaue Zielrichtung dieses unbestimmten Rechtsbegriffes ist noch unklar (s.o.). Unklar erscheint ferner, wie Sachverhalte von Mittäterschaft oder Teilnahme zu handhaben wären. Inwieweit eine juristische Person nur Mittäter sein kann und in welcher Weise die sonstigen Regeln des allgemeinen Teils des ukrainischen Strafgesetzbuches auf sie Anwendung finden wird nicht deutlich.

Ein besonderes Augenmerk lag im Zuge der ukrainischen Debatte auf den Auswirkungen der Verbandsstrafbarkeit auf das Umweltrecht. So bleibt Umweltverschmutzung – trotz sektoralen Verbesserungen – eines der drängenden Problem des ukrainischen Staates.⁷⁴ Hier wird die Einführung der Verbandsstrafbarkeit in

⁷³ Vgl. etwa *Orlovska, Natalija*, Über das Modell des strafrechtlichen Einflusses auf juristische Person in der Ukraine, Nr. 2, Kiew 2014, S. 125-129.

⁷⁴ Vgl. Environmental Performance Index, Country Report Ukraine, Yale University, New Haven 2015, http://epi.yale.edu/files/country_files/ukraine.pdf (Stand: 27.10.2015).

der Ukraine trotz dogmatischer Bedenken begrüßt.⁷⁵

Die größte Gefahr dürfte in der Ukraine jedoch nicht in dogmatischen Kunstfehlern und fehlender systematischer Einbettung liegen, sondern vielmehr in dem noch immer korruptionsanfälligen und teilweise von Willkür geprägten Rechtssystem.

Der Herrschaft des Rechts wird in der Ukraine immer wieder Grenzen aufgezeigt und das Recht in ein Machtinstrument der Herrschenden verwandelt.

Genau dies ist auch bei dem Gesetz vom 23. Mai 2013 zu befürchten. Die Teils unklaren Formulierungen eröffnen Möglichkeiten die Normen für politisch motivierte Rechtsanwendung zu gebrauchen. So kritisiert auch das offizielle Gutachten des Expertengremiums zum Gesetz vom 23. Mai 2013 die vermeintlich absichtlich unscharfen Formulierungen als Türoffner für Korruption, Rückverstaatlichung⁷⁶ und Willkür.⁷⁷

---

⁷⁵ Schumilo, Oleksij, Strafrechtliche Verantwortung der juristischen Personen für die Umweltverbrechen, Kharkiw 2014, S.181; vgl. auch Tarayko, Valerij, Über die Richtungen der Vervollkommnung der strafrechtlichen Maßnahmen zur Bekämpfung der Umweltverbrechen, Krasnodar 2011, S. 111.

⁷⁶ Vgl. Engelking, Olga, Die Revision der Privatisierung in der Ukraine und der Russischen Föderation, 1. Auflage, Berlin 2013, S. 73 ff.

⁷⁷ Vgl. Gutachten der Hauptexpertenkommission zum Gesetz der Ukraine „Über die Vornahme der Änderungen zu einigen Rechtsvorschriften der Ukraine bezüglich der Erfüllung des Plans der Handlungen bezüglich der Visumerleichterung vom Europäischen Union für die Ukraine in Bezug auf die Verantwortung der

Diese Gefahr ist insbesondere vor der durch Präsident Poroschenko propagierten Emanzipation des Staates von den Oligarchen⁷⁸ nicht zu unterschätzen. So ist in der Vergangenheit in der Ukraine immer wieder Gesetzesrecht zur „selektiven“ Rückverstaatlichung der Unternehmen regimekritischer Oligarchen angewandt worden.⁷⁹ Diese Rückverstaatlichungen waren meist rechtlich fragwürdig, jedoch politisch gewollt.⁸⁰

Demnach ist von der Einführung der Verbandsstrafbarkeit in der Ukraine sowohl aus dogmatischen als auch aus praktischen Gründen nur bedingt Positives zu erwarten.

Dies ist jedoch weniger den fraglichen Vorschriften, sondern eher dem Gesamtzustand des ukrainischen Rechtssystems geschuldet.

E. Fazit und Empfehlungen

Die strafrechtliche Verantwortung von Unternehmen bleibt eine der spannendsten Fragen der rechtspolitischen Diskussion. Dies

---

juristischen Personen“ vom 21. Mai 2013, Dokument Nr. 2990, <http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=&pf3511=46901&pf35401=263076> (Stand: 27.10.2015).

⁷⁸ Vgl. etwa Vesper, Reinhard, Der Kampf gegen die Oligarchen, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, vom 29. März 2015 (einsehbar unter: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/europa/putin-s-und-poroschenkos-lampf-gegen-oligarchen-13508117.html>) (Stand: 2.11.2015).

⁷⁹ Engelking, Olga, Die Revision der Privatisierung in der Ukraine und der Russischen Föderation, 1. Auflage, Berlin 2013, S. 100.

⁸⁰ Engelking, Olga, Die Revision der Privatisierung in der Ukraine und der Russischen Föderation, 1. Auflage, Berlin 2013, S. 74 f. m.w.N.

ergibt sich nicht nur aus den Entwicklungen in einigen Wirtschaftsbereichen in den vergangenen Jahren, sondern auch aus der immer drängender werdenden Frage, wie die gesellschaftliche Stellung von Unternehmen in der nahen Zukunft sein wird.

Festzuhalten bleibt sicherlich, dass die bereits vorhandenen strafrechtlichen Modelle in Deutschland nicht ausreichend sind um der strafrechtlichen Verantwortung von Unternehmen gerecht zu werden. Mit der Initiative aus Nordrhein-Westfalen ist die aktuelle Diskussion um einen vielversprechendes Konzept reicher. Der Einführung einer Verbandsstrafbarkeit stehen nach moderner Interpretation des Schuldprinzips und Würdigung unserer postindustriellen Wirtschaftsordnung auch keine unüberwindbaren Hindernisse im Wege.

Die zur Zeit ungeklärte Situation in der Ukraine bereitet jedoch Sorge, da dort die Gefahr besteht, dass die unsystematisch und inkohärent eingeführte Verbandsstrafbarkeit das Recht ein weiteres Mal zum Instrument der Herrschenden machen wird und nicht umgekehrt der Herrschaft des Rechts Vorschub leistet.

Grundsätzlich gilt jedoch, dass an lauterem Wettbewerb mit gleichen Mitteln kein Wettbewerber kein Interesse haben kann. Demzufolge stimmt auch die einleitende Friedman'sche Formel „*the social responsibility of business ist to increase its profits*“ noch - davon ausgehend, dass der Staat die Art und Weise wie das „*increase*“ erreicht wird pragmatisch reguliert.

Ausgangspositionen und Grundelemente des Staatsaufbaus der Ukraine

Dr. Doz. **Mikola Tomenko**

Dr. polit.,

Dozent,

Ukraine

In diesem Beitrag analysiert der Autor die Grundelemente, die den verschiedenen Formen des Staatsaufbaus der Ukraine zugrunde liegen. Dabei sind die wichtigsten Prinzipien zu betonen, die für die ukrainische Staatlichkeit prägend sind: Souveränität und Unabhängigkeit, die Demokratisierung des Staates, der soziale und rechtliche Charakter des Staates und die Einheitlichkeit (Einheit) des Staates. Der territoriale Aufbau der Ukraine ist auf den Prinzipien der Einheit, Unteilbarkeit, Unantastbarkeit und Unversehrtheit des Staatsgebietes gegründet. Das Vorhandensein dieser Prinzipien verbietet aber nicht die Diskussionen darüber, wie die optimale Form des Staatsaufbaus der Ukraine aussehen könnte. Das Besondere an dieser Diskussion ist die sehr häufige Rückbesinnung auf historische Traditionen und internationalen Erfahrungen, die zu folgenden Kategorien zusammengeführt werden: multinationaler Staat, Gemeinschaftlichkeit der Ukraine, föderativer und bundesstaatlicher Aufbau des Staates.

In dem Beitrag wird das Verständnis der letzten Beiden behandelt und die wichtigsten Aspekte hinsichtlich ihres Inhalts und ihrer Besonderheiten analysiert. Besondere Kategorien wie Gemeinschaftlichkeit und Einheit der Ukraine behandelt der Autor im Zusammenhang mit den historischen Traditionen. Im Ergebnis kommt der Autor zum Ergebnis, dass unter Einheit der Ukraine die Vereinigung aller historischen Gebiete der Ukraine in einem einheitlichen Staat zu verstehen ist, der auf den Grundlagen des gesamtstaatlichen weltanschaulichen Zusammenlebens und der nationalen Eintracht begründet wird.

Einen gesonderten Schwerpunkt legt der Autor auf die Analyse der Arbeiten ukrainischer Wissenschaftler und politischer Akteure, die verschiedene geschichtliche Perioden repräsentieren (M. Kostomarov, M. Dragomanov, O. Eichelmann). Dies geschah deshalb, um deren Verständnis der Konzeption des Föderalismus auszubreiten, da dieser heute eine besondere Bedeutung für die Entwicklung der ukrainischen Staatlichkeit erhalten hat.

Als Ergebnis der Untersuchung formuliert der Verfasser einige Thesen, die insbesondere auf den geschichtlichen Traditionen der Konzeption des ukrainischen Föderalismus aufbauen:

- Der Föderalismus als Staatsform ist nach Ansicht der Autoren dieser Konzeption der einzig mögliche Mechanismus für die Dezentralisation des russischen Imperiums;
- Den ukrainischen Föderalismus muss man als eine Konzeption mit tieferer inhaltlicher Aufladung verstehen als nur als eine Form des Staatsaufbaus; die theoretischen Arbeiten von M. Dragomanov, M. Hruschewskij und O. Eichelmann enthalten alle Aspekte einer Konzeption für einen gesellschaftlichen Aufbau des Staates;
- In den Fällen, wo die Konzeption des Föderalismus als Form des Staatsaufbaus bestimmt wurde, wurde sie in der Praxis nie realisiert. Es wurde nie ein klares Prinzip formuliert, das die historischen Grenzen zwischen den Subjekten der Föderation, deren Anzahl und die Ebene ihrer Kompetenzen bestimmt. Das ist auch der Grund für die Vorbehalte hinsichtlich der Verabsolutierung der genannten Konzeptionen in den politischen Erwägungen in der Ukraine.

Вихідні позиції та основні характеристики форми державного устрою України

Микола Томенко

доктор політичних наук,

доцент

Україна

Відповідно до Конституції України основними принципами її державного устрою є принципи суверенітету і незалежності, демократизму держави, соціального і правового характеру держави, унітарності (єдності) держави. Територіальний устрій України побудовано на принципах єдності, неподільності, недоторканності і цілісності державних територій. Під час вирішення питань територіального устрою враховуються державні інтереси, думки громадян, що проживають на відповідній

території, потреби розвитку регіонального і місцевого самоврядування. Україна – це унітарна держава з елементами федералізму, основними територіальними одиницями якої є області, Автономна Республіка Крим, райони, міста, райони в містах, села та селища.

Потрібно зазначити, що дискусія навколо вибору оптимальної форми державного устрою триває в Україні вже кілька років і не завершена й досі. Особливість цієї дискусії – дуже часте посилення на історичні традиції та

світовий досвід. Крім того, вищезначене обговорення дещо міфологічне, оскільки як загальноприйнятті використовуються терміни неадекватного або ненаукового тлумачення. Серед них є й деякі найважливіші для предмета дискусії: багатонаціональна держава, соборна Україна, федеративний, федеративно-земельний устрій тощо.

Поняття багатонаціональна держава стосовно України активно присутнє у вжитку керівників нашої країни, політиків і науковців¹. Сприйняття України як багатонаціональної держави, якщо цей термін вживати в сенсі утворення, багатонаціонального за формою, створює певні передумови детермінованого характеру визначення оптимальної форми державного устрою. Якщо стати на позицію визнання України як багатонаціональної держави, що утворилася внаслідок союзу кількох націй та народів, тоді федеративний устрій – чи не єдиний логічний шлях до вирішення проблеми державного устрою.

Не вдаючись до деталей, зауважимо, що Україна утворилася як

¹ Звернення Президента України Леоніда Кучми до Верховної Ради України 4 квітня 1995 року // Урядовий кур'єр. – 1995. – 6 квітня.

Етнонаціональний розвиток України: Терміни, визначення, персоналії / [Ю.І. Римаренко (відп. ред.), І.Ф. Курас (відп. ред.)]; АН України; Інститут держави і права; Інститут мовознавства; Інститут національних відносин і політології; Інститут української мови; Інститут філософії; Товариство "Знання" України]. – К., 1993. – 800 с.

Україна. Інформаційно-статистичний довідник. – К.: Держкомстат України, 1996.

національна держава, реалізуючи історичне право українського народу на національне самовизначення. В Україні не маємо жодного етносу, крім українців, який би історично розвивався на даній території і сформувався в якісне утворення – народ. Лише під час подій 2004 року, відколи констатується народження української політичної нації, цей термін набуває нового значення – значення політичної єдності, єдиних цінностей для всього народу, представників будь-якої національності, які визнають Україну своєю батьківщиною.

Досить часто й некоректно вживаються терміни соборність, соборна Україна. Представники політичної орієнтації на розбудову української самостійної соборної держави беззаперечно розуміють це гасло як синонім централізованої унітарної країни. Як свого часу заявляли прихильники УССД (національно-консервативного та національно-радикального напрямів), саме вони репрезентують українську історичну традицію. На думку автора, це не зовсім відповідає дійсності. Термін соборність протягом усього періоду його використання тлумачився значно ширше, ніж централізована унітарна держава. Наприклад, ще від часів Козаччини (часи Д. Дорошенка, І. Мазепи та ін.) соборність виступала спробами об'єднати всі

українські землі в єдину державу незалежно від типу відносин між ними.

Більш суттєве значення має «Акт злуки або Акт соборності» 22 січня 1919 року. Соборна Україна, що утворилася як результат об'єднання Наддніпрянської (УНР) і Західної (ЗУНР) України, не була унітарною за формою державного устрою. Відповідно до угоди між УНР та ЗУНР об'єднання зумовлювалося визнанням того, що ЗУНР входить до УНР як ЗОУНР (Західно-Українська область УНР), але з чітким застереженням щодо прав автономії. Згодом передбачалося передати низку повноважень центру, проте і за таких умов Україна не стала б централізованою унітарною державою.

Таким чином, поняття соборна Україна, на нашу думку, слід розуміти як об'єднання всіх українських історичних земель у єдину державу на засадах загальнонаціонального світоглядного взаємопорозуміння та національної злагоди². Використання цієї категорії саме у запропонованому розумінні, на нашу думку, сприятиме подальшому виробленню загальноприйнятого наукового категоріального ряду для

досліджень з консолідації української нації.

Традиційно також вживають поняття федеративно-земельний устрій. Проте воно поєднує два терміни – відмінні за типом і змістом: федеративний – це форма державного устрою, де компетенції розподіляються між державою та її складовими (адміністративно-територіальними) одиницями; земельний – це тип адміністративно-територіального поділу держави. Поєднувати ці два терміни науково некоректно, позаяк наявність федеративної форми державного устрою не обов'язково передбачає наявність земельного адміністративно-територіального поділу. Або навпаки, існує варіант зміни унітарного устрою на федеративний (при збереженні обласного адміністративно-територіального поділу) через перерозподіл компетенцій. У такий спосіб можлива заміна адміністративно-територіального поділу на земельний із збереженням компетенції і, відповідно, унітарного державного устрою. Отже, у подальшій дискусії слід чітко вирізнити ці два терміни, оскільки вони репрезентують різні рівні розуміння складових державного ладу.

Вважаємо також за доцільне перед подальшим аналізом сучасних політичних дискусій зробити деякий

² Томенко М. Проблема соборності України: науковий і політичний аспекти / Томенко М. // Проблеми соборності України в ХХ столітті / [І.Ф. Курас (ред.) ; НАН України; Інститут національних відносин і політології]. – К., 1994. – С. 25–31.

ретроспективний огляд суспільно-політологічної літератури з вищезначеної проблематики.

В українській політологічній школі маємо виразну федералістську концепцію. Федералістську теорію в Україні започаткували діячі Кирило-Мефодіївського товариства. Один з лідерів цього товариства – М. Костомаров – послуговувався у своїх ідеях історичним досвідом княжої України-Русі, яку він оцінював як федеративний союз земель-князівств під проводом Києва.

Теоретик українського лібералізму М. Драгоманов розробив федералістську концепцію і виклав її на рівні конституційного документа. Його головна ідея полягала у розбудові державного устрою в залежності від системи суспільного ладу. Основними елементами такої системи є громадянин і громада, які на найвищому рівні об'єднані утворенням федерації³ (Російська демократична держава у версії М. Драгоманова). Відносини між центром і областями, на думку мислителя, слід будувати на договірній основі, для чого необхідно чітко визначити перелік повноважень органів місцевого самоврядування різних рівнів⁴.

³ Томенко М.В. Самоозначення України: від історії до політики / Томенко Микола Володимирович. – К. : Заповіт, 1998. – 271 с.

⁴ Шаповал В. Питання форми державного устрою в українській політико-правовій думці (друга

Подальший розвиток федералістської концепції знаходимо у представників народницької школи (М. Грушевський, С. Шелухін, О. Ейхельман та ін.). Наприклад, О. Ейхельман, зокрема, розглядав цю теорію у практично-правовому вимірі. У своєму проекті Конституції він закладав такий принцип організації державного устрою: у системі федеративно-державної організації УНР окремі землі утворювали самостійні адміністративно-правові одиниці, що об'єднувалися в єдину державу, щоби реалізувати спільними зусиллями та засобами загальнодержавні та загальнокультурні завдання. Земля має власну «установчу, законодавчу, судову, виконавчу та контрольну владу». Конституції земель приймаються референдумами і чинні, якщо об'єднане зібрання палат парламенту визнає їх. Якщо зібрання палат або федеративно-державний Голова не ухвалять тих чи інших положень, земля ще раз проводить референдум, і в разі повторної підтримки дані норми Конституції остаточно визнаються чинними. До компетенції земель були віднесені надзвичайно великі повноваження, зокрема й право укладати міжнародні угоди за попередньої згоди федеративно-державних міністерств.

половина XIX – поч. XX ст.) / Шаповал В., Баранчук В. // Вісник Академії правових наук України. – 1996. – № 6. – С. 100.

Крім цього, особливістю запропонованого цим документом федеративного устрою було створення парламентської форми державного правління із залученням більшості принципів прямої демократії. У проекті Конституції не було закладено механізму зміни адміністративно-територіального поділу, тому залишилося незрозумілим, скільки та в який спосіб планувалося утворювати земель, повітів і громад. Загальна схема організації федеративного державного устрою за О. Ейхельманом⁵ виглядала так: громада – повіт – земля – Українська федеративна держава.

М. Грушевський свої погляди на вищезначену проблему виклав у низці статей. Голова Центральної Ради обгрунтував необхідність нового адміністративного поділу України. За його задумом, Україна замість тодішнього поділу на губернії й повіти мала ділитися на землі. Ці землі служили б округами на час виборів до Українських всенародних зборів (сейму). До земель могла бути пристосована адміністративна та судова влада, а головне – в їхніх межах розвивалося б громадське самоврядування. За основу принципу поділу на землі було взято кількість населення в них: приблизно 800–900 тис. за переписом 1897 р., тобто

більше мільйона на 1917 рік⁶. Україна, за версією М. Грушевського, поділялася б на двадцять сім земель; три міста – Київ, Одеса й Харків утворювали б окремі округи. Проект Грушевського передбачав зберегти історичну назву землі, повітів, що розташовані на ній, а також визначити центр землі. Зазначений адміністративно-територіальний поділ є достатньо цікавим з дослідницького погляду, тому подаємо його повністю, згідно з оригіналом, зберігаючи правописні особливості:

1. Київ з околицею до Ірпеня та Стугни й за Дніпром, приблизно на 20 верст.

2. Деревська земля: Радомисльський та Овруцький пов., Київський без полудневої частини, північна частина Ровен, сюди, може, відійде й сусідня частина Мозирського – коли на те буде бажання людності. Центр – Іскорость, тепер важний залізничний узел.

3. Волинь: Володимирський, Ковельський, Луцький, частина Дубенського. – Луцьк.

4. Погорина: Ровенський, Острозький, Заславський, Кременецький, полуднева частина Дубенського, західна частина Староконстантинівського. – Ровно.

⁵ Ейхельман О. Проект Конституції основ державних законів УНР / Ейхельман О. – Київ–Тарнів, 1921. – 96 с.

⁶ Грушевський М. Новий поділ України / Грушевський М. // Грушевський М. На порозі нової України: гадки і мрії / Грушевський М. – К., 1991. – С. 104–109.

5. Болохівська земля: Житомирський, Новоградволинський, част. Бердичівського, Літинського і Вінницького. – Житомир.

6. Пороссе, Поляне, або «Русь»: Васильківський, Сквирський, Таращанський, полуднева част. Київського і схід. Бердичівського. – Біла Церква.

7. Черкаси: Черкаський, Канівський, Чигиринський, част. Звенигородського. – Черкаси.

8. Побоже: Уманський, Гайсинський, частини Липовецького, Балтського й Єлисаветського. – Умань.

9. Поділля: Камінецький, Проскурівський, Ушицький, Летичівський, більша частина Могилівського і Староконстантинівського. – Кам'янець.

10. Брацлавщина: Вінницький, Брацлавський, частини Літинського, Липовецького, Могилівського й Ямпільського. – Вінниця.

11. Подністров'я, або Побережжя: Ольгопільський, Тераспільський, частини Ямпільського, Балтського і Ананівського. – Балта.

12. Помор'я: Одеський (крім західної частини), частини Ананівського й Єлисаветського і Херсонського пов. – Миколаїв.

13. Одеса з територією до Дністровського лиману.

14. Низ: більша частина Єлисаветського, Александрійський і част. Верхньодніпровського. – Єлисавет.

15. Січа: Катеринославський, частини Верхньодніпровського й Херсонського і прибережна полоса Новомосковського й Александрівського. – Половиця (Катеринослав).

16. Запорожжя: Мелітопольський і Бердянський. – Бердянськ.

17. Нове Запорожжя: Херсонський пов. (без зах. і схід-півн. частини) і Дніпровський. – Херсон.

18. Азовська земля: Маріупольський, Павлоградський і Александрівський пов., без західної і північної частин. – Маріуполь.

19. Половецька земля: Старобільський, Слав'яносербський і Бахмутський. – Бахмут.

20. Донеччина: Зміївський, Ізюмський, Вовчанський, Куп'янський, частини Корочанського й Білгородського. – Слов'янськ.

21. Подоння: Новооскільський, Бирючський, Острогожський, Богучарський, частини Корочанського й Старобільського. – Острогожськ.

22. Сіверщина: Мглинський, Суражський, Новозибківський,

Стародубський, Новгородсіверський. – Стародуб.

23. Чернігівщина: Чернігівський, Городнянський, Остерський, Сосницький, частини Козелецького, Ніжинського та Борзенського (до лінії залізниці прибіл.). – Чернігів.

24. Переяславщина: Переяславський, Прилуцький, Пирятинський, частини Козелецького, Ніжинського, Борзенського та Золотоноського. – Прилуки.

25. Посем'я: Крелевецький, Глухівський, Конотопський, Путивльський, може й частина Рильського. – Конотоп.

26. Посулля: Роменський, Лохвицький, Гадяцький, частини Лубенського й Миргородського. – Ромен.

27. Полтавщина: Зіньківський, Полтавський, Констянтиноградський, частини Миргородського й Хорольського, Валківського, Ахтирського й Богодучівського. – Полтава.

28. Самара: Кременчуцький, Кобеляцький, Новомосковський, част. Золотоноського й Хорольського. – Кременчук.

29. Слобідщина: Сумський, Лебединський, більші частини Ахтирського й Богодучівського, Суджанський, Грайворонський. – Суми.

30. Харків з повітом і частинами Валківського й Білгородського⁷.

Як бачимо, із напрацювань Голови Центральної Ради зрозуміло, що до компетенції земель віднесено функції місцевого самоврядування, а не державної влади. Крім того, великого значення М. Грушевський надавав ідеям національно-персональної автономії як суб'єкта нового українського устрою. Було розроблено відповідний законопроект «Про національно-персональну автономію». За ним та за статтями Конституції України (1918, 29 квітня) націям російській, єврейській та польській надавалося право утворювати національно-персональну автономію. Іншим націям таке право надавали лише після подання заяви за підписами 10 тис. громадян означеної національної спільноти⁸. Трохи раніше П універсал (1917, 3 липня), який був своєрідним договором між Центральною Радою і Тимчасовим урядом, містив положення, згідно з яким «Центральна Рада в порозумінні з національними меншостями України підготовлятиме проекти законів про автономний устрій України для предложения їх на затвердження

⁷ Грушевський М. Новий поділ України / Грушевський М. // Грушевський М. На порозі нової України: гадки і мрії / Грушевський М. – К., 1991. – С. 217–218.

⁸ Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр. [у 4-х т.] / Христюк П. – Прага, 1921. – Т. II. – с. 175–180.

Установчим Зборам»⁹, а самочинна реалізація ідей автономії (без згоди Установчих Зборів) не допускалася.

Звернімо увагу на певний парадокс, який вбачається в розбіжності ідей земельного поділу, принципів державного устрою, викладених у статті М. Грушевського «Новий поділ України», з принципами устрою держави у Конституції УНР від 29 квітня 1918 року.

Згодом, під час конституційного процесу часів Гетьманату Скоропадського та Директорії УНР, автори проектів Основного Закону України досить обережно поставилися до ідеї федеративного устрою. Наприклад, у проекті «Основного державного закону УНР» Урядової комісії 1920 року зафіксовано: «... частини Української держави, що виявлять окремі культурно-господарчі інтереси, одержать місцеву автономію з власною Краєвою Радою, яка видаватиме закони місцевого значення. Державна Рада Української держави вирішить зміст цієї автономії і визначить обсяг ділення Краєвих Рад»¹⁰.

Отже, підбиваючи певні підсумки щодо ролі історичних традицій у концепції

українського федералізму, слід наголосити:

- федералізм як форма державного устрою розглядався авторами цієї концепції єдино можливим механізмом децентралізації Російської імперії;

- український федералізм слід розглядати як концепцію більш глибокого змістовного навантаження, ніж просто огляд принципів державного устрою. Теоретичні напрацювання М. Драгоманова, М. Грушевського, О. Ейхельмана мають всі ознаки концепцій суспільного устрою держави;

- у випадках, коли концепція федералізму виступала як означення форми державного устрою, вона жодного разу не була реалізована на практиці. Не було встановлено чіткого принципу, як визначати межі історичних кордонів між суб'єктами федерації, якими мають бути їхня кількість та рівень компетенції. Саме це є причиною застережень щодо абсолютизації місця даної концепції у системі української політичної думки.

---

⁹ Українська Центральна Рада: Документи і матеріали: У 2 т. / [НАН України, Інститут історії України]. – К.: Наукова думка, 1996. – (Пам'ятки історії України. Сер. V. Джерела новітньої історії). – Т. 1. – с. 164–168

¹⁰ Томенко М.В. Самоозначення України: від історії до політики / Томенко Микола Володимирович. – К.: Заповіт, 1998. – 271 с.

